Ч 159/227/5

СЕМЕЙСТВО
ХОЛМСКИХЪ.

159
227

СЕМЕЙСТВО ХОЛМСКИХЪ.

К 01-04
1411

НѢКОТОРЫЯ ЧЕРТЫ ПРАВОВЪ И ОБРАЗА ЖИЗНИ

семейной и одинокой, Русскихъ дворянъ.

Une morale nue apporte de l'ennui,
Le conte fait passer le précepte avec lui.

LAFONTAINE.

Скучно сухое нравоученіе; но въ сказкѣ охотно его выслушаютъ.

Лафонтенъ.

2В-30491

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

ПУБЛ. БИБЛ. ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА С.С.С.Р

МОСКВА.
Въ типографіи С. Селивановскаго.
1832.

Печатать позволяется
съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Москва, 1832 года, Февраля 12 дня.

Цензоръ Левъ Цвѣтаевъ.

2007042698

СЕМЕЙСТВО ХОЛМСКИХЪ.

ГЛАВА I.

Les apparences mêmes sont au nombre des devoirs d'une femme.

J. J. Rousseaux.

Самыя внѣшности входятъ въ число обязанностей женщины.

Ж. Ж. Руссо.

На другой день послѣ пріѣзда въ Москву, Свіяжская позвала Софью къ себѣ въ комнату. »Мы сегодня, послѣ обѣда, ѣдемъ съ тобою въ Пріютово« — сказала она — »только, я должна предупредить тебя, другъ мой — совсѣмъ не на-радость. Аглаевъ былъ здѣсь для полученія наслѣдства, послѣ

умершаго своего дяди, и—все, что ему досталось, проигралъ и промоталъ, попалъ въ шайку развратныхъ игроковъ, и вмѣстѣ съ ними высланъ изъ Москвы. Все это знала я еще въ Петербургѣ; но, по просьбѣ Дарьи Петровны, скрывала отъ тебя, и отъ жениха твоего, чтобы не разстроить васъ обоихъ преждевременною горестью.«

. . . Боже мой! какое несчастіе! »сказала Софья, залившись слезами. — Я не могу безъ ужаса вспомнить о Катинькѣ — каково ей бѣдной! . . . .

»Она еще ничего не знаетъ,« — продолжала Свіяжская — »отъ нея все скрыто, но и теперешнее поведеніе мужа убиваетъ ее. Онъ почти никогда не бываетъ дома, безпрестанно у одного сосѣда своего, Змѣйкина—этого изверга, который вовлекъ его во все дурное, обыгралъ, или просто ограбилъ его, и вмѣстѣ съ нимъ высланъ изъ Москвы. Маменьку твою, извѣстіе о проказахъ и высылкѣ Аглаева изъ Москвы

поразило до такой степени, что она занемогла. Теперь, благодаря Бога, все прошло. Я получила здѣсь отъ нея письмо, которое ты можешь прочесть, и увидѣть, что она совсѣмъ выздоровѣла.«

Письмо Холмской заключало въ себѣ нѣсколько строкъ; она увѣдомляла, что ей, слава Богу, лучше, но что она со всѣхъ сторонъ убита горестью, и всю надежду свою полагаетъ на Свіяжскую и Софью, убѣждая ихъ поскорѣе пріѣхать. Съ тѣмъ вмѣстѣ сообщала она еще новую, совсѣмъ неожиданную непріятность: Князь Рамирскій взялъ въ свое управленіе приданое имѣніе жены, которое онъ, бывши женихомъ, обѣщалъ отдать Катеринѣ. Холмская не умѣла постигнуть причины сего поступка. Отъ Аглаева ничего она добиться не могла, а Князь Рамирскій на письмо ея отвѣчалъ, что онъ отобралъ имѣніе за безчестныя и противозаконныя дѣйствія Аглаева. Холмская просила Свіяж-

скую заѣхать къ Князю Рамирскому, и объяснишься съ нимъ.

»Поѣдемъ, поскорѣе поѣдемъ, милая тетушка!« сказала Софья, заливаясь горькими слезами. »Бѣдная Катинька! что съ нею будетъ! Она не переживетъ этого горя. Вы скрываете отъ меня — ее вѣрно уже нѣтъ на свѣтѣ?« — Нѣтъ, милый другъ мой!« отвѣчала Свіяжская. — Она жива, и, въ доказательство тебѣ, вотъ письмо ея, которое она писала ко мнѣ, по секрету отъ матери и отъ тебя, чтобы въ теперешнемъ, счастливомъ твоемъ положеніи не разстроить тебя извѣстіемъ о ея горести. Она сообщаетъ мнѣ о связи ея мужа съ развратнымъ сосѣдомъ, Змѣйкинымъ, у котораго онъ бываетъ ежедневно. Аглаевъ совсѣмъ кинулъ ее и дѣтей своихъ. Единственное средство спасти его, какъ она пишетъ, состоитъ въ томъ, чтобы отдалить отъ Змѣйкина. Для сего она убѣдительнѣйше проситъ меня опредѣлить мужа

ея къ какому нибудь мѣсту въ Москвѣ. Бѣдная вовсе не знаетъ, что не только никакого мѣста ему здѣсь имѣть нельзя, но, что и самый пріѣздъ сюда запрещенъ.

»Слава Богу, что она еще жива; поспѣшимъ къ ней на помощь,« отвѣчала Софья. »Можетъ быть, Богъ поможетъ намъ спасти ее. Я отдамъ все мое имѣніе, и подаренные мнѣ Дарьею Петровною брильянты продамъ, для заплаты ихъ долговъ. Маменька такъ добра, что не будетъ сердиться за это на меня; въ Николаѣ Дмитріевичѣ я также увѣрена. Поѣдемъ, поспѣшимъ къ ней, милая тетушка!«

— Я послала уже за лошадьми, и велѣла укладываться—отвѣчала Свіяжская.—Вездѣ и во всякомъ случаѣ ты заставляешь болѣе и болѣе любить и уважать тебя, милая, добрая Сонечка, дочь сердца моего! — прибавила она, обнимая Софью, со слезами. — Я всегда была увѣрена, что ты готова всемъ жертвовать для

спокойствія и счастія другихъ ; но, милый другъ мой, дѣло теперь не въ денежномъ пособіи: съ этой стороны безпокоишься нѣчего. У вашей маменьки порядочное имѣніе. Она, по всей справедливости, должна отдать послѣ себя все Катеринѣ, потому что другія дочери ея, по милости Божіей, хорошо пристроены. Сверхъ того, и я также имѣю средства помочь, и нарочно для этого послала, сегодня утромъ, размѣнять въ Опекунскомъ Совѣтѣ билетъ. Денегъ возьму съ собою столько, чтобы тотчасъ на первый случай можно было помочь имъ, а тамъ, на мѣстѣ, придумаемъ, какъ устроить всѣ дѣла. Словомъ: съ этой стороны безпокоишься нѣчего. Но какъ, и чѣмъ возстановить разрушенное супружеское счастіе, и душевное спокойствіе Катиньки ? Этого никакими деньгами купить нельзя. Однакожъ, унывать, и предаваться безполезной горести не должно. Поѣдемъ, посмотримъ, приду-

маемъ; авось, Богъ дастъ, мы поможемъ бѣдной Катишькѣ и въ этомъ важномъ отношеніи. Можетъ быть, сердце мужа ея не совсѣмъ еще развращено; можетъ быть, голосъ разсудка и добродѣтели будетъ еще ему понятенъ. Esperons! le germe du bonheur croit à l'ombre de l'espérance! (Будемъ надѣяться! семяна счастія произрастаютъ въ тѣни надежды)—сказалъ, не помню, какой-то Авторъ.—Черезъ нѣсколько часовъ послѣ сего разговора отправились изъ Москвы. Дорога въ Пріютово была мимо самыхъ воротъ дома Князя Рамирскаго. Свіяжская заѣхала къ нему.

Елисавета встрѣтила ее на крыльцѣ, съ распростертыми объятіями; отъ души цѣловала она Софью, и поздравляла съ помолвкою; непритворная, истинная радость сіяла на лицѣ ея. Князя Рамирскаго не было дома; онъ находился гдѣ-то по хозяйству. Елисавета тотчасъ послала сказать ему о пріѣздѣ милыхъ гостей. Дочь ея спала въ это время, и

на просьбу Софьи показать ее, отвѣчала Елисавета, что она очень гадка, и смотрѣть ее нѣчего, однакожъ повела гостей своихъ въ дѣтскую, гдѣ безъ всякихъ предосторожностей открыла занавѣсъ у дочериной кроватки.

Въ гостиной нашли наши путешественницы Миссъ Клокъ, компаньёнку Елисаветы, и еще какого-то, незнакомаго имъ, мужчину. »Рекомендую вамъ сосѣда нашего, Петра Михайловича Жокондова,« сказала Елисавета. Свіяжская съ любопытствомъ посмотрѣла на него. Она не была лично съ нимъ знакома, но слыхала объ немъ очень много. Лѣтъ десять назадъ, славился онъ въ Москвѣ искусствомъ своимъ прельщать женщинъ, лишилъ репутаціи многихъ, разстроилъ нѣсколько счастливыхъ супружествъ, и вообще извѣстенъ былъ франтовствомъ своимъ, хорошимъ поиомъ, и нѣсколькими дуэлями. Послѣ многихъ исторій въ Москвѣ, онъ куда-то скрылся, и объ немъ

перестали говорить. Такое сосѣдство весьма опасно для легкомысленной и вѣтреной женщины — подумала Свіяжская, и со вздохомъ посмотрѣла на Елисавету.

Жокондовъ, *молодой* человѣкъ, лѣтъ за сорокъ, былъ еще *довольно молодъ* по лѣтамъ своимъ. Быстрые, умные глаза его, и всѣ черты лица, изображали какую-то насмѣшливость. Въ обращеніи его сохранились еще нѣкоторые остатки прежней его любезности; но замѣтно было, что все ему надоѣло. Онъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ чужихъ краяхъ; по возвращеніи въ отечество, Московская и Петербургская жизнь, послѣ Парижа, казались ему несносными. Притомъ-же, дѣла его были въ большомъ разстройствѣ, и онъ рѣшился прожить нѣсколько лѣтъ въ деревнѣ, которая была въ одной верстѣ отъ Князя Рамирскаго. Сначала долго не ѣздилъ онъ къ Рамирскому, но увидѣвъ однажды Елисавету, въ приходской церкви,

плѣнился ею, познакомился съ Княземъ, и съ тѣхъ поръ ежедневно бывалъ у нихъ. Елисаветѣ нравился Жокондовъ хорошимъ тономъ своимъ; онъ жилъ долго въ большомъ свѣтѣ, зналъ множество анекдотовъ, былъ въ чужихъ краяхъ; словомъ, въ глубокомъ уединеніи, съ грубымъ и сумасброднымъ мужемъ, общество Жокондова было чрезвычайно пріятно Елисаветѣ. Какъ человѣкъ опытный, постепенно достигалъ онъ до своей цѣли, и сдѣлался наконецъ необходимымъ для нея; всякій день она сама приглашала его къ себѣ. Частыя посѣщенія сосѣда были весьма непріятны мужу; онъ дурно обходился съ нимъ; но Жокондовъ показывалъ, какъ будто-бы ничего не замѣчаетъ, и продолжалъ ежедневныя свои посѣщенія. Елисаветѣ было досадно грубое обращеніе мужа съ Жокондовымъ; это заставляло ее быть еще ласковѣе; часто, вмѣстѣ съ нимъ, смѣялась она надъ мужемъ. Но никакая мысль о нарушеніи супружеской

вѣрности не входила въ голову Елисаветы, и Жокондовъ, приготовляя постепенно и осторожно торжество свое, еще ни одного слова не говорилъ о любви. Въ этомъ положеніи застали дѣло Свіякская и Софья. Чтобы не помѣшать откровенному разговору сестеръ, которыя давно не видались, Жокондовъ пошелъ въ садъ, вмѣстѣ съ Миссъ Клокъ.

»Ты, Сонничка, совсѣмъ не похожа на невѣсту,« сказала Елисавета, садясь подлѣ нея, когда онѣ возвратились изъ дѣтской въ гостиную. »Что съ тобою сдѣлалось? Ужь не перессорилась-ли ты съ женихомъ своимъ? Еще рано: будетъ довольно времени, когда выйдешь за мужъ. Или не перебранились-ли вы дорогой съ тетушкою? Вы обѣ такъ способны къ этому — разскажи мнѣ, для рѣдкости, о чемъ дѣло стало у васъ?«

— Удивляюсь твоему вопросу — отвѣчала Софья. Ты сама знаешь положеніе сестры Катерины.

»Знаю, но что-жъ тутъ чрезвычайнаго? Она не очень хорошо живетъ съ мужемъ — это очень обыкновенно. Вольно ей принимать все такъ сильно къ сердцу. Не думаешь-ли и ты прожить вѣкъ въ ладу съ будущимъ твоимъ супругомъ? Ты очень ошибешся.«

— Не обо мнѣ дѣло. Богу одному извѣстно будущее; однакожъ, если-бы я не надѣялась прожить счастливо съ избраннымъ мною человѣкомъ, то, вѣрно, не рѣшилась-бы отдать ему моей руки. Но нельзя не удивляться твоему равнодушію, ежели тебѣ всѣ обстоятельства бѣдной Катиньки извѣстны. —

»Какое-жъ чрезвычайное несчастіе съ нею случилось? Я, право, не знаю. Отъ маменьки пріѣзжалъ нарочный къ Князю, съ письмомъ, и порядочно напугалъ меня; но мужъ мой успокоилъ меня на счетъ здоровья маменьки, показавъ надпись на конвертѣ ея руки. Впрочемъ объявилъ онъ мнѣ, что вотъ въ чемъ

все дѣло: Аглаевъ употребилъ во зло довѣренность Князя, поступилъ безчестно, и обезславилъ нашу фамилію. Приданая моя деревня дана ему была только въ управленіе, по вѣрющему письму; онъ, при тебѣ, и при маменькѣ, обязался честнымъ словомъ никогда не продавать и не закладывать этого имѣнія. Но вмѣсто того, тайно отъ насъ, совершилъ закладную, и Князь увидѣлъ фамилію свою напечатанною въ Газетахъ. Послѣ такого безсовѣстнаго поступка, Князь потребовалъ отъ него назадъ вѣрющее письмо, уничтожилъ его, и самъ вошелъ въ управленіе имѣніемъ. — Мнѣ не хочется огорчать добрую старушку, матушку твою, сообщеніемъ ей всѣхъ подробностей — прибавилъ Князь — но обѣщанное мною имѣніе твое сохраню я для дѣтей Аглаева. Послѣ его смерти, или когда они войдутъ въ совершенный возрастъ, ты можешь передать имъ. — Мнѣ кажется, что Князь поступилъ въ

этомъ случаѣ очень справедливо. Лучше сберечь, хотя какой нибудь кусокъ хлѣба дѣтямъ, когда отецъ можетъ, и способенъ дѣтей пустить по міру. Можешь сообщить это Катинькѣ, и она вѣрно одобритъ Князя моего.«

— Ежели все это справедливо — сказала Свіяжская — то мужъ твой, въ самомъ дѣлѣ, поступилъ очень хорошо. Но на счетъ состоянія Катиньки безпокоиться нѣчего. Это послѣдняя вещь. Дѣти ея не останутся безъ куска хлѣба. Ежели-бы только одно это — бѣда не велика! Сердечныя ея страданія такъ нѣжны, что точно надобно всѣмъ, любящимъ ее, изыскивать средства, какъ подкрѣпить и успѣшить ее. —

»Да что-жъ такое съ нею случилось?« продолжала Елисавета. »Опять повторяю: ежели она не такъ ладно живетъ съ мужемъ, то это вещь весьма обыкновенная.«

— Какъ? Не уже-ли ты не знаешь, что

Аглаевъ промоталъ и проигралъ все, что ему досталось послѣ дяди, что онъ выслалъ изъ Москвы, и теперь дурно обходится съ женою своею? — Свіяжская разсказала ей потомъ всѣ подробности. »Въ первый разъ слышу! Ахъ, Боже мой! Бѣдная Катишька!... Да ежели-бы я знала это прежде, то десять-бы разъ побывала у нея. Съ чрезвычайною ея чувствительностію, и слабостью здоровья, не знаю, какъ она еще перенесла такое горе, какъ еще она жива! Можно-ли это! Какъ-же я ничего не знала? Не удивляюсь, что мужъ мой не говорилъ мнѣ ни слова: онъ ненавидитъ Аглаева. Но, какъ отъ другихъ не слыхала я ничего? Мы недавно были у брата Алексѣя... И этотъ отвратительный эгоистъ оставилъ сестру безъ помощи! Онъ объ ней не говорилъ мнѣ ни одного слова; даже имя Аглаевыхъ ни разу не было произнесено, во все время, которое мы тамъ пробыли. Поспѣшите, поспѣшите, милая тетушка,

на помощь къ ней!« прибавила Елисавета, цѣлуя руки Свіяжской. »Она такъ любитъ и уважаетъ васъ; пріѣздъ вашъ и Софьи подкрѣпитъ ее, дастъ ей новую жизнь... Знаете-ли? И я поѣду съ вами.«

Въ это время вошелъ Князь Рамирскій; онъ любилъ и уважалъ Софью, былъ радъ ея пріѣзду, и отъ души поздравлялъ съ помолвкою. Вскорѣ послѣ того и Жокондовъ, съ Миссъ Клокъ, возвратились изъ саду. Весьма замѣтно было, что присутствіе этого гостя непріятно Князю Рамирскому; онъ не смотрѣлъ на него, и не говорилъ съ нимъ ни слова. Продолжать говорить о дѣлахъ семейственныхъ, при постороннемъ человѣкѣ, было невозможно. Разговоръ начался общій и обыкновенный, о предметахъ ничего незначущихъ. Такимъ образомъ прошелъ весь вечеръ.

Оставшись наединѣ съ Софьею, Свіяжская сообщила ей опасенія свои о послѣдствіяхъ, угрожающихъ Елисаветѣ,

отъ короткаго знакомства съ Жокондовымъ. Софья, по невинности своей, при томъ-же бывъ занята мыслями о несчастной сестрѣ, почти не замѣтила даже присутствія Жокондова.

»Какъ жаль«— сказала Свіяжская — »что Елисавета, при всей добротѣ сердца своего, которую она явно доказала, узнавъ о несчастіи сестры, такъ необдумчива и вѣтрена! Какъ она не видитъ всей неприличности и дурныхъ послѣдствій знакомства съ Жокондовымъ, человѣкомъ, столь извѣстнымъ по развращенію и безнравственности своей! Завтра-же утромъ буду я имѣть съ нею нешуточное объясненіе, и постараюсь предостеречь ее.«

— Вы конечно хорошо сдѣлаете, и она вамъ будетъ благодарна —отвѣчала Софья. —Только, воля ваша, тетушка, я не смѣю спорить, а мнѣ кажется, что вы напрасно опасаетесь: я увѣрена въ Елисаветѣ, и никакихъ дурныхъ послѣдствій не ожидаю. —

»Ты, другъ мой, такъ огорчена несчастіемъ сестры, что ни о чемъ другомъ думать не можешь. Какъ не замѣтила ты, съ какимъ непріятнымъ видомъ смотритъ мужъ ея на этого Кокондова? Я не сомнѣваюсь въ твердости правилъ Елисаветы, но женщина, не имѣющая вниманія за собою, можетъ быть нечувствительно совращена со стези добродѣтели, и постепенно вовлечена въ нарушеніе своихъ обязанностей. Притомъ-же, соблюденіе приличій, и даже самой наружности, есть священный долгъ супруги. Доброе имя, пріобрѣтаемое многими годами, можетъ уничтожиться въ одну несчастную минуту. Кто знаетъ, можетъ быть, уже и теперь мужъ ея подозрѣваетъ, и есть добрые люди, пользующіеся этимъ случаемъ, чтобы увеличить раздоръ и вражду ихъ между собою?«

— Ахъ, Боже мой! я ничего не соображала — мнѣ даже въ голову все это не приходило! — отвѣчала Софья. — Ка-

кой важный урокъ лично для меня! — Будьте Ангеломъ хранителемъ Елисаветы, милая тетушка! Вамъ предопредѣлено быть истинною благодѣтельницею всего нашего семейства. Самъ Богъ наградитъ васъ. Предостерегите, удержите ее на краю бездны, къ которой она, по неосторожности и вѣтренности своей, такъ близка! Мы пробудемъ здѣсь недолго. Вы объяснитесь съ Елисаветою, а я буду говорить съ мужемъ ея, на счетъ имѣнія, взятаго имъ отъ Аглаевыхъ. —

»Объясненіе твое съ нимъ, какъ я думаю, должно заключаться въ томъ, что тебѣ надобно одобрить его поступокъ«— сказала Свіяжская. »Послѣ того, что мы знаемъ объ Аглаевѣ, Князь Рамирскій точно справедливо поступилъ, взявъ у него имѣніе. Сомнѣваюсь я, чтобы онъ имѣлъ въ виду обезпечить будущее благосостояніе дѣтей Катерины, и вѣрно взялъ онъ имѣніе, просто, по скупости своей. Но тебѣ должно воспользоваться уваже-

ніемъ и привязанностію Князя, и сообщивъ ему, что ты слышала отъ Елисаветы, поблагодаритъ за попеченіе о дѣтяхъ Катерины, которыхъ ты поручаешь его великодушію. Ежели онъ повторитъ и тебѣ тоже, что говорилъ женѣ, то послѣ сего совѣстно ему будетъ противъ тебя не отдать имѣнія дѣтямъ. Вотъ, какъ я думаю, надобно дѣйствовать съ нимъ.«

На другой день, утромъ, расположились онѣ выѣхать тотчасъ послѣ чаю, за тѣмъ, чтобы къ вечеру поспѣть къ Аглаевымъ. Свіяжская встала нарочно пораньѣе, имѣя въ виду, свободно, наединѣ, покамѣстъ не всѣ соберутся, говорить съ Елисаветою. Софью предупредила она, чтобы въ то время, когда будетъ у нея объясненіе съ Елисаветою, взяла-бы она мужа ея въ садъ, и говорила съ нимъ, о чемъ уже онѣ условились.

Елисавета пришла къ Свіяжской въ дурномъ правѣ, и съ головною болью. Она

съ вечера сообщила мужу желаніе свое ѣхать къ Аглаевымъ, а онъ, по скупости своей, опасаясь, что Елисавета, для пособія имъ, готова будетъ отдать бриллианты свои, рѣшительно не согласился. Слово за слово, вышла жестокая распря. Елисавета настаивала въ намѣреніи непремѣнно ѣхать; мужъ объявилъ, что не дастъ ей лошадей. Она говорила, что уйдетъ пѣшкомъ, а онъ отвѣчалъ, что велитъ связать ей ноги и руки. Кончилось взаимными упреками. Въ заключеніе сей сцены сдѣлалась съ Елисаветою истерика, а мужъ ея ушелъ спать къ себѣ въ кабинетъ.

Съ нетерпѣніемъ и явнымъ неудовольствіемъ слушала Свіяжскую Елисавета. Предостереженіе не только не сдѣлало никакой пользы, но разсердило ее, и она, въ запальчивости, наговорила Свіяжской много грубостей, объявивъ рѣшительно, что удивляется: по какому праву взялась она дѣлать ей такіе оскорбительные упреки?

»Впрочемъ, ежели-бы я и въ самомъ дѣлѣ была *виновата*, въ чемъ вы, по *дружбѣ* и по *родству*, такъ откровенно объясняете мнѣ подозрѣніе ваше« — сказала съ досадою Елисавета — »то самъ мужъ мой, невѣрностію, и поступками своими противъ меня, далъ мнѣ на это все право; онъ возобновилъ прежнюю связь съ Анускою Лезбосовою, хотя клялся мнѣ никогда невидаться съ нею. Жокондовъ добрый и умный человѣкъ; онъ рекомендовалъ мнѣ самимъ мужемъ моимъ, и я не понимаю, почему мнѣ лишать себя его пріятнаго общества? Это капризъ, и я не уважила-бы такого вздорнаго требованія даже и со стороны самой маменьки; слѣдовательно, тѣмъ менѣе еще прошу вступаться въ мои дѣла *людей постороннихъ*.«

Свіяжская хладнокровно выслушала всю эту неприличную и грубую выходку Елисаветы.

»Послушай, мой другъ: кажется, я совсѣмъ не посторонняя въ вашемъ семей-

ствѣ; я поставила себѣ долгомъ предостеречь тебя, говорила отъ души, и очень сожалѣю, что ты разсердилась за дружескій совѣтъ. Но я сдѣлала свое дѣло, и еще тебѣ повторяю: остерегись — ты готовишь себѣ большое несчастіе, и послѣ сама согласишься, что я говорила тебѣ правду.«

»Благодарю за эту правду. Но, кажется, уже невозможно мнѣ быть несчастливѣе теперешняго!« отвѣчала Елисавета, задыхаясь отъ слезъ. — »Что я переношу, и какова моя жизнь — одному Богу извѣстно!« Свіяжская съ состраданіемъ смотрѣла на нее, и не говорила ни слова. Утирая свои слезы, одумавшись, и раскаиваясь сама въ грубостяхъ, сказанныхъ Свіяжской, Елисавета просила у ней прощенія, и цѣловала ея руки.

Въ это время вошелъ Князь Рамирскій, вмѣстѣ съ Софьею, изъ сада. Принесли самоваръ, и Миссъ Клокъ приступила къ

разливанію чая. Всѣ были задумчивы и молчали. Одна Свіяжская сохранила хладнокровіе, и, чтобы поддержать кое-какъ разговоръ, обратилась къ Князю Рамирскому, съ вопросами о любимомъ его предметѣ, хозяйствѣ. Вступивъ на сію, столь извѣстную ему стезю, Князь разговорился, разсказывалъ всѣ подробности о посѣвѣ и урожаѣ въ разныхъ деревняхъ своихъ. Между тѣмъ карета Свіяжской была подвезена къ крыльцу. Елисавета плакала, и, цѣлуясь съ нею, просила еще разъ, потихоньку, прощенія въ грубостяхъ своихъ. Обнимая Софью, нарочно говорила она съ нею по Англійски, чтобы мужъ ея не могъ понять. Она умоляла ее, тотчасъ по пріѣздѣ къ Аглаевымъ, увѣдомить, въ какомъ положеніи найдетъ она сестру, и что ежели ей нужно пособіе, то она, тайно отъ *тирана* своего, пришлетъ ей всѣ свои брилльянты. Мужъ и жена проводили такимъ образомъ гостей своихъ до кареты.

Въ близкомъ разстояніи отъ деревни Князя Рамирскаго, встрѣтился имъ Жокондовъ, одѣтый щегольски, ѣдущій въ кабріолетѣ, на парѣ Англійскихъ, красивыхъ лошадей. Онъ спѣшилъ, какъ видно было, на обыкновенное дежурство свое къ Елисаветѣ.

»Всегда, когда вижу я такого необыкновеннаго франта« — сказала Свіяжская — »приходитъ мнѣ въ голову сужденіе, непомню какого-то Автора. »Надобно вообразить себѣ,« говоритъ онъ, »самаго »отличнѣйшаго нашего щеголя, одѣтаго »по послѣднему нумеру Парижскаго Мод»наго Журнала — какимъ шутомъ и уро»домъ показался-бы онъ добрымъ Китай»цамъ въ Пекинѣ?« Но франтовство этого обветшалаго волокиты, Жокондова, въ сторону, а я опасаюсь, что онъ довершитъ несчастіе доброй, но весьма вѣтреной и взбалмошной нашей Елисаветы .... и погубитъ ее.« Свіяжская сообщила Софьѣ разговоръ свой съ Елисаветою,

сказанныя ею грубости, и раскаяніе о томъ, что она забылась.

— Къ счастію, что вы такъ добры, разсудительны, отвѣчала Софья, »и такъ равнодушно перенесли ея грубости. Какъ можно было благонамѣренность вашу, и дружескій совѣтъ, принять съ такою непріятностію? Но сколько несчастныхъ супружествъ удалось уже мнѣ видѣть — въ особенности-же, примѣръ сестеръ моихъ приводитъ меня въ ужасъ! Какъ тяжела обязанность, которую я на себя принимаю.... Почему мнѣ думать, что для меня будетъ исключеніе изъ общаго правила! —

»Милый другъ мой,« отвѣчала Свіяжская, — ты ежедневно читаешь Священное Писаніе. Вспомни слова: *царствіе небесное нудится.* Это значитъ, что должно трудиться, для пріобрѣтенія душевнаго спокойствія и счастія, призывать Бога въ помощь, усердно молиться, имѣть безпрерывное и внима-

тельнѣйшее наблюденіе за собою, ничего безъ размышленія не дѣлать, смотрѣть на послѣдствія, руководствоваться отличнымъ преимуществомъ, даннымъ человѣку — здравымъ разсудкомъ. Повѣрь, что большая часть несчастій и огорченій нашихъ происходитъ отъ насъ самихъ, и что величайшій врагъ человѣку — онъ самъ!«

ГЛАВА II.

Лафатеръ брался узнавать характеръ каждаго человѣка по почерку его; имъ съ большею достовѣрностію можно опредѣлительно заключишь о свойствахъ хозяина и отца семейства по образу его жизни, и порядку въ его домѣ.

Неизвѣстный.

Съ стѣсненнымъ сердцемъ, и со слезами на глазахъ, приближились путешественницы наши къ Пріютову. Какая противоположность нынѣшняго пріѣзда ихъ, и перваго ихъ посѣщенія! Проѣзжая мимо сада, увидѣли онѣ все въ запущеніи: куртины заросли и заглохли; аллеи были

невыметены; вездѣ расли крапива и рѣпейникъ; прекрасная бесѣдка, гдѣ онѣ въ первый пріѣздъ свой пили чай, совсѣмъ завалилась; листья, спавшіе съ деревъ на столъ, бывшій посрединѣ бесѣдки, не были счищены; дерновыя скамьи заросли; любимый Аглаевымъ храмъ Гимнея являлся также въ развалинахъ, и гипсовая статуя, бывшая на пьедесталѣ среди всего храма, отъ дождей пожелтѣла, и почти совсѣмъ разсыпалась; заборъ около сада вездѣ обрушился; въ цвѣтникахъ ходили на свободѣ телята. Всѣ строенія, поддержкою которыхъ въ хорошемъ видѣ прежде такъ занимался Аглаевъ, увидѣли онѣ въ совершенномъ упадкѣ. Дождикъ и непріятная сырая погода еще болѣе усиливали грусть.

Никто не вышелъ къ нимъ на крыльцо. Въ лакейской была отвратительная нечистота и тяжелый воздухъ; недогорѣвшіе, сальные огарки валялись по столу и по лавкамъ; немытыя тарелки стояли въ

углу; большая, дворная собака, отыскивал куски хлѣба, и кости, валявшіяся подъ лавками, довершала украшеніе этой комнаты. Изъ служителей нашли тутъ одного только мальчика, въ замаранномъ сюртукѣ, изъ домашняго, толстаго сукна, —локти у него были разодраны, лицо неумыто, волосы неразчесаны; но и этотъ мальчишка преспокойно спалъ на лавкѣ. Залаявшая и бросившаяся въ дверь собака разбудила его. »Дома-ли господа?« — спросила, сквозь слезы, Софья. — Барина нѣтъ дома — отвѣчалъ оторопѣвшій мальчикъ — а барыни, и старая, и молодая, дома. — Свіяжская и Софья вошли въ залу. И тутъ были такой-же безпорядокъ и нечистота; оборванные обои висѣли по стѣнамъ, и на потолкѣ видны были слѣды печи, съ полусогнившей, тесовой крышки дома; балки нависли до того, что угрожали безпрестанно совершеннымъ паденіемъ.

Катерина, предувѣдомленная нянею, увидѣвшею изъ дѣтской, что къ крыльцу

подъѣхала карета, думала, что кто нибудь изъ сосѣдей пріѣхалъ навѣстишь ее. Она спѣшила надѣть чепчикъ и платокъ, и встрѣтила гостей въ залѣ. Со слезами бросились обѣ сестры въ объятія другъ друга. Катерина до такой степени похудѣла, была такъ блѣдна, желта, горесть такъ сильно изнурила ея здоровье, что ее совсѣмъ узнать было невозможно. — »Гдѣ маменька?« спросила Софья, проливая горькія слезы, и смотря на сестру. — Она еще послѣ болѣзни своей не совсѣмъ оправилась. Нынѣшнюю ночь худо почивала, и теперь, кажется, уснула. — »Но гдѣ-же твои дѣти? Двухъ меньшихъ я совсѣмъ не знаю.« — Ихъ сей часъ приведутъ сюда. —

Между тѣмъ, старая Холмская, лежавшая у себя въ комнатѣ, на постелѣ, услышавъ бѣготню и шопотъ въ дѣвичей, догадалась, что вѣрно пріѣхали уже давно ожидаемые, любезные ея гости, кое-какъ встала съ постели, и спѣшила къ нимъ.

Поддерживаемая служанкою своею, вошла она въ гостиную. Софья бросилась цѣловать ея руки. Радость матери, при свиданіи съ дочерью, которая одна ей осталась въ утѣшеніе, была чрезмѣрна. Старушка упала въ обморокъ. Софья испугалась; всѣ бросились помогать ей; она скоро опамятовалась.

»Что вы, маменька? Какъ себя чувствуете?« спрашивала Софья, цѣлуя ее. — Ничего, мой другъ, все прошло; радость видѣть тебя, истиннаго моего друга, и твою благодѣтельницу, оживила меня — я чувствую себя очень хорошо — отвѣчала Холмская, цѣлуя и прижимая Софью въ своихъ объятіяхъ. —

— Это ты? Тебя я обнимаю, другъ мой, утѣшеніе мое, милая, добрая дочь моя? — продолжала Холмская. — Богъ еще былъ столько милостивъ, что далъ мнѣ дожить до радости видѣть тебя невѣстою, и благословить тебя! Ты вѣрно будешь счастлива. Богъ наградитъ тебя, почититель-

ная дочь и добрая родная! Вѣрно будешь ты благополучною женою, и счастливою матерью семейства. Дай мнѣ еще расцѣловать тебя, наглядѣться на тебя. Мы такъ давно невидались, милая моя Сонечка, другъ мой, счастіе, утѣшеніе мое! — При каждомъ словѣ она снова цѣловала Софью, и слезы радости текли изъ глазъ старушки. — А тебя, мой другъ, Прасковья, Васильевна, я не знаю, какъ и благодарить. Но Богъ видитъ мое сердце: Онъ наградитъ тебя за все, что ты сдѣлала для моей Сонечки! — сказала Холмская, обращаясь къ Свіяжской, и бросившись цѣловать ее.

»Полно, полно, что ты говоришь!« отвѣчала Свіяжская. »Я, конечно, люблю Сонечку выше всего въ мірѣ, но въ сватовствѣ ея и помолвкѣ я нисколько не участвовала. И сынъ и мать, оба страстно въ нее влюбились, и такъ скоро, такъ неожиданно все совершилось, что не дали намъ съ нею опомниться. Я разскажу тебѣ послѣ всѣ подробности. Та-

кой страшной, но вмѣстѣ съ тѣмъ такой добродѣтельной женщины, какъ будущая твоя свашья, рѣдко найдти можно. Съ Николаемъ Дмитріевичемъ ты давно знакома, слѣдовательно, хвалишь его и говоришь объ немъ нѣчего. Но мы, по старинной привычкѣ, ляжемъ спать въ одной комнатѣ; я все тебѣ разскажу, а теперь совѣтовала-бы я тебѣ принять Гофманскихъ капель, и лечь на диванѣ, а мы подлѣ тебя посидимъ. Посмотри на себя, какъ ты перемѣнилась и похудѣла!« — Софья побѣжала тотчасъ за каплями и за подушками. Въ дѣвичей обступили ее съ поздравленіями; она со всѣми перецѣловалась. Между тѣмъ Катерина послала за мужемъ своимъ къ Змѣйкину, и велѣла подавать самоваръ. Дѣтей ея нянюшка успѣла нарядить въ праздничное платье, и они введены были въ гостиную.

Крестница Софьи, Сонечка, уже давно съ удовольствіемъ ожидала ее. Няня всякій день твердила, что крестная мамень-

ка привезетъ *гостинцевъ*; она очень обрадовалась, когда ей сказали, что наконецъ эта крестная маменька пріѣхала, и потому подошла она къ Софьѣ безъ всякаго упрямства и застѣнчивости. Но двое меньшихъ дѣтей мальчики, Ѳединька и Петруша, очень рѣдко видавшіе посторонних, заревѣли во все горло, когда Софья подошла цѣловать ихъ. Насилу могли ихъ унять, и велѣли поскорѣе принесть изъ кареты игрушки, привезенныя Софьею изъ Петербурга; всѣхъ дѣтей вывели въ залу; но и тамъ ревѣнье нѣсколько разъ возобновлялось; старшая сестра обнажала братьевъ, отнимала игрушки, не смотря на то, что ей подарила Софья вдвое больше и лучше. Катерина должна была нѣсколько разъ выходить въ залу, унимать и мирить.

Холмская ожила при свиданіи съ Софьею и Свіяжскою. Еще нѣсколько разъ принималась она, со слезами радости, цѣловать ихъ. Время нечувствительно шло въ разсказахъ, о Петербургской жизни, о по-

молвкѣ Софьи, о женихѣ ея, также и о странностяхъ Дарьи Петровны Пропской. Одна только бѣдная Катерина не могла принять полнаго участія въ общей радости: она безпрестанно смотрѣла въ окно, прислушивалась къ каждому стуку, и была въ большомъ безпокойствѣ, что мужъ ея не ѣдетъ. Такимъ образомъ ожидала она до 10 часовъ. Наконецъ, насилу удерживая слезы свои, сказала: »Видно Петръ Ѳедоровичъ не будетъ сегодня; что нибудь остановило его, а вы устали съ дороги; я велю подавать ужинать.« — Да, видно, что онъ не будетъ — отвѣчала со вздохомъ Холмская. — Но что твой пьяница поваръ? Въ состояніи-ли былъ онъ изготовить ужинъ? — »Я его упрашивала давно, чтобы онъ, по крайней мѣрѣ, на то время, когда пріѣдутъ тетушка и сестра, удержался отъ пьянства. Онъ отвѣчалъ, что для доброй барышни Софьи Васильевны готовъ въ огонь и въ воду, и далъ слово не пить въ это время. Онъ приходилъ

ко мнѣ спрашивать о кушаньѣ, и не былъ пьянъ — авось удержится.« Еще около часа просидѣли въ гостиной послѣ ужина; но Аглаевъ не возвращался домой, и всѣ разошлись спать.

Оставшись наединѣ съ сестрою, Софья начала было откровенно разговаривать съ нею объ ея положеніи; но Аннушка, горничная ея дѣвушка, вошла съ веселымъ видомъ, и подала письма, полученныя съ нарочнымъ изъ Москвы, отъ управляющаго Свіяжской. Аннушка знала, что письма были отъ жениха Софьи, и спѣшила обрадовать барышню, но онѣ заключали въ себѣ весьма непріятныя извѣстія. Пронскій писалъ съ отчаяніемъ, что сильная болѣзнь мачихи, случившаяся наканунѣ самаго отъѣзда, остановила ихъ. Жизнь ея была въ опасности; теперь, прибавлялъ онъ, слава Богу, ей получше, и можно надѣяться черезъ нѣсколько дней выѣхать. Сама Пронская, чтобы успокоить Софью, приписала своею рукою нѣ-

сколько словъ, но по почерку замѣтно было, что она еще очень слаба. Все это чрезвычайно огорчило Софью. Кромѣ того, что болѣзнь Прокской отдаляла время свиданія съ женихомъ (а привязанности своей къ нему она уже не находила причинъ скрывать), въ продолженіе сего времени она полюбила и самую Прокскую, какъ мать. Извѣстіе о болѣзни ея сильно разстревожило Софью, и она не могла удержать слезъ своихъ.

Катерина, вмѣсто того, чтобы утѣшать сестру, сама съ нею плакала. Нервы ея до такой степени были разстроены, что малѣйшее безпокойство, или огорченіе, приводило ее въ слезы и истерику. Съ нею сдѣлался сильный истерическій припадокъ, и потомъ обморокъ. Софья забыла свое горе, помогала сестрѣ, насилу, съ пособіемъ горничныхъ, привела ее въ чувство, и тотчасъ послѣ того, упросивъ ее, чтобы она легла въ постелю и успокоилась, ушла къ себѣ въ комнату.

Между тѣмъ, обѣ старушки, Холмская и Свіяжская, не зная, что происходило въ комнатѣ Катерины, разговаривали между собою. Свіяжской хотѣлось знать, за что былъ высланъ Аѓлаевъ изъ Москвы, какъ онъ теперь живетъ съ женою, и какое именно пособіе должно имъ сдѣлать, покамѣстъ, на первый случай. *Похожденія* Аѓлаева мы разскажемъ въ слѣдующихъ главахъ.

ГЛАВА III.

Intrigue, astuce et audace — moyens de succès infaillibles au temps, où nous vivons.

Jouy.

Пронырство, коварство и наглость — самыя дѣйствительныя средства успѣховъ въ наше время.

Жуи.

Вскорѣ послѣ отъѣзда Софьи въ Петербургъ, Аглаевъ получилъ извѣстіе отъ Г-на Фрипоненкова, стряпчаго дяди его, что дядюшка наконецъ умеръ, и что хотя, *какъ говорятъ*, духовная сдѣлана точно въ пользу Лукавиной, но это еще невѣрно; притомъ-же, родовымъ имѣніемъ

покойникъ располагать не имѣлъ права, и что въ слѣдствіе всего этого, Аглаевъ долженъ поспѣшить въ Москву, за тѣмъ, что — *можетъ быть* — въ духовной ничего не сказано о большомъ денежномъ капиталѣ, оставшемся послѣ его дяди, и Лукавина, *можетъ быть*, не успѣла всего захватить себѣ. Покамѣстъ-же, до пріѣзда, Фрипоненковъ совѣтовалъ отправить прямо въ судъ, по почтѣ, изъ уѣзднаго города, просьбу, написанную уже на-бѣло, приложенную къ письму Фрипоненкова, и состоящую въ томъ, что Аглаевъ настоящій, законный, и единственный наслѣдникъ.

Разумѣется, что получивъ сіе извѣстіе, Аглаевъ въ нѣсколько часовъ собрался, поѣхалъ, скакалъ день и ночь, и черезъ самое короткое время явился въ Москвѣ. Дорогою придумывалъ онъ, какія лучшія средства принять ему противъ тетушки Лукавиной? Онъ рѣшился взять на отвагу, прямо въѣхать на дворъ къ покой-

нику, вступишь въ управленіе, какъ слѣдуетъ законному наслѣднику, и начнешь тѣмъ, что выгнать тетушку вонъ изъ дома.

Исполняя намѣреніе свое, Аглаевъ пріѣхалъ, прямо отъ заставы, въ домъ покойнаго дяди, явился внезапно, безъ доклада, въ комнату Лукавиной, и началъ было повелительнымъ тономъ говорить ей, что она должна выѣхать вонъ изъ дома, принадлежащаго ему, какъ наслѣднику. Но Аглаевъ очень ошибся въ ожиданіи своемъ. Тетушка была уже приготовлена къ такой сценѣ, ни мало не смѣшалась, и отвѣчала ему, чтобы онъ самъ сей часъ вышелъ вонъ изъ *ея* дома, или она призоветъ Полицію. Къ этому присоединила тетушка, въ утѣшеніе Аглаева, что дядя рѣшительно ничего ему не оставилъ, а передалъ ей все движимое и недвижимое имѣніе свое, по духовному завѣщанію, которое уже *утверждено законнымъ порядкомъ*.

Такое *утѣшительное* извѣстіе, и

рѣшительный тонъ тетушки, поразили Аглаева. Онъ пошизлъ голосъ, и, сказавъ сквозь зубы, что будешь отыскивать право свое, и опровергать духовную законнымъ порядкомъ, долженъ былъ отправляться назадъ въ свою дорожную коляску. Денегъ съ нимъ было весьма немного, жить въ трактирѣ не имѣлъ онъ способа, и, по необходимости, велѣлъ ѣхать къ дядѣ своему Аристофанову. Онъ успѣлъ только спросить о доброжелательномъ ему каммердинерѣ покойнаго дядюшки. Ему сказали, что еще при жизни покойнаго, тетушка Лукавина отправила этого доброжелателя, съ большимъ жалованьемъ, въ прикащики, въ дальную степную деревню.

Аглаевъ не засталъ Аристофанова дома, поскорѣе переодѣлся, и тотчасъ отправился къ любезному корреспонденту своему, извѣстившему его о смерти дядюшки, то есть — попалъ прямо въ западню, поставленную симъ мошенникомъ,

какъ-то въ послѣдствіи откроется. Фрипоненковъ принялъ его съ величайшею вѣжливостію, не зналъ гдѣ лучше и спокойнѣе посадить, тотчасъ предложилъ свои услуги, и просилъ приказывать и распоряжать имъ въ полной мѣрѣ. Аглаевъ сообщилъ ему разговоръ свой съ тетушкою Лукавиною.

»Какъ можно!« вскричалъ Фрипоненковъ, съ *негодованіемъ*. — »Ежели и дѣйствительно совершена духовная въ ея пользу, то ей еще нѣкогда было предъявить и взойдти въ управленіе. Это вздоръ! Она хотѣла напугать васъ. Позвольте, я къ ней съѣзжу; пусть она покажетъ духовную; я все выведу наружу. Усердіе мое и преданность къ вамъ придадутъ мнѣ силы. Повѣрьте, почтенный Петръ Ѳедоровичъ, что я оправдаю вашу довѣренность, и на самомъ дѣлѣ докажу, какъ я васъ уважаю, люблю, и какъ я преданъ вамъ.« Фрипоненковъ наговорилъ множество подобныхъ словъ; увѣрялъ,

ито готовъ въ огонь и въ воду, что
нъ человѣкъ безкорыстный, и проч.,
ито обыкновенно говорятъ плуты обре-
ненной своей жертвѣ.

Аглаевъ всему повѣрилъ; былъ въ во-
сторгѣ отъ необыкновенныхъ добродѣ-
телей Фрипонешкова; уполномочилъ его
хлопотать, и обнадежилъ въ своей при-
знательности.

Въ тотъ-же день явился Фрипонеш-
ковъ къ Аглаеву, съ печальнымъ лицомъ.
— »Вообразите, Петръ Ѳедоровичъ,« —
сказалъ онъ — »вѣдь духовная сдѣлана,
въ самомъ дѣлѣ, въ пользу вашей тету-
шки; она успѣла предъявить ее; все кон-
чено — она введена во владѣніе законнымъ
порядкомъ.« — Какъ? Но вы мнѣ сами го-
ворили, что на родовое имѣніе дѣлать
духовной нельзя? — »Точно, да откры-
вается, что *родоваго имѣнія* очень
немного, и у нея векселей на покойнаго
вашего дядюшку вдвое болѣе, чѣмъ оно
стоитъ . . . . Какое безстыдство!« про-

должалъ Фрипоненковъ — »Какая наглость! Какое беззаконіе! Совѣмъ, можно сказать, посторонней женщинѣ, воспользоваться болѣзненнымъ состояніемъ старика, выжившаго изъ ума, похитить чужое имѣніе, ограбить законнаго наслѣдника! — Послѣднія времена пришли! Повѣрьте, что я, завлеченный усердіемъ моимъ и преданностію къ вамъ, все это говорилъ ей въ глаза; но она взбѣсилась, и хотѣла было позвать людей, и выгнать меня изъ дому. Я ей докажу однакожъ — унывать не должно... Надобно подать просьбу, и начать настоящее тяжебное дѣло. Еще мы посмотримъ: не подложная-ли духовная! . . . .

Аглаевъ не зналъ, какія найдти выраженія, для изъясненія благодарности.

»Дайте мнѣ вѣрющее письмо, и я тотчасъ начну хлопотать,« сказалъ Фрипоненковъ.— »Но, почтеннѣйшій Петръ Ѳедоровичъ, вы должны это знать — дѣло весьма важное: слишкомъ три тысячи

душъ, и, можетъ быть, болѣе милліона денегъ. Вы можете вообразить, что она ничего не пожалѣетъ. Вамъ также надобно приготовиться къ большимъ пожертвованіямъ. Впрочемъ, вся справедливость на вашей сторонѣ, и я навѣрное отвѣчаю вамъ головою моею, что вы дѣло выиграете — жалѣть нѣчего!...

»Все такъ, любезный мой Осипъ Гавриловичъ« — отвѣчалъ Аглаевъ. — »Но откуда мнѣ взять денегъ? Имѣніе у меня небольшое, и я много долженъ; повѣритъ-ли мнѣ кто нибудь, въ ожиданіи будущихъ благъ, пока я выиграю дѣло?«

»Ежели такъ,« отвѣчалъ Фрипоненковъ, показывая видъ, что онъ увлеченъ усердіемъ своимъ къ Аглаеву — »я готовъ послѣднимъ, что имѣю, жертвовать для васъ. Беру всѣ хлопоты и издержки на себя—что будетъ, то будетъ! Мнѣ Богъ поможетъ защитить невиннаго. Притомъ-же я увѣренъ, что вы не оставите меня,

и ежели выиграете дѣло, то — вознаградите мои убытки.«

Аглаевъ бросился цѣловать его, и, въ первомъ движеніи, схвативъ перо и бумагу, далъ подписку, что онъ поручаетъ ему имѣть ходатайство, по дѣлу о наслѣдствѣ послѣ покойнаго дяди, и, въ случаѣ успѣха, обязывается заплатить ему двадцать тысячъ рублей.

Фрипоненковъ положилъ подписку Аглаева въ карманъ, и простился съ нимъ, обѣщалсь съ завтрашняго-же дня приступить къ дѣлу.

Вскорѣ послѣ того Аристофановъ возвратился домой; по прежнему наговорилъ онъ много привѣтствій Аглаеву, благодарилъ, что онъ остановился у него въ домѣ, разсказывалъ о подвигахъ своихъ, также по прежнему часто задыхался, кашлялъ, и Аглаевъ съ горестію увѣрился, что дядюшка его сдѣлался еще смѣшнѣе, чѣмъ былъ прежде.

Оба удивлялись, и были въ восторгѣ отъ

поступковъ столь необыкновеннаго, *чудеснѣйшаго* и *добрѣйшаго* Фрипонешкова, который совершилъ свое обѣщаніе, на другой, день утромъ. Онъ явился къ Аглаеву-же съ написаннымъ уже набѣло вѣрющимъ письмомъ, и заготовленною имъ просьбою на Лукавину.

»Я вчера такъ былъ возстановленъ противъ нея«—сказалъ Фрипонешковъ — »что не могъ успокоиться, пока не написалъ просьбы; цѣлую ночь трудился, и, кажется, ничего не упустилъ къ изобличенію въ ложномъ поступкѣ.« Онъ прочелъ въ слухъ просьбу, въ которой такъ ясно выведены были всѣ обстоятельства, такъ хорошо изъяснено подозрѣніе въ подложности духовной, что всякій другой, немного поопытнѣе Аглаева и поразсудительнѣе Аристофанова, долженъ-бы усомниться въ Фрипонешковѣ, которой не могъ еще, не имѣя въ рукахъ духовной, знать до такой степени всѣ подробности.

»Послушайте однакожъ, почтеннѣйшій

Петръ Ѳедоровичъ,« сказалъ Фрипонсковъ. »Не смотря на то, что вся справедливость на вашей сторонѣ, и что подложность духовной очевидна, совсѣмъ тѣмъ однакожъ, по благонамѣренности моей, и по усердію къ вамъ, я совѣтовалъ-бы, ежели тетушка согласится на мировую, то — лучше не начинать дѣла.«

— И конечно: онъ говоритъ правду — сказалъ Аристофановъ. — Процессъ, Богъ знаетъ сколько времени протянется, и, можетъ быть, не въ твою пользу рѣшится, а ежели тетушка согласна будетъ помириться, то это гораздо лучше.«

»Я во всемъ полагаюсь на васъ, любезный Осипъ Гавриловичъ« — отвѣчалъ Аглаевъ. — »Вы на самомъ опытѣ доказали мнѣ благонамѣренность вашу. Я имѣю полную довѣренность къ вамъ, и какъ вы мнѣ скажете, я на все согласенъ.«

»О! въ этомъ положитесь на меня; я вашихъ интересовъ не упущу изъ виду, и такъ буду дѣйствовать, чтобы тетушка

сама предложила мировую. Вѣрющее письмо можно будетъ послѣ сдѣлать, а теперь вы еще сами прочитайте со вниманіемъ сочиненную мною просьбу, и, ежели одобрите, то и подпишите, а я сегодня-же подамъ. У нея въ судѣ много знакомыхъ; она черезъ нѣсколько часовъ будетъ читать, и — посмотримъ, что она скажетъ!« — Аглаевъ прочиталъ и подписалъ просьбу. Фрипонешковъ тотчасъ уѣхалъ.

Между тѣмъ Аристофановъ выбрился, умылся, напрся спиртами, одѣлся, и сталъ молодецъ хоть куда. Онъ приглашалъ Аглаева ѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ Англійскій Клубъ, но тотъ отказался, и поѣхалъ къ Радушину.

Радушинымъ принятъ былъ онъ съ тою-же привѣтливостію, и съ тѣмъ-же доброжелательствомъ, какъ прежде. Старикъ выслушалъ до конца разсказъ Аглаева о дѣлѣ его съ Лукавиною, и о необыкновенныхъ подвигахъ чудеснаго Фрипонешкова;

потомъ, покачавъ головою, сказалъ: »Послушайте, любезный Петръ Ѳедоровичъ: все это что-то странно, и предложенія, и дѣйствія Г. Фрипоненкова весьма двусмысленны. Нѣтъ-ли во всемъ этомъ какого нибудь утонченнаго плутовства? Будьте осторожны. Какъ — человѣкъ совсѣмъ почти вамъ незнакомый, столь усердно и безкорыстно, берется за ваше дѣло? Это что-то непостижимо! Послушайтесь меня: будьте осторожны; дайте мнѣ время справиться; у меня есть знакомые, и я узнаю, въ какомъ положеніи ваше дѣло, и что за человѣкъ этотъ Фрипонешковъ?«

Агласовъ обѣдалъ и пробылъ почти весь день у Радушина; возвратясь вечеромъ домой, онъ нашелъ уже у себя Фрипоненкова. — »Вотъ видите-ли, что я отгадалъ?« были первыя слова его — Просьба наша произвела свое дѣйствіе, и такъ напугала вашу тетушку, что она тотчасъ прислала ко мнѣ своего повѣреннаго, преестественнаго

плута. Онъ началъ мнѣ говорить всякій вздоръ, но видя, что сбить меня нельзя, отважился было подкупать меня, и я такъ взбѣсился, что выгналъ его взашей. Послѣ того тетушка ваша прислала звать меня къ себѣ, и убѣждала, чтобы я постарался окончить дѣло, и склонить васъ на мировую. Я прежде, какъ будто нарочно, не соглашался, наконецъ обѣщалъ поговорить вамъ. Ну, теперь, какъ вы хотите! Конечно — еще повторяю, что вся справедливость на вашей сторонѣ; но ежели вамъ угодно меня слушаться, то я совѣтовалъ-бы вамъ лучше помириться, только невдругъ поддавайтесь, и меньше 300 т. деньгами, и родовой вашей подмосковной деревни, отнюдь не соглашайтесь.«

Фрипоненковъ распространился въ доказательствахъ, что ежели продолжать дѣло, то совершенно на успѣхъ полагаться никакъ нельзя. Онъ объяснялъ, *что* тетушка можетъ предпринять, и *чѣмъ* можетъ утвердить за собою принад-

лежность — словомъ: такъ убѣдилъ и разувѣрилъ онъ Аглаева, что тотъ началъ уже совсѣмъ въ другомъ видѣ смотрѣть на свое дѣло, и, не взирая на предостереженія Радушина, готовъ былъ тотчасъ помириться, взявъ гораздо менѣе трехъ сотъ тысячъ рублей.

Аристофановъ, возвратясь домой, засталъ велерѣчиваго Фрипонешкова, и также убѣжденный его доказательствами, совѣтовалъ Аглаеву поскорѣе мириться. По отъѣздѣ Фрипонешкова, Аристофановъ сообщилъ Аглаеву, что видѣлъ въ Клубѣ Змѣйкина, который очень обрадовался, узнавъ о пріѣздѣ его, и хотѣлъ самъ быть у нихъ завтрашній день. — »Знаю, чему онъ обрадовался,« отвѣчалъ Аглаевъ. »Я ему долженъ три тысячи по игрѣ, и онъ нѣсколько разъ писалъ ко мнѣ объ уплатѣ. Теперь, слава Богу, можетъ быть, я буду имѣть средства расквитаться, и окончить навсегда связь и знакомство мое съ нимъ!« — Почему это? —

спросилъ Аристофановъ. — Змѣйкинъ очень добрый малый; онъ нѣсколько разъ говорилъ мнѣ, что любитъ тебя, и что вы были съ нимъ друзьями еще въ Пансіонѣ. — »Да, я совсѣмъ не охотникъ до такихъ друзей.« — Какой вздоръ! Какіе предразсудки! Онъ играетъ въ карты, и, иные говорятъ, *навѣрное*. Что за бѣда? Не играй съ нимъ, а впрочемъ повѣрь, что, право, онъ добрый и прекрасный малый.« — Аглаевъ зналъ безполезность далѣе говорить съ дядею, и замолчалъ.

На другой день получилъ онъ записку отъ тетушки Лукавиной; тетушка приглашала пожаловать къ ней въ 10 часовъ утра.

»Вотъ, видите-ли, что я отгадалъ? — сказалъ Фрипоненковъ, узнавъ объ этомъ. — Поѣзжайте, но только, смотрите — будьте тверды, и никакъ менѣе 300 т. и подмосковной не берите. Да, нѣтъ: я боюсь — она собьетъ васъ; вы поддадитесь ей; лучше я самъ съ вами поѣду!

Тетушка Лукавина показала видъ, что

она недовольна пріѣздомъ Фрипоненкова. Ея повѣренный, другой такой-же плутъ былъ уже у нея.

»Какъ добрая ваша родня, я не хочу заводить тяжбы, и дѣлать непріятной гласности,« сказала Лукавина. »Очень желаю помириться, и предлагаю вамъ 100 т. рублей, съ тѣмъ, чтобы вы подписали вотъ эту, уже приготовленную мировую.« Она подала ему бумагу.

— Какъ 100 т.? — вскричалъ съ досадою Фрипоненковъ. — Помилуйте, Матрена Лавреньевна, какъ вамъ не стыдно дѣлать такое предложеніе? Да вы прочитайте только со вниманіемъ поданную на васъ просьбу. Петръ Ѳедоровичъ настоящій и законный наслѣдникъ; мы опровергаемъ духовную, опорочиваемъ заемныя письма, и все, рѣшительно все отберемъ у васъ! —

»А вамъ какое дѣло вмѣшиваться въ разговоръ родныхъ между собою? Я васъ не знаю М. Г. и говорить съ вами не хочу.«

— Я, сударыня, уполномочень отъ Петра Ѳедоровича законною довѣренностію, защищаю его интересы, и не позволю вамъ притѣснять его. —

Лукавина начала говорить дерзкія грубости; Фрипоненковъ отвѣчалъ тѣмъ же; повѣренный Лукавиной также присоединился къ нимъ; всѣ кричали, бранились, говорили другъ другу колкости, и съ полчаса продолжалась шумная *мистификація* Аглаева, такъ, что онъ не имѣлъ времени сказать ни одного слова, и только восхищался необыкновенными добродѣтелями своего защитника.

Наконецъ шумъ по немногу сталъ утихать. Фрипоненковъ *смягчился*, и, самовольно, не спросясь Аглаева, въ собственномъ его присутствіи, рѣшился помириться за него съ Лукавиною на 200 т. рублей. Аглаевъ былъ въ восторгѣ; онъ и этого благополучія не ожидалъ, послѣ всего, что наговорилъ ему наканунѣ Фрипоненковъ.

»Подпишите-же Петръ Ѳедоровичъ мировую,« сказала Лукавина, подавая бумагу — »а я пойду за деньгами.« — Позвольте мнѣ прежде прочитать эту бумагу — сказалъ Фрипоненковъ, и, не ожидая позволенія, взялъ ее. — Ну, это хорошо, дѣльно, на законномъ основаніи написано; это можете вы подписать« — говорилъ онъ, читая бумагу, и потомъ отдалъ ее Аглаеву. Повѣренный Лукавиной тотчасъ пододвинулъ кресла и подалъ перо. Между тѣмъ тетушка вошла въ комнату, съ ужасною кипою ассигнацій. Благонамѣренность Фрипоненкова такъ была лвна, притомъ-же взглядъ на деньги былъ столь очарователенъ, что Аглаевъ подписалъ данную ему бумагу, совсѣмъ не читая.

»Вотъ деньги, любезный рбденька,« сказала Лукавина. — »Я очень рада, что все хорошо между нами кончилось. Вы не можете повѣрить, какъ мнѣ было грустно и непріятно начинать съ вами процессъ.

Я всегда любила васъ, еще съ малолѣтства вашего.« При сихъ словахъ она протягивала руку, чтобы взять къ себѣ бумагу, подписанную Аглаевымъ; Фрипоненковъ очень искусно предупредилъ ее, выхватилъ бумагу у Аглаева, и держалъ ее у себя.

»Позвольте пересчитать деньги,« сказалъ онъ. »Послушайтесь меня, почтеннѣйшій Петръ Ѳедоровичъ; я опытнѣе васъ: никогда не принимайте и не отдавайте денегъ безъ счета. Садитесь, давайте вмѣстѣ считать!« Онъ положилъ мировую подлѣ себя, взялъ нѣсколько десятитысячныхъ кипъ ассигнацій, отложилъ тоже Аглаеву, и оба начали счетъ. Окончивъ свое дѣло, Фрипоненковъ подалъ мировую Лукавшой, вынулъ изъ кармана записку, данную ему Аглаевымъ наканунѣ, отложилъ себѣ двѣ десяти-тысячныя кипы, завязалъ ихъ въ свой платокъ, и отдалъ Аглаеву записку. Такъ все проворно и искусно сдѣлалъ онъ, что Аглаевъ не успѣлъ опомниться. Впрочемъ, 18-ть десяти-

тысячныхъ кипъ, оставшихся въ его владѣніи, имѣли большую прелесть, и Аглаевъ смотрѣлъ на нихъ съ восхищеніемъ.

»Ну, теперь позвольте поздравить васъ съ благополучнымъ окончаніемъ вашего дѣла,« сказалъ Фрипоненковъ. »Не худо-бы и выпить за ваше здоровье, почтенная Матрена Лаврентьевна.«

— Сей часъ велю подать. А ты — продолжала Лукавина, обращаясь къ своему повѣренному — что-жъ мѣшкаешь? Поѣзжай въ судъ; надобно мировую предъявить. Я не знаю, какъ это водится. Вѣрно, Петру Ѳедоровичу надобно еще гдѣ нибудь росписаться, или подтвердить что онъ подписалъ. Вамъ Осипъ Гавриловичъ лучше это извѣстно. —

»Еще время терпитъ,« отвѣчалъ Фрипоненковъ. »И на что теперь затруднять Петра Ѳедоровича; я дамъ ему знать, когда всѣ бумаги будутъ готовы.« Повѣренный Лукавиной уѣхалъ, и вскорѣ послѣ того подали завтракъ. Фрипоненковъ

поздравлялъ съ благополучнымъ окончаніемъ, выпилъ большую рюмку травнику, и принялся ѣсть. Аглаевъ завязалъ свои 180 т. въ платокъ, положилъ драгоцѣнную связку подлѣ себя, и также придвинулся къ завтраку. Между тѣмъ Фрипоненковъ продолжалъ ѣсть и разговаривать, разсказывалъ о многихъ подвигахъ своихъ, о томъ, какія тяжебныя дѣла, и какимъ образомъ онъ выигралъ. Подали Шампанскаго, онъ вновь поздравлялъ, и заставилъ соперниковъ поцѣловаться между собою. Часа два продолжалась эта комедія; наконецъ Лукавина, посмотрѣвъ на часы, дала знакъ Фрипоненкову, что пора кончить. Аглаевъ не замѣтилъ этого знака.

Вмѣстѣ съ Фрипоненковымъ вышелъ онъ изъ комнаты, и на крыльцѣ расцѣловалъ и вновь благодарилъ мошенника, за успѣшное окончаніе дѣла. Съ драгоцѣнною ношею своею спѣшилъ онъ домой, тотчасъ отправился въ свою комнату,

заперъ деньги въ дорожный портфейль, который положилъ въ шкапъ, и также заперъ; потомъ взялъ оба ключа съ собою, и, приказавъ камердинеру своему никуда не отлучаться, спѣшилъ къ Радушину, сообщить ему свою радость. Но на сей разъ не засталъ онъ его дома. Между тѣмъ время шло. Аглаевъ поѣхалъ обѣдать въ трактиръ. Вечеромъ встрѣтился онъ въ Театрѣ съ Змѣйкинымъ, который бросился къ нему съ распростертыми объятіями; но Аглаевъ холодно поклонился ему и обѣщалъ завтра заплатить свой долгъ. На другой день утромъ, еще прежде нежели Аристофановъ проснулся, отправился Аглаевъ къ Радушину.

»Поздравляю съ хорошимъ извѣстіемъ — сказалъ ему Радушинъ. »Вы кстати пріѣхали; я хотѣлъ было посылать къ вамъ, съ запискою, полученною мною вчера вечеромъ по вашему дѣлу.« — Радушинъ подалъ ему записку слѣдующаго содержанія.

»По желанію вашему, почтеннѣйшій

»Ѳома Михайловичъ, я велѣлъ справиться,
»о дѣлѣ по духовной покойнаго Аглаева,
»въ пользу Лукавиной. Духовная сія была
»представлена къ намъ, но мы ее не ут-
»вердили, имѣя многія причины предпола-
»гать, что она подложная. Опредѣлено:
»вызвать настоящихъ наслѣдниковъ. За-
»емныя письма, представленныя Лукави-
»ною, кажутся также сомнительными. Те-
»перь дѣло остановилось, до тѣхъ поръ,
»покамѣстъ явятся законные наслѣдники,
»которыхъ мы вызываемъ чрезъ Вѣдомо-
»сти, обыкновеннымъ порядкомъ. Лукави-
»ной-же велѣно выѣхать изъ дома, кото-
»рый поступитъ, впредь до окончанія дѣ-
»ла, подъ присмотръ Полиціи. Съ от-
»личнымъ почтеніемъ, и проч.«

Какъ громомъ пораженъ былъ Аглаевъ, прочитавъ сію записку. »Ахъ Боже мой! какъ безсовѣстно, какъ нагло я обманутъ!« вскричалъ онъ въ отчаяніи. »До какой степени успѣлъ воспользоваться моею глупостію и неопытностію этотъ мо-

шенникъ!« — Какъ? Что это значитъ? — спросилъ съ удивленіемъ Радушинъ. Аглаевъ разсказалъ ему все случившееся съ нимъ накануне. — »Плохо, очень плохо, любезный Петръ Ѳедоровичъ! Какъ это вы были такъ легковѣрны и неосторожны! Однакожъ, не надобно медлить; нельзя-ли еще какъ нибудь поправить? — Скорѣе запрягать мнѣ карету!« сказалъ онъ своему каммердинеру. »Поѣдемъ-те вмѣстѣ къ судьѣ, отъ котораго я получилъ записку.« Пока запрягали карету, Радушинъ еще разспросилъ о всѣхъ подробностяхъ. »Послѣ того, что я отъ васъ слышалъ,« продолжалъ онъ — »врядъ-ли мы успѣемъ что нибудь сдѣлать. Плутовство предпамѣренное, и, какъ видно, хорошо ими обдуманное! Отъ того-то они такъ и спѣшили, и вѣрно еще вчера успѣли все окончить. Но, посмотримъ, испытаемъ, не найдутся-ли какія нибудъ средства!«

По пріѣздѣ въ Судъ, Радушинъ велѣлъ доложить о себѣ, и ихъ тотчасъ впу-

спили въ Судейскую. Судья, писавшій записку къ Радушину, выслушавъ все происшествіе, покачалъ головою, позвонилъ въ колокольчикъ, и велѣлъ позвать къ себѣ Секретаря Гладкобралова. »У васъ дѣло по духовной Аглаева, въ пользу Лукавиной?« — У меня-съ; но оно совсѣмъ рѣшено. — »Какъ, рѣшено? Не можетъ быть! Вашъ Повытчикъ третьяго дня сдѣлалъ справку, и отвѣчалъ мнѣ, что вызываются законные наслѣдники, и за тѣмъ дѣло остановилось.« — Точно такъ-съ; но единственный и законный наслѣдникъ, родной племянникъ покойнаго, присланною по почтѣ въ судъ бумагою, подтвердилъ, что дѣйствительно духовная подписана собственною рукою покойнаго; что ему извѣстно было объ этомъ еще при жизни дяди; что предъявленныя отъ Лукавиной заемныя письма справедливы, потому, что покойный дядя въ присутствіи его получалъ деньги, и при немъ выдалъ эти заемные акты; словомъ: что онъ въ

полной мѣрѣ утверждаетъ, за себя и за наслѣдниковъ своихъ, принадлежность всего движимаго и недвижимаго имѣнія, оставшагося послѣ покойнаго его дяди, за теткою своею Гжею Лукавиною, отъ которой получилъ онъ, съ совершенною признательностію, 200 т. ассигнаціями, *въ подарокъ*, а не за уступку имѣнія, законную принадлежность котораго теткѣ своей Лукавиной онъ еще подтвердилъ, присовокупляя приписомъ, что онъ точно *единственный* наслѣдникъ; ежели же, сверхъ чаянія, явится кто либо другой, то онъ, Аглаевъ, обязывается удовлетворить таковаго изъ своей собственности. *А какъ собственное сознаніе паче свидѣтельства всего свѣта*, по силѣ Воинскихъ Процессовъ, 2-й части, 2-й главы, 1-го пункта, и на основаніи Указа 1709 года, Апрѣля 9, то и не нужно было дѣлать никакихъ дальнѣйшихъ справокъ. Духовная, и заемныя письма, утверждены и дѣло признано зарѣшеннымъ. —

»Какая у васъ память! Какъ кстати приведены законы, и какая поспѣшность и дѣятельность въ исполненіи! Но вы напрасно думаете столь легко отдѣлаться. Кто помѣтилъ просьбу и далъ резолюцію? — Г-нъ Засѣдатель, Аѳанасій Ивановичъ Дурындинъ. — »Какъ, Г-нъ Дурындинъ? Опять васъ я этого не ожидалъ!« — Я не помню-съ... не можетъ быть... я не подписывалъ... отвѣчалъ Засѣдатель. — »Принесите просьбу, и все дѣло подайте.«

Дѣло тотчасъ принесли. Задними числами, все начисто было отдѣлано. Просьба Аглаева значилась въ полученіи съ почты; резолюція, начерно написанная рукою Секретаря, которую списывалъ Дурындинъ, найдена была между бумагами. Журналъ и исполненіе сдѣланы были тѣми днями, когда судья, за болѣзнію, не присутствовалъ. Все такъ хорошо, и такъ гладко было устроено, что рѣшительно ни къ чему нельзя было придраться! Судья долго читалъ, разсматривалъ, пожималъ

плечами, и, какъ видно было, внутренно бѣсился, что столь явнаго мошенничества ничѣмъ изобличить было невозможно. Имя Фрипоненкова нигдѣ не упоминалось; вся форма, также сроки для резолюціи, составленія журнала и выдачи копіи съ производства дѣла — все было соблюдено. Съ негодованіемъ отбросилъ отъ себя судья всѣ бумаги. »По какимъ-же образомъ Повытчикъ, недалѣе, какъ третьяго дня, справлялся, и сказалъ мнѣ, что дѣло еще не рѣшено?« — сказалъ судья обращаясь къ Секретарю. — Не знаю-съ; видно онъ ошибся. — »Ошибся, ошибся!« повторилъ судья съ сердцемъ. »Но я, безъ всякой ошибки, объявляю вамъ, что вы здѣсь болѣе не служите; завтрашній-же день извольте подать просьбу объ отставкѣ.« — Помилуйте-съ! Да чѣмъ-же я виноватъ? — »Чѣмъ виноватъ?« вскричалъ судья, вскочивъ въ запальчивости съ кресель. — »Какая наглость! Вонъ отсюда мер...« — Но одумавшись, и не докончивъ

слова: *мерзавецъ*, онъ сѣлъ въ кресла, и продолжалъ, съ возможнымъ хладнокровіемъ: »Извольте выйдти вонъ отсюда, и непремѣнно, недалѣе, какъ завтрашній день, подайте въ отставку.« Секретарь поклонился и вышелъ.« А вы, Г-нъ Дурындинъ, не стыдно-ли вамъ?« продолжалъ судья, обращаясь къ Засѣдателю. »Но что съ вами слова понапрасну терять!« Сколько разъ говорилъ я вамъ: не подписывайте ничего безъ меня. Вы, можетъ быть, попадете теперь въ бѣду, но сами будете виноваты, а я такого наглаго плутовства не оставлю.« Судья опять, съ величайшимъ вниманіемъ, началъ перебирать и читать дѣло. »Вотъ совершенное несчастіе,« сказалъ онъ, со вздохомъ, Радушину — »видѣть явное мошенничество, и не имѣть возможности изобличить. Однакожъ, позвольте, позвольте! Вы говорите, что вчера подписали эту бумагу — продолжалъ судья, обращаясь къ Аглаеву —

но какъ-же тутъ, заднимъ числомъ, и какъ будто изъ уѣзднаго вашего города, прислано по почтѣ?« — Я не знаю, чтб я подписывалъ — отвѣчалъ Аглаевъ. — Къ стыду моему, признаться долженъ, что я былъ завлеченъ этимъ бездѣльникомъ Фрипоненковымъ, и все подписалъ не читавши. — »Однакожъ, вы *вчера* подписали?« — Точно вчера. — »При комъ?« — Никого больше не было, кромѣ тетушки моей Лукавиной, Фрипоненкова, и еще какого-то повѣреннаго ея, котораго я въ первый разъ сроду видѣлъ, не знаю, какъ зовутъ, и теперь, я думаю, даже въ лицо не узнаю. — »Точно больше никого не было?« — Точно. — Стало быть это ни къ чему не послужитъ: они отопрутся! Однакожъ, въ уѣздномъ городѣ вашемъ, вы никакой бумаги не подписывали, и на почтѣ не посылали? — Нѣтъ, не подписывалъ и не посылалъ — отвѣчалъ Аглаевъ. — »Вотъ теперь

есть возможность изобличить мошенниковъ« — сказалъ судья съ радостнымъ видомъ. »Я сей часъ велю написать справку въ Уѣздную Почтовую Контору: была-ли отъ васъ послана сюда просьба? Попались молодцы! Теперь все можетъ открыться; авось они собьются въ допросахъ. Это такое необыкновенное происшествіе, что я долженъ довести его до свѣдѣнія высшаго начальства, и вѣрно тотчасъ будетъ сдѣлано слѣдствіе.« Судья торжествовалъ, и велѣлъ позвать къ себѣ Повытчика Правдина, которому хотѣлъ приказать немедленно написать донесеніе. — »Ахъ, Боже мой! я вспомнилъ« — сказалъ Аглаевъ — »точно, въ проѣздъ мой, я подписалъ и послалъ изъ нашего уѣзднаго города, по почтѣ, просьбу сюда, присланную ко мнѣ Фрипоненковымъ, о томъ, что я единственный законный наслѣдникъ; просьба эта была небольшая, въ нѣсколькихъ строкахъ!« Судья опять бросился перебирать все

дѣло; нѣсколько разъ перевертывалъ листы, и не нашелъ этой бумаги. — »Какое адское злоумышленіе, и какая осторожность!« вскричалъ онъ. — »Во всемъ дѣлѣ одна только просьба отъ васъ, и та какъ будто написана и послана изъ вашего уѣзднаго города. Какъ все придумано! Нѣтъ никакой возможности ни къ чему придраться!« — продолжалъ судья, съ горестью, кинувъ дѣло на столъ.

»Что дѣлать, любезный Павелъ Ивановичъ?« сказалъ Радушинъ судьѣ, вставая со стула, и пожимая ему руку. — »Мы видѣли всю твою благонамѣренность и добрую волю. Какъ быть! Не въ первый и не въ послѣдній разъ торжествуютъ мошенники! Но со всею достовѣрностію предсказать можно, что это не пойдетъ имъ впрокъ.« — Онъ еще пожалъ руку судьѣ, и, вмѣстѣ съ Аглаевымъ, вышелъ изъ судейской.

»Поѣдемте съ горя обѣдать ко мнѣ, любезный Петръ Ѳедоровичъ« — продол-

жалъ Радушинъ, садясь съ нимъ въ карету. — »Вы получили тяжелый урокъ; впередъ будете осторожнѣе, и жаль только, что слишкомъ дорого платите вы за этотъ урокъ. Очень досадно, что вчера не застали вы меня дома; напрасно и вечеромъ не заѣхали; я думаю, еще можно-бъ было тогда предупредить мошенничество. У меня были кое-кто. Нарочно спросилъ я, не извѣстенъ-ли кому нибудь изъ гостей этотъ Фрипонешковъ. Мнѣ разсказали многіе опыты его утонченнаго плутовства. Напримѣръ: онъ служилъ гдѣ-то по контрольной части. Одинъ какой-то молодецъ до такой степени безсовѣстно и нагло воровалъ, что не было уже никакой возможности оправдать его; но Фрипонешковъ, къ которому отчасти его поступили на ревизію, взялся, за нѣсколько тысячъ рублей, помочь негодяю, и избавить его отъ бѣды. Что-жъ онъ выдумалъ, и какія средства употребилъ? Это такая хи-

трость, которая только одному Асмодею, другу его, могла-бы войдти въ голову. Онъ растопилъ сала, намазалъ листы по всѣмъ отчетамъ, документамъ и справкамъ, положилъ все дѣло, подъ предлогомъ, что недостаетъ еще какихъ-то справокъ, въ архивъ, а самъ сказался на нѣкоторое время больнымъ. Въ продолженіе этого времени, крысы, которыхъ въ архивѣ было великое множество, такъ *сосчитали* и отработали все дѣло, что не было никакой возможности ничего разобрать. По *выздоровленіи*, Фрипонешковъ представилъ о такомъ *казустомъ несчастіи* своему Начальнику. Злоумышленность была очевидна; происшествіе это надѣлало много шуму; но кончилось тѣмъ, что воръ избавился отъ взысканія, а Фрипонешковъ, хотя былъ отставленъ и преданъ суду, за невниманіе и упущеніе по должности, но въ послѣдствіе времени былъ прощенъ по милостивому Манифесту. По-

слѣ того совершилъ онъ много тому подобныхъ подвиговъ, а чтобы войдти въ милость и довѣренность къ покойному вашему дядюшкѣ, поднялся на чудесную штуку. Покойникъ, не тѣмъ будь онъ помянутъ, весьма жаловалъ деньги, и отдавалъ ихъ въ займы за самые Еврейскіе проценты, т. е. по 25, и никакъ не менѣе 15 процентовъ, и то еще съ залогомъ. Одного изъ своихъ должниковъ какъ-то онъ уже слишкомъ прижѣснилъ, и вывелъ изъ всякаго терпѣнія; тотъ рѣшился непремѣнно отмстить и обнаружить безсовѣстныя его дѣла. Объ этомъ сообщилъ онъ старому знакомому и пріятелю своему Фрипонѣкову, который уже давно искалъ средства втереться въ довѣренность старика, и воспользовался этимъ случаемъ, чтобы предупредить его, и доставить ему возможность погубить своего соперника. Въ слѣдствіе напередъ обдуманнаго плана, Фрипонѣковъ научилъ своего

стараго *знакомаго и пріятеля* написать къ вашему дядюшкѣ письмо, о крайней необходимости въ деньгахъ, и просить увѣдомленія его о томъ, какіе онъ возметъ проценты. А старичку, дядюшкѣ вашему, совѣтовалъ отвѣчать, что онъ готовъ ссудить его; что-жъ касается до процентовъ, то ему извѣстно, что онъ беретъ по шести; но слово: *шесть*, велѣлъ онъ ему въ письмѣ выскоблить, и вмѣсто того написать, по выскобленному: *двадцать*; однакожъ такъ, чтобы подскобленное слово: *шесть*, при внимательнѣйшемъ разсмотрѣніи, можно было разобрать. Соперникъ получивъ этотъ отвѣтъ, и бывъ ослѣпленъ чувствами мщенія и злобы противъ вашего дяди, не сообразилъ, не обдумалъ ничего, тотчасъ послалъ за Фрипонешковымъ, который поспѣшилъ написать ему формальную просьбу въ судъ, съ приложеніемъ въ подлинникѣ письма, въ доказательство противозаконныхъ процентовъ.

Молодецъ торжествовалъ, вездѣ говорилъ, что наконецъ попался безсовѣстный ростовщикъ Аглаевъ; но вскорѣ открылся совсѣмъ другой оборотъ. Дядя вашъ былъ призванъ къ суду; не отвергалъ, что письмо его руки, но просилъ обратить вниманіе на то, что имъ было написано: *шесть*, что это слово выскоблено, и подъ его руку, фальшиво, помѣщено: *двадцать*. Онъ самъ послѣ того подалъ просьбу, обвиняя соперника своего въ злоумышленности. Изъ этого возникло весьма важное дѣло, и *пріятель* Фрипоненкова, прежде торжествовавшій, очень былъ радъ, когда вашъ дядя согласился, за значительную сумму, помириться съ нимъ, и прекратить дѣло. Съ тѣхъ поръ пользовался Фрипоненковъ полною довѣренностію вашего дяди. Вѣроятно, онъ впустилъ Лукавину въ домъ къ старику, научилъ ее, какъ дѣйствовать, и съ нею за одно окончилъ наглымъ мошенниче-

ствомъ противъ васъ. Но что дѣлать, любезный Петръ Ѳедоровичъ! Еще слава Богу, что такъ *великодушно* поступили они съ вами, и вмѣсто трехъ тысячъ душъ и милліона денегъ дали вамъ хоть 180 тысячъ. И то хорошо, по крайней мѣрѣ, что не совсѣмъ васъ ограбили. Поправить дѣла вашего ничѣмъ невозможно, и я не совѣтую вамъ даже входить въ состязаніе съ такими *отважными, искусными и опытными* ратоборцами. Il faut partir du point, où l'on est (надобно начинать съ той точки, гдѣ мы находимся). Что намѣрены вы предпринять теперь съ вашимъ капиталомъ?«

»Я думаю пуститься въ обороты,« отвѣчалъ Аглаевъ. »Деревни теперь дешевы. Со 180 т. наличныхъ можно купить имѣніе тысячъ въ четыреста; заплатить часть, а остальныя въ долгъ; потомъ сдѣлать какое нибудь заведеніе, и долгъ уплатить доходами.«

— Все это хорошо — сказалъ Раду-

шинъ — только, вотъ что страшно: если покупать имѣніе въ долгъ, и надѣяться уплатить изъ доходовъ съ заведеній, которыя также устроены будутъ на заемныя деньги, то надобно имѣть неусыпное вниманіе и дѣятельность, а къ этому мы, Всероссійскіе Дворяне, весьма неспособны. Послушайтесь лучше моего совѣта. Разумѣется, что нѣтъ правила безъ исключенія; но вообще, мнѣ кажется, съ нашими дворянскими склонностями и привычками, не надобно пускаться въ обороты на заемныя деньги. Повѣрьте, что въ наше время не только Дворяне богатѣютъ и живутъ спокойно, которые ничего не должны, и умѣютъ такъ расположиться, чтобы не проживать больше получаемаго ими дохода — а это весьма большая рѣдкость. Примите мой дружескій совѣтъ: расплатитесь со всѣми долгами, выкупите ваше имѣніе, ежели оно въ залогѣ въ Казнѣ, а на остальныя за

тѣмъ деньги купите деревню съ аукціоннаго торга. Теперь такъ много продается дворянскихъ имѣній за долги, и такъ иногда дешево можно купить, что это точно самое лучшее средство употребить съ пользою вашъ капиталъ.«

Аглаевъ согласился въ справедливости сужденія Радушина, благодарилъ его, и рѣшился послѣдовать его совѣту. Онъ отыскалъ всѣхъ, кому былъ долженъ въ Москвѣ, со всѣми расплатился, выкупилъ изъ залога деревню, и отправилъ на первой-же почтѣ 20 т. къ женѣ своей, для удовлетворенія тамошнихъ кредиторовъ. Послѣ всего этого, еще осталось у него слишкомъ 100 т., которыя вознамѣрился онъ употребить на покупку имѣнія. Гораздо-бы лучше онъ сдѣлалъ, если-бы уѣхалъ съ остальными деньгами изъ Москвы. Капиталъ сей возбудилъ противъ него мошенниковъ всякаго рода, и онъ сдѣлался жертвою безхарактерности своей.

ГЛАВА IV.

On commence par être dupe
et on finit par devenir fripon.

* * *

Обманутый часто оканчиваетъ тѣмъ, что самъ дѣлается обманщикомъ.

* * *

Въ ожиданіи сроковъ продажи съ аукціона одного имѣнія, которое Аглаевъ имѣлъ въ виду, остался онъ въ Москвѣ, и продолжалъ ежедневно посѣщать Радушина.

Но дядюшка Аристофановъ надоѣдалъ ему частыми напоминаніями, что онъ ведетъ какой-то странный образъ жизни, и привязался къ извѣстному въ Мо-

свѣ *дураку* и *оригиналу* Радушину, а всѣхъ прочихъ своихъ знакомыхъ оставилъ. Въ *угодность* будто-бы этому дядѣ, сталъ Аглаевъ иногда ѣздить въ Англійскій Клубъ; но это было пустое извиненіе: просто, страсть къ игрѣ влекла его туда, и онъ не имѣлъ душевной силы преодолѣть себя. Между тѣмъ Радушинъ уѣхалъ въ деревню, и тутъ ничто уже не останавливало Аглаева. Съ Змѣйкинымъ, и наперстникомъ его Вампировымъ, былъ онъ сначала очень холоденъ, и, не смотря на неоднократныя приглашенія ихъ, совсѣмъ не ѣздилъ къ нимъ; но при частыхъ свиданіяхъ въ Клубѣ, пріязнь между ними постепенно возобновлялась. Аглаевъ началъ играть съ ними въ висть, по маленькой, и довольно счастливо. Впрочемъ, Аглаевъ самъ былъ увѣренъ, и другіе утверждали, что онъ отличный мастеръ во всѣ коммерческія игры.

Въ Клубѣ встрѣтился онъ, между про-

чимъ, съ Филиппомъ Ивановичемъ Удушьевымъ, который славился прежде удальствомъ своимъ и *молодечествомъ*, т. е. пивалъ мертвую чашу, игралъ навѣрное въ карты, извѣстенъ былъ своимъ буянствомъ, имѣлъ множество дуэлей, готовъ былъ сдѣлать всякому дерзость и оскорбленіе, сидѣлъ нѣсколько разъ въ крѣпости, былъ сосланъ въ дальній гарнизонъ, словомъ — имѣлъ всѣ качества удалаго Гвардейскаго Сержанта прошедшаго столѣтія. Аглаевъ, въ молодости своей, много слыхалъ объ Удушьевѣ: онъ былъ нѣкогда героемъ молодыхъ людей, и прежде повсюду разсказывали его подвиги, когда кому, и какую именно оказалъ онъ дерзость, кого прибилъ, кому наговорилъ грубостей, что въ старое время называли остроуміемъ, и чему многіе старались тогда подражать.

Но съ лѣтами, по немногу, Удушьевъ усмирился. Онъ окончилъ знаменитое поприще удальства своего, тѣмъ, что же-

пился какимъ-то страннымъ образомъ, и изъ всѣхъ похвальныхъ качествъ своихъ сохранилъ онъ только одно — продолжалъ часто напиваться до пьяна, однакожъ не простою водкою и ромомъ, какъ-то бывало въ старину; притомъ-же не вездѣ и не со всякимъ, а пилъ у себя въ домѣ, Шампанское, съ избранными своими друзьями, или съ тѣми, которыхъ имѣлъ въ виду завербовать въ *друзья* т. е. завлечь къ себѣ въ домъ, и обыграть навѣрное.

Прежде, этотъ Г-нъ Удушьевъ былъ весьма равнодушенъ къ Аглаеву, не всегда отвѣчалъ на поклоны его, и ни слова съ нимъ не говаривалъ. Теперь почувствовалъ онъ какое-то особенное, сердечное влеченіе къ Аглаеву, безпрестанно желалъ быть съ нимъ вмѣстѣ, не отходилъ отъ него, когда онъ игралъ въ вистъ, или въ никетъ, и восхищался его мастерствомъ, говоря, что такой памяти, такого соображенія, и такого

искусства, онъ почти не видывалъ. Удушьевъ совѣтовалъ Аглаеву играть въ большую игру, и вызывался держать за него, съ кѣмъ угодно, *пари*. Но самъ съ нимъ никогда не игралъ, пользовался свободнымъ временемъ, когда у Аглаева не было партіи, ходилъ съ нимъ въ это время по комнатамъ, или, сидя вдвоемъ въ углу, разговаривалъ о Словесности. Зная, что Аглаевъ авторъ, нарочно прочиталъ Удушьевъ его сочиненія, и очень кстати, съ большимъ искусствомъ, хвалилъ ихъ. Иногда разсказывалъ онъ о прежнихъ своихъ шалостяхъ, раскаявался, ставилъ себя въ примѣръ, какъ человѣкъ, необузданный и не руководимый правилами нравственности, можетъ завлечься, и съ добрымъ сердцемъ надѣлать много зла. Словомъ: имѣя обширный умъ, Удушьевъ плѣнилъ Аглаева, и постепенно взялъ надъ нимъ такую поверхность, что тотъ сталъ почитать его отличнѣйшимъ человѣ-

комъ, имѣлъ къ нему полную довѣренность, и такъ привыкъ къ умной и пріятной его бесѣдѣ, что всякой день сталъ ѣздить въ Клубъ, для того только, что-бы имѣть удовольствіе видѣться съ Удушьевымъ. Впрочемъ, по *добротѣ* своей, и по *дружбѣ* къ Аглаеву, Удушьевъ совѣтовалъ ему отнюдь не играть ни въ банкъ, ни въ шпосъ, и продолжать только коммерческія игры, въ которыхъ онъ былъ такой мастеръ. Часто сверхъ того предостерегалъ онъ Аглаева, на счетъ тѣхъ, кто предлагалъ ему составить партію.

Удушьеву, какъ ветерану Клуба, извѣстны были нравственныя качества многихъ посѣтителей. Онъ разсказывалъ Аглаеву біографіи нѣкоторыхъ. «Вотъ, видите-ли вы этого несчастнаго, въ замаранномъ сюртукѣ, съ растрепанными волосами, блѣднаго, худаго, изнеможеннаго? Порокъ и развратъ положили печать какого-то отверженія на лицѣ

его. Это несчастный Князь Продигинъ.« — Неуже-ли это онъ? — отвѣчалъ Аглаевъ.— Онъ пріобрѣлъ большую извѣстность, хотя не весьма завидную, и я давно слышалъ объ немъ. — »Вы видите« — продолжалъ Удушьевъ — »онъ подходитъ ко многимъ, предлагаетъ составить ему партію, но всѣ отказываются, потому, что ежели онъ проиграетъ, то не только не заплатитъ, но въ состояніи наговорить грубостей, и за это уже нѣсколько разъ былъ онъ битъ и посрамленъ. По повѣрите-ли вы, что не болѣе, какъ лѣтъ десять тому назадъ, его почитали здѣсь героемъ и предметомъ общаго вниманія? У него было большое состояніе, которое почти все раздѣлилъ онъ между бывшими *друзьями* своими. Посмотрѣли-бы вы тогда, какъ около его всѣ увивались! Онъ готовъ былъ во всякой игрѣ держать половину, знакомымъ и незнакомымъ, не отказывал-

ся ни отъ одного пари, и иногда парировалъ въ пяти, или шести столахъ. Словомъ: такъ спѣшилъ онъ промотать свое имѣніе, что въ самое коротkое время вступилъ на то поприще, на которомъ теперь вы его видите. Молодъ, богатъ, знатной фамиліи, совсѣмъ не глупый человѣкъ, онъ точно могъ-бы быть полезнымъ обществу, и имѣлъ всѣ средства прожить спокойно и счастливо; но страсть къ игрѣ и безхарактерность привели его въ бездну, въ которую вовлекъ онъ себя и семейство свое. Онъ можетъ служить разительнымъ доказательствомъ, что точно *глупому сыну не въ помощь богатство*, и что молодой, богатый человѣкъ, вырвавшійся рано на свою волю, не имѣя руководителя, не получивъ хорошаго воспитанія, т. е., основаннаго на правилахъ нравственности, есть самое несчастное твореніе. Столько сѣтей разставлено

бываетъ неопытности его, что чудо, ежели онъ освободится цѣлъ и невредимъ!« — Такимъ образомъ разсказывалъ Удушьевъ и о другихъ. — »Многіе« — говорилъ онъ, »такъ привыкли къ Клубу, что имъ тягостно быть въ другомъ мѣстѣ. Въ 6, или 7 часовъ вечера, какая-то непреодолимая сила влечетъ ихъ сюда.«

Однажды Удушьевъ, вмѣстѣ съ Аглаевымъ, обѣдалъ въ Клубѣ. Змѣйкинъ, другъ его Вампировъ, были тутъ-же, и съ ними еще нѣкто подобный имъ, Карлъ Адамовичъ Шурке, весьма подозрительной физіогноміи, блѣдный и худой. Онъ всегда игралъ въ большую игру, и извѣстенъ былъ своимъ необыкновеннымъ проворствомъ; всѣ они сидѣли другъ подлѣ друга. Аглаевъ былъ тогда въ выигрышѣ, и подчивалъ сосѣдей своихъ Шампанскимъ, до котораго былъ онъ большой охотникъ. Удушьевъ спросилъ себѣ лучшаго сотерна, Змѣйкинъ Бургонскаго; всѣ взаимно начали подчивать

другъ друга. Аглаевъ весьма покраснѣлъ, голова у него кружилась, а въ это время любилъ онъ дружескія, сердечныя изліянія. Тогда объяснился онъ Удушьеву въ уваженіи своемъ, въ дружбѣ, и въ какомъ-то симпатическомъ влеченіи сердца. Разумѣется, *другъ* его воспользовался симъ случаемъ, и не остался должникомъ въ изъясненіяхъ.

»Послушайте, любезный Петръ Ѳедоровичъ,« сказалъ онъ, »что вы никогда меня не посѣтите? — »Ежели вы позволите, то я за честь и удовольствіе себѣ поставлю быть у васъ.« — Удовольствіе будетъ взаимное, и на что долго откладывать? Пріѣзжайте, запросто, завтра ко мнѣ обѣдать.« Онъ нарочно сказалъ эти слова громко, чтобы слышали сидѣвшіе подлѣ нихъ, Змѣйкинъ, Вампировъ и Шурке, и чтобы имѣть послѣ того благовидную причину пригласить и ихъ къ себѣ. Послѣ обѣда Удушьевъ поспѣшилъ объяснить

это Аглаеву. »Мнѣ совѣстно было не позвать ихъ« — сказалъ Удушьевъ. »Они слышали, какъ я васъ приглашалъ. Впрочемъ, этотъ народъ мнѣ ни на полъ-двора не надобенъ; мнѣ гораздо-бы пріятнѣе было провести время вдвоемъ съ вами.« — Говорятъ, что Змѣйкинъ и Вампировъ *не очень чисто* играютъ — сказалъ Аглаевъ. — Я былъ у нихъ въ въ передѣлѣ; однакожъ, не замѣтилъ я, чтобы они играли навѣрное; самому мнѣ удавалось много у нихъ выигрывать, но потомъ пошло несчастіе, и я проигрался — но именно отъ того, что было необыкновенное несчастіе. — »Я не думаю,« отвѣчалъ Удушьевъ равнодушно, »чтобы они умѣли играть навѣрное. Для этого надобны отважность и умъ, а они, кажется, не такъ смотрятъ. Что касается до Шуркe, вотъ самый пустой человѣкъ, и играть съ нимъ находка: онъ понятія не имѣетъ, а пускается въ

большую игру, и пропасть . проигрываетъ.« —

На другой день, въ четыре часа, явился Аглаевъ къ Удушьеву, думая, что опоздалъ, и что его только и ожидаютъ; но никого изъ гостей еще не было, и самъ хозяинъ не возвращался еще съ утренней прогулки. Аглаева ввели въ кабинетъ, который занималъ болѣе половины всего дома, и убранъ былъ со вкусомъ и роскошью. На письменномъ столѣ нашелъ онъ нѣсколько романовъ Виктора Дюканжа, пѣсни Берапже, Записки Видока, и прочіе, тому подобные книги; но за то, въ прекрасныхъ шкафахъ краснаго дерева, за стекломъ, столяи, въ дорогихъ переплетахъ, сочиненія лучшихъ Французскихъ, Англійскихъ и Нѣмецкихъ Авторовъ. Аглаеву захотѣлось посмотрѣть изданіе Бюффона, in folio, которое видно было за стекломъ. Онъ отворилъ шкафъ, но съ удивленіемъ увидѣлъ, что ни одной кни-

ги тамъ не было, а сдѣланы были фальшивые переплеты, съ одними названіями книгъ; за ними-же, напротивъ, стояло нѣсколько бутылокъ и штофовъ, съ разными ликёрами, настойками и водкою. Въ это время вошелъ камердинеръ Удушьева, съ трубкою. — »Что это у васъ, не уже-ли во всѣхъ шкафахъ такія книги?« спросилъ Аглаевъ, показывая на отворенную дверцу шкафа. — Да-съ, здѣсь барскій гардеробъ — отвѣчалъ камердинеръ — и лучшіе, какъ баринъ изволишь называть, *заповѣдные* ликёры и настойки. — Аглаевъ закурилъ трубку, и началъ читать одну изъ книгъ, лежавшихъ на столѣ.

Въ пять часовъ возвратился хозяинъ, и прошелъ прямо къ себѣ въ кабинетъ, извинился передъ Аглаевымъ, что заставилъ его дожидаться, и замѣтивъ, что одинъ шкафъ открытъ, сказалъ: »Какъ вамъ нравится моя выдумка? Книги свои отправилъ я всѣ въ деревню,

а здѣсь нарочно велѣлъ сдѣлать такіе шкафы. Повѣрьте, что большая часть имѣющихъ библіотеки гораздо-бы умнѣе поступили, если-бы сдѣлали такіе-же шкафы, и не тратили по пустому денегъ на покупку книгъ, которыхъ они никогда не читаютъ!«

Вскорѣ явились и прочіе приглашенные гости. Хозяинъ велѣлъ давать обѣдать, а покамѣстъ составилъ партію въ висть; но Г. Шурке ни за что по маленькой не садился. Игра сдѣлалась большая, съ прибавкою пари, по нѣсколько сотенъ рублей роберъ. Аглаевъ, увѣренный въ необыкновенномъ своемъ искусствѣ, и поддержанный въ этомъ мнѣніи Удушьевымъ, сѣлъ со внутреннимъ удовольствіемъ, въ надеждѣ непремѣнно выиграть; однакожъ, до обѣда успѣлъ онъ проиграть два большихъ роберта....

Обѣдъ былъ *чудесный*, какъ обыкновенно у игроковъ водится: немного

блюдъ, но все самое лучшее и дорогое. Кромѣ Шампанскаго, никакого другаго вина не подавали; передъ каждымъ приборомъ, въ холодильницѣ, во льду, стояло по особой бутылкѣ. Пили большими стаканами. Сверхъ того, хозяинъ, сидѣвшій подлѣ Аглаева, подливалъ ему изъ своей бутылки, такъ, что несчастный нашъ герой выпилъ одинъ, по крайней мѣрѣ, полторы бутылки. Для иного это ничего-бы не значило; но Аглаевъ былъ такъ слабъ, что насилу вышелъ изъ-за стола, весь раскраснѣлся, голова у него кружилась, ноги подгибались.

Послѣ обѣда подали всѣмъ трубки. Опять нѣсколько бутылокъ Шампанскаго, съ прибавленіемъ двухъ кувшиновъ Зельцерской воды, явилось на столѣ, въ гостиной. Принялись допгрывать висть. Партенёръ Аглаева, Вампировъ, какъ-то все *ошибался*, сдѣлалъ рекошъ, за который должно было заплатить большой шлемъ, и — третій ро-

бертъ былъ проигранъ! Аглаевъ отдалъ въ одинъ разъ все, что пріобрѣлъ до сего времени, выигрывал въ Клубѣ, т. е. около двухъ тысячъ рублей. Хозяинъ предлагалъ составить еще партію.

»Что за вистъ!« сказалъ Змѣйкинъ. »Пренесносная игра! Карлъ Адамовичъ!« продолжалъ онъ, обращаясь къ Шурке, »сдѣлай, братецъ, намъ банкъ!« — Пожалуй. — Вы, Филипъ Ивановичъ, будете держать мнѣ половину? — »Нѣтъ, братъ! Ежели на то дѣло пошло« — отвѣчалъ Удушьевъ, ударивъ по столу, и притворяясь весьма пьянымъ, такъ, что будто-бы у него языкъ насилу шевелился — »я самъ буду понтировать. Ты много выигралъ въ вистъ; подѣлись съ нами; я тебѣ пущу, по старинному, брандера!«

Шурке вынулъ изъ кармана большую книгу ассигнацій, высыпалъ изъ кошелька множество полуимперіаловъ, и тотчасъ дѣло пошло на ладъ.

»А! давай-ка сюда золото! Знаетъ, разбойникъ, чѣмъ приманить меня!« — сказалъ Удушьевъ, продолжая играть ролю пьянаго, и поставивъ карту, на которую придвинулъ кучу золота.

— Правду говорятъ, что при банкѣ и въ зайцѣ чортъ сидитъ! — сказалъ Аглаевъ, увлеченный страстію своею къ игрѣ, и тѣмъ болѣе еще, что проигралъ такъ много въ вистъ. »Вотъ: ни за что не хотѣлъ я играть въ банкъ, а мочи нѣтъ — не могу удержаться! Дайте мнѣ карты!« — *Здѣсь слухи есть*—пропѣлъ *пьяный* Удушьевъ, и гости его закусили себѣ губы, чтобы не засмѣяться.

Шурке подалъ Агласву нераспечатанную колоду. Онъ перемѣшалъ, сдѣлалъ очередь, и поставилъ большой кушъ. Первую карту ему дали; онъ поставилъ съ транспортомъ, и прибавилъ еще кушъ. »Ага, братъ! да ты молодецки понтируешь! Окшься-ка онъ нѣсколько

талій, такъ весь банкъ полетитъ къ верху ногами!« По Шурке *не окинулся*, убилъ, и въ нѣсколько талій записалъ на Аглаева безъ малаго десять тысячь. Аглаевъ сосчиталъ, поставилъ карту *до десяти тысячь*, проигралъ, вынулъ Ломбардный билетъ на эту сумму, и пересталъ играть.

По сердцѣ у него сильно билось; онъ выпилъ еще стаканъ Шампанскаго, съ Зельцерскою водою; спросилъ себѣ еще трубку, и сѣлъ подлѣ стола. Между тѣмъ Шурке билъ нещадно Удушьева; тотъ бѣсился, рвалъ карты, кидалъ ихъ на полъ, и бранилъ, какъ только можно хуже, Шурке, который хладнокровно продолжалъ метать. Змѣйкинъ и Вампировъ были въ небольшомъ выигрышѣ. Наконецъ Удушьевъ подмѣтилъ *руте*, поставилъ темныя, и началъ отыгрываться. — »Ну, братъ! ужь отъ руте моего ты не отпасуешься! — сказалъ онъ. — Послушайся меня, Петръ Ѳедо-

ровичъ: ставь мое руте, и повѣрь, что мы лихо надуемъ этого дьявола!« — Аглаевъ взялъ опять карты, и ему начало было *рутировать*; но вскорѣ злодѣйка *измѣнила!* Спросивъ новую колоду, сдѣлалъ онъ еще очередь, но также *пренесчастную!* Голова у него кружилась, и онъ выиграша и опъ проигрыша. Онъ самъ себя не помнилъ, кинулъ и эту очередь подъ столъ, взялъ еще другую колоду, испытывалъ на *миранделъ*, на *фаску*, на *окуловку*, на *ворожбу*, на *разсчетъ*; но все было безполезно — *необыкновенное несчастіе* преслѣдовало его неотступно. Нѣсколько разъ переставалъ онъ играть, и разплачивался; всѣ Ломбардные билеты его были на неизвѣстнаго; онъ боялся оставлять ихъ дома, потому, что слуги у дяди его были воры и пьяницы. Опять начиналъ играть Аглаевъ — къ свѣту кончилась игра, и онъ остался въ проигрышѣ *семьдесятъ тысячъ рублей*, т. е. большую часть капитала своего. . . .

Въ отчаяніи, въ какомъ-то страшномъ положеніи, какъ будто въ помѣшательствѣ ума, поѣхалъ онъ домой. На другой день, съ сильною головною болью, отъ пьянства, обжорства и проигрыша, едва всталъ онъ съ постели, проклиналъ судьбу свою, рвалъ на себѣ волосы, и даже мысль о самоубійствѣ входила ему въ голову. Но постепенно успокоился онъ, и вспомнилъ, что наканунѣ, за обѣдомъ у Удушьева, звалъ ихъ всѣхъ въ этотъ день Змѣйкинъ къ себѣ, и что онъ сговорился ѣхать къ нему, вмѣстѣ съ Удушьевымъ, который не зналъ его квартиры. »Авось сего дня буду счастливѣе!« думалъ Аглаевъ. »Неуже-ли фортуна будетъ вѣкъ меня преслѣдовать? Попробую въ послѣдній разъ, и ежели отыграюсь, то — даю себѣ клятву: вѣкъ впередъ картъ въ руки не брать! Нѣтъ! такое душевное волненіе и страданіе слишкомъ тяжелы; никакое здоровье не можетъ перенесть

положенія, въ какомъ былъ я вчера и сегодня! Это, просто, сведетъ меня преждевременно во гробъ.« Мысль о милой, доброй женѣ, о дѣтяхъ, мучила его — онъ не могъ удержаться отъ слезъ, легъ на постелю, и горько плакалъ....

Надежда отыграться, и притомъ *твердое, рѣшительное намѣреніе* вѣкъ больше никогда не играть, ободрили Аглаева. Онъ одѣлся, и въ три часа явился къ Удушьеву, чтобъ вмѣстѣ съ нимъ ѣхать къ Змѣйкину, но не засталъ его дома, и отправился одинъ. Удушьева ожидали до пяти часовъ; наконецъ прислалъ онъ сказать, что *не будетъ.*

Въ этотъ день уже не нужна была приманка въ висть. Аглаевъ самъ просилъ Шурке дать ему реванжъ. Опять почти до свѣта продолжалась игра. Аглаевъ проигралъ еще слишкомъ двадцать тысячъ, и опять былъ пьянъ. Онъ возвратился домой уже не съ отчаяніемъ,

а съ какимъ-то ожесточеніемъ; мысль о семействѣ уже не безпокоила его болѣе; онъ рѣшился играть весь вѣкъ, расположиться остальнымъ капиталомъ, какъ должно игроку, не понтировать, а самому метать банкъ. Однакожъ, все не не имѣлъ онъ въ виду ничего болѣе, какъ только отыграться, и потомъ рѣшительно никогда болѣе не брать картъ въ руки.

Проспувшись утромъ, опять съ головною болью отъ пьянства, Аглаевъ вздумалъ употребить тѣ-же средства, какія употребляютъ другіе въ подобныхъ случаяхъ, съ похмѣлья. Онъ выпилъ ужасную рюмку серофеича, наѣлся соленыхъ огурцовъ, и, освѣжившись нѣсколько, пошелъ ходить.

На бульварѣ встрѣтилъ его Удушьевъ. Къ удивленію Аглаева, довольно холодно поклонился онъ ему, и хотѣлъ идти мимо, не сказавъ ни слова. »Что вы, Филипъ Ивановичъ, не были вчера у

Змѣйкина?« спросилъ Аглаевъ, съ нѣкоторымъ смущеніемъ, послѣ такого холоднаго пріема. — Потому не былъ, что я не люблю знаться, безъ всякой нужды, съ такими бездѣльниками, какъ онъ. — »Какъ? Что это значитъ? Вы всегда пріятельски обходились съ нимъ?« — Мнѣ была нужда до него, а теперь, покамѣстъ до времени, знакомство мое кончилось, и я не велѣлъ пускать его къ себѣ. Послушай, любезный Петръ Ѳедоровичъ: у тебя жена и дѣти; ты мнѣ жалокъ, и я хочу спасти тебя. Теперь дѣло кончено. Совсѣмъ раззорить, и пустить тебя по міру съ семействомъ, было-бы безсовѣстно; я могъ выиграть все, что ты имѣешь, но удовольствовался 50 тысячами, а остальныя 20 т. отдалъ мошенникамъ, которые помогали мнѣ. Полно, опомнись, перестань! Ты никакого понятія объ игрѣ не имѣешь. Да, и какъ можно до такой степени быть легковѣрнымъ и не-

осторожнымъ? Съ какой стати могъ ты повѣрить моей нѣжной дружбѣ, и привязанности къ себѣ? Агенты мои, т. е. разбойники, подобные тѣмъ, съ которыми ты вчера обѣдалъ, сообщили мнѣ всѣ твои обстоятельства. Я зналъ, какъ мастерски обманулъ тебя этотъ опытливый плутъ Фрипоненковъ; мнѣ извѣстно было, сколько именно осталось у тебя денегъ, и планъ обыграть тебя уже давно былъ мною составленъ. Я старался войдти въ твою дружбу, снискать постепенно твою довѣренность, и завлечь къ себѣ въ домъ. Ты видишь, какъ все это удачно совершилось — но теперь довольно. Я не люблю мучить и рвать по немногу, какъ дѣлаютъ это другіе. Ежели рѣзать, такъ и прирѣзать, а не пилить по кусочкамъ. Вчера планъ мой исполнился, и я уже болѣе вѣкъ, ни съ тобою, ни противъ тебя не играю. Удивляюсь, въ какомъ ты былъ ослѣпленіи, и до какой сте-

пени ты никакого понятія не имѣешь объ игрѣ! Какъ можно было не замѣтить, что̀ съ тобою дѣлали? Этотъ скотина, Шурке, такъ искусно передергивалъ, что бѣсилъ меня. Я только одинъ мастерски игралъ роль пьянаго, и отчаяннаго отъ проигрыша. Ну, любезный Петръ Федоровичъ! я сказалъ тебѣ все, и ежели ты не послушаешь моего совѣта, то, право, я не виноватъ. Прощай!« — Удушьевъ пожалъ ему руку, и пошелъ далѣе.

Долго не могъ опомниться Аглаевъ послѣ сего разговора. Онъ не зналъ — чему приписать такую откровенность Удушьева: безстыдству и наглости, или необыкновенной добродѣтели? »По,« думалъ Аглаевъ, »онъ могъ-бы воспользоваться глупостью и легковѣріемъ моимъ, могъ-бы выиграть у меня все до копѣйки, и вмѣсто того оставилъ мнѣ еще кусокъ хлѣба, и такъ дружески предупреждаетъ меня! Это *чудесный* че-

ловѣкъ!« Аглаевъ хотѣлъ было послѣдовать совѣту Удушьева, рѣшительно болѣе не играть, уѣхать съ остальными деньгами въ деревню, жить тамъ умѣренно и спокойно въ кругу своего семейства. Вся возможность предстояла къ этому: долги его были уплачены, и оставалось у него еще болѣе 20 т. чистыхъ денегъ. Слабость характера помѣшала ему свершить это благоразумное намѣреніе. »Какъ и чѣмъ жить съ женою и съ дѣтьми, при такомъ небольшомъ состояніи?« думалъ Аглаевъ. Притомъ-же, въ продолженіе послѣдняго времени, привыкъ онъ къ роскоши, хорошему обѣденному столу, и Шампанскому, до котораго и прежде былъ большой охотникъ. »Что за жизнь въ нищетѣ и недостаткѣ? Такъ и быть! Попробую еще счастія, поискую остальными деньгами!« думалъ Аглаевъ — »ежели проиграюсь — полно! Уѣду тотчасъ въ деревню; долговъ, слава Богу,

нѣтъ; займусь литературою, хозяйствомъ, воспитаніемъ дѣтей; тогда, такъ и быть, ужъ по неволѣ буду во всемъ отказывать себѣ, и жить кое-какъ. Но надобно еще испытать. Можетъ быть, счастіе мнѣ послужитъ? Однакожъ въ банкъ, ни съ Змѣйкинымъ, ни съ Шурке, ни съ Вампировымъ, болѣе не играю! Вообще въ *азартныя* игры, послѣ того, какъ меня безсовѣстно и нагло обокрали, пускаться не стану. Буду играть въ коммерческія игры; но по *большой*, даже и въ вистъ, не зная своихъ партенёровъ, не сяду. Въ пикетъ, а пуще всего въ *дурачки*, если-бы нашелся охотникъ, пожалуй, и по большой!« — Аглаевъ почиталъ себя совершеннымъ мастеромъ въ эту игру, и увѣренъ былъ, что никто лучше его не играетъ. Между тѣмъ рѣшился онъ, чтобъ не быть смѣшнымъ, не обнаруживать, что его обыграли навѣрное, обходиться съ ограбившими его разбойниками по прежнему,

показывать, что онъ ничего не знаетъ; но только въ банкъ съ ними не садится, въ надеждѣ, что они сами попадутся ему въ коммерческія игры. Слѣдуя сему велемудрому предпріятію, въ тотъ-же день явился Аглаевъ въ Клубѣ, съ намѣреніемъ — просить *великодушнаго* Удушьева не объявлять, что онъ ему все открылъ, не *посрамлять* его, не дѣлать смѣшнымъ, и не мѣшать ему поправить дѣла свои въ коммерческія игры. Но напрасно хотѣлъ онъ упруждать его сею просьбою. Удушьевъ въ тотъ-же день уѣхалъ въ свою подмосковную, *пріобрѣтенную* имъ отъ одного, подобнаго Аглаеву, *друга*. Онъ большею частію жилъ въ этой подмосковной, и пріѣзжалъ въ Москву не иначе, какъ по увѣдомленіямъ агентовъ своихъ, что есть ему надъ кѣмъ потрудиться и позабавиться.

Въ Клубѣ Аглаевъ встрѣтилъ опять *благодѣтелей* своихъ, Змѣйкина и Вам-

пирова, но показалъ видъ, что ему подвиги ихъ нисколько неизвѣстны. Они предлагали ему партію въ вистъ. »Нѣтъ« — отвѣчалъ онъ — »и въ банкъ, и въ вистъ сталъ я играть очень несчастливо, а сжели-бы нашелся охотникъ въ пикетъ, по большой, или въ *дурачки*, то я готовъ.« — Какъ? Ты мастеръ въ дурачки? — сказалъ Змѣйкинъ. — Досадно, что нѣтъ здѣсь Карла Адамовича Шуркс; онъ страшный охотникъ до этой игры! Но пріѣзжай завтра ко мнѣ обѣдать; я приглашу его, и мы посмотримъ, какъ вы сразитесь. — »Хорошо, пріѣду,« отвѣчалъ Аглаевъ. »А между тѣмъ не найдешь-ли ты мнѣ здѣсь партіи въ пикетъ?« — Какъ не найдти! Вотъ Евграфъ Платоновичъ Ліонскій. Только онъ играетъ неиначе, какъ въ большую. — »Такого-то мнѣ и надобно.« — Партія составилась. Аглаевъ предложилъ столь дорогую игру, что Ліонскій не рѣшился играть одинъ;

онъ нашелъ охотниковъ держать ему. Всѣмъ извѣстно было, что Лионскій мастеръ. Тотчасъ разнесся слухъ о необыкновенно большой игрѣ въ пикетъ; около стола нашихъ игроковъ сдѣлался кружокъ. Оба они играли очень хорошо, но счастіе ни тому ни другому рѣшительно не благопріятствовало, и игра окончилась почти ничѣмъ.

На другой день открылось сраженіе Аглаева съ Шурке, въ дурачки, въ домѣ Змѣйкина. Герой нашъ сѣлъ играть съ твердою увѣренностію на выигрышъ; онъ славился необыкновеннымъ искусствомъ въ кругу своемъ, и не находилъ еще себѣ сопротивника. Каждая игра назначена была по тысячѣ рублей, потому, что Шурке въ маленькую играть ни какъ не соглашался. Потомъ пошли *пароли* и *сетелевы*. Аглаевъ нѣсколько разъ выигрывалъ и проигрывалъ; но онъ, по обыкновенію своему, вышелъ изъза стола пьяный; потомъ, въ продол-

женіе игры, пилъ еще Шампанское и пушилъ, и не замѣтилъ, что стоявшій подлѣ него Вампировъ дѣлалъ условленные знаки: то поправлялъ галстукъ, или волосы свои, то вынималъ табакерку, и, открывая ее, какъ будто нечаянно, билъ по ней нѣсколько разъ пальцами, то брался за щетку, или за мѣлъ. Дурачки кончились тѣмъ, что Аглаевъ остался въ полныхъ, круглыхъ и полновѣсныхъ *дуракахъ*, проигралъ безъ малаго десять тысячъ, спросилъ новыхъ картъ, и, машинально, на счастіе, перешелъ въ другое мѣсто, такъ, что Вампирову нѣгдѣ было помѣститься подлѣ него. Аглаевъ предложилъ играть на квитъ, но Змѣйкинъ сдѣлалъ знакъ Шурке, и тотъ рѣшительно пересталъ.

»Нѣтъ« — сказалъ Шурке — »эта игра слишкомъ утомительна. Надобно безпрерывное вниманіе и память; я готовъ, ежели вамъ угодно, на реванжъ, въ банкъ.« — И конечно, конечно, луч-

ше въ банкъ — сказалъ Змѣйкинъ. — И мы будемъ играть, а теперь сидимъ и смотримъ мы на васъ, какъ болваны! Дѣлай-ка намъ банкъ, Карлъ Адамовичъ!

Шурке, по обыкновенію, вынулъ кипу ассигнацій, и множество золота. Змѣйкинъ и Вампировъ начали понтировать. Одинъ изъ нихъ представлялъ ролю Удушьева: также проигрывалъ, рвалъ карты, и кидалъ ихъ, съ *досады*, подъ столъ; другой также отыскалъ руте, и приглашалъ Аглаева воспользоваться его открытіемъ. Но всѣ усилія ихъ остались безполезными. Бывъ предупрежденъ Удушьевымъ, Аглаевъ видѣлъ теперь всѣ *фарсы*, и никакъ не могли вовлечь его въ банкъ. Но онъ условился съ Шурке съѣхаться, на другой день, опять къ Змѣйкину, и снова играть въ дурачки.

»Нѣтъ! теперь не было никакого плутовства,« думалъ Аглаевъ, »а, просто, злое несчастіе преслѣдовало меня. По-

пробую, что будетъ завтра. Не уже-ли, Фортуна! ты никогда не улыбнешься мнѣ?« Дальнѣйшее размышленіе привело его къ тому, что надобно рѣшиться самому схватить фортуну, какъ говорятъ игроки, *за тупей*, т. е. самому *играть навѣрное*. Онъ слышалъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, что одинъ подобный ему, ограбленный до послѣдней копѣйки, отважился поддѣть извѣстныхъ и опытныхъ игроковъ на самую простую штуку: стеръ съ шестерки одно боковое очко, поставилъ темную, съ тѣмъ, что ежели выиграетъ четверка, покажетъ карту съ того бока, гдѣ стерто; а ежели шестерка, то, перевернувъ проворно карту, покажетъ ее, зажавъ пальцемъ стертое очко. Такой дерзости никто не могъ ожидать; бѣдникъ воспользовался хитростью, и выигралъ около ста тысячъ. Аглаевъ рѣшился пуститься на эту-же простую штуку; приготовилъ такую

карту, и положилъ ее, на всякій случай, въ карманъ. Ему пришли было въ голову извѣстные стихи, которые прежде часто повторялъ онъ, и говорилъ даже, что это его девизъ:

S'il faut opter, si dans ce tourbillon
Il faut choisir d'être dûpe ou fripon:
Mon choix est fait, je benis mon partage—
Ciel, rends-moi dûpe, mais rends moi juste et sage.

(Ежели въ вихрѣ свѣта должно избирать: чѣмъ быть — жертвою плутовства, или плутомъ? выборъ мой, сдѣланъ, и я благословляю свой удѣлъ! Провидѣніе! пусть буду я обманутъ, но сохраню мою мудрость и правоту!)

Но Аглаевъ былъ уже слишкомъ завлеченъ. Стихи эти только *мелькнули* въ его памяти, и никакого дѣйствія не имѣли.

Сраженіе опять возобновилось дурачками, и опять Вампировъ производилъ вчерашніе маневры. Аглаевъ не помнилъ

самъ себя, отъ Шампанскаго, отъ пунша, и отъ проигрыша, проклиналъ фортуну, и — *послѣдній* Ломбардный билетъ его, на неизвѣстнаго, перешелъ къ Шурке! Оставалось у него всего житья-бытья рублей съ тысячу ассигнаціями, и нѣсколько полуимперіяловъ. Онъ самъ пересталъ играть въ дурачки, и предложилъ банкъ, въ намѣреніи поддѣть пріятелей на *простую штуку*. Весьма неискусно вынулъ онъ изъ кармана приготовленную имъ карту, такъ, что Вампировъ замѣтилъ это, и сдѣлалъ знакъ Шурке, который сначала не соглашался было играть на темныя карты, но по новому знаку сталъ метать. »Чего ты боишься бить темныя? Не уже-ли ты думаешь, что мы играемъ *наверное?*« сказалъ Вампировъ. — Нѣтъ — отвѣчалъ Шурке, закусывая губы, чтобы не смѣяться — но я не люблю бить темныхъ. А въ самомъ дѣлѣ банкомётъ обязанъ сдѣлать спис-

хожденіе понтёру! — Послѣ того началъ онъ метать; но такое было *несчастіе* Аглаеву, что всѣ четверки и шестерки ложились непремѣнно на правую сторону! Онъ снова проклиналъ судьбу свою, забывшись бросилъ въ сердцахъ приготовленную имъ карту на полъ, взялъ цѣлую колоду — но, ничто ему не помогло: онъ проигралъ послѣднее, все что у него было! Не смотря на это, онъ еще продолжалъ игру, и — тысячь сорокъ было на немъ записано... Змѣйкинъ сдѣлалъ тогда знакъ и Шурке *забастовалъ*. »Пожалуйте деньги!« сказалъ онъ Аглаеву. — У меня ничего нѣтъ! — отвѣчалъ Аглаевъ, съ воплемъ бѣшенства и отчаянія. — Вы меня совершенно ограбили — я васъ знаю! Удушьемъ открылъ мнѣ ваше плутовство! — »Какъ? У тебя нѣтъ денегъ? За чемъ-же ты игралъ? И въ оправданіе свое осмѣливаешься обвинять насъ, и ссылаешься на такого-же мо-

шенника, какъ ты самъ?« вскричалъ Шурке, и тотчасъ за сими словами далъ онъ жестокую оплеуху Аглаеву. »Какъ? Ты самъ бывши бездѣльникомъ, думалъ обыграть насъ навѣрное« — закричалъ Вампировъ, поднявъ съ полу и показывая шестерку съ стертымъ очкомъ — »осмѣливаешься еще на насъ-же клеветать?« — И опъ него оплеуха по другой щекѣ послѣдовала Аглаеву... Сначала, какъ можно себѣ вообразить, Аглаевъ былъ пораженъ, или, лучше сказать, оглушенъ сими доказательствами Шурке и Вампирова. Но безстыдная наглость сихъ бездѣльниковъ, которые, ограбивъ его, такъ безчеловѣчно начали бить, привела Аглаева вдругъ въ такое неистовство, что онъ не вспомнилъ самъ себя, бросился на Шурке, человѣка щедушнаго и худощаваго, сбилъ его съ ногъ, и схватилъ за горло. Но Вампировъ явился на помощь, взялъ Аглаева за воротъ, стащилъ съ Шурке, и

далъ этому мерзавцу поправиться. Вдвоемъ повалили они Аглаева, и, не теряя присутствія духа и времени въ дракѣ, Вампировъ держалъ его, а Шуркe вынималъ у него изъ кармановъ все, что тамъ было. Но — не велика была пожива: всѣ деньги поступили уже къ нимъ; оставались только старинные часы покойнаго отца Аглаева, и золотая его табакерка. Все это вмѣстѣ не стоило болѣе 500 рублей, однакожъ и этимъ рѣшились воспользоваться. Между тѣмъ Змѣйкинъ, опасаясь, чтобы не случилось смертоубійства у него въ домѣ, вступилъ въ посредничество.« Полно полно, господа! Какъ вамъ не стыдно! Я отвѣчаю вамъ за Петра Ѳедоровича: онъ человѣкъ благородный, и ежели проигралъ, то заплатитъ: у него есть имѣніе; я вамъ за него отвѣчаю!« — Какъ пустить такого мошенника? Вздумалъ было обыграть насъ навѣрное! — сказалъ Вампировъ. — »Что-жъ тебѣ

еще надобно, ежели я ручаюсь за него?« — Да что много толковать! — вскричалъ Шурке. Ежели ты отвѣчаешь, то мы можемъ тотчасъ сойдтишься. Отдай намъ чистыя деньги, выигранныя у него; также часы и табакерку; мы раздѣлимъ съ Вампировымъ, а ты возьми на свою часть, пожалуй, хоть съ уступкою, то, что онъ проигралъ въ долгъ, да и раздѣлывайся съ нимъ, какъ хочешь! Согласенъ-ли ты на это? — »Согласенъ.« — Ежели такъ, то мы его выпустимъ. — Между тѣмъ, высокій, сильный Вампировъ держалъ за горло Аглаева; жизнь его была въ опасности, и онъ умолялъ Змѣйкина спасти его. »Вотъ, видишь-ли, что я для тебя дѣлаю?« сказалъ Змѣйкинъ. »Надѣюсь, что ты не откажешься дать мнѣ вексель въ проигранныхъ тобою деньгахъ?« — Не откажусь, не откажусь, и сей часъ подпишу — отвѣчалъ Аглаевъ, оправясь, насилу подыхая, и опасался еще

новыхъ побоевъ, въ случаѣ отреченія дать вексель. »Ежели такъ,« продолжалъ Змѣйкинъ, »то не надобно откладывать того до завтра, что можно сдѣлать сегодня. Это говорилъ какой-то умный человѣкъ. Вексельная бумага у меня есть, и мы сей часъ окончимъ все дѣло. А вы, господа, полно между собою ссориться; выпьемъ Шампанскаго на мировую. Мальчикъ! подай намъ цѣльную бутылку.« Шампанское было принесено; вексель тотчасъ поспѣлъ; Агласвъ подписалъ безъ сопротивленія, и Змѣйкинъ послалъ привезти Маклера, съ книгою.

»А что, господа« — сказалъ Змѣйкинъ, сохраняя еще нѣкоторую пріязнь къ старому Пансіонскому товарищу — »мы свое дѣло сдѣлали: обыграли Петра Ѳедоровича. Теперь все рѣшено, и у него ничего не осталось. Не льзя-же такъ его покинуть; возьмемъ его въ часть къ себѣ, и вы увидите, что онъ намъ пригодится.« — Пожалуй! — отвѣчалъ

Шурке. — Онъ, въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть намъ полезенъ. Еще никто не знаетъ, что у него ничего уже нѣтъ, и онъ можетъ служить намъ приманкою. Притомъ-же у него такое благообразное лицо, такое простосердечіе — и никому въ голову не придетъ, что онъ съ нами за одно! — »И я согласенъ,« прибавилъ Вампировъ, »только надобно его поучить, какъ быть попроворнѣе, и искуснѣе вынимать изъ кармана поддѣланныя карты. Давича, онъ такъ неловко вытащилъ свою шестерку и четверку, что я насилу могъ удержаться отъ смѣха!« Всѣ вспомнили этотъ случай, и захохотали. Вампировъ передражнивалъ Аглаева, долго смѣялись, пили Шампанское, и послѣ отъѣзда Маклера, съ книгою, въ которой Аглаевъ расписался, еще нѣсколько времени просидѣли. Тутъ открыты были новому товарищу нѣкоторыя тайны искусства; дружески разсуждали о предстоящихъ

ему подвигахъ, и сулили ему золотыя горы. Шурке разсказалъ, что онъ самъ былъ почти въ такомъ-же положеніи, а теперь очень поправился, и доволенъ. Слѣдовательно, и Аглаеву того-же можно надѣяться. Кончилось тѣмъ, что Аглаевъ, при слабомъ своемъ характерѣ, съ помощію Шампанскаго и пунша, развеселился, забылъ всѣ правила нравственности, забылъ, что безчестіе его распространится на все невинное его семейство, и охотно вступилъ въ сословіе разбойниковъ! По возвращеніи домой, нашелъ онъ всѣхъ въ смятеніи. Дядюшку его, Аристофанова, привезли безъ чувствъ и безъ языка, съ большаго бала. Послѣ продолжительнаго вальса въ котильонѣ, утомясь и распотѣвши, онъ напился холоднаго, и съ нимъ тутъ-же сдѣлался ударъ. Въ такомъ положеніи старикъ былъ доставленъ домой. Аглаевъ поспѣшилъ къ нему въ комнату, но не было уже никакой надеж-

ды спасти жизнь дяди. Черезъ нѣсколько минутъ, Аристофановъ окончилъ свое достославное поприще.

Аглаеву извѣстно было, что у покойнаго больше долговъ, чѣмъ имѣнія. Онъ поспѣшилъ дать знать Полиціи, чтобы запечатали все оставшееся послѣ его дяди. Нашлось нѣсколько сотенъ рублей, которые были истрачены на похороны. Совершивъ сей послѣдній долгъ, и не имѣя ни угла, гдѣ жить, и ни копѣйки денегъ, не только, чтобы возвратиться домой въ деревню, но даже, чтобы какъ нибудь прокормиться, Аглаевъ рѣшился откровенно сказать Змѣйкину о бѣдственномъ своемъ положеніи. Великодушный другъ его тотчасъ далъ ему тысячу рублей, на вексель, для уплаты мѣлочныхъ долговъ, и отвелъ ему, для житья, въ домѣ своемъ особую комнату.

Такимъ образомъ, несчастный Аглаевъ поступилъ совершенно подъ покровительство Змѣйкина, и тотъ началъ съ

нѣкоторою пользою употреблять его таланты. Змѣйкинъ увѣрялъ, что Аглаевъ большой богачъ, что ему досталось наслѣдство, и что около его можно потрудиться. Подъ симъ предлогомъ завлекалъ онъ многихъ къ себѣ, и начисто обыгрывалъ. Подсылали также Аглаева развѣдывать, кто изъ знакомыхъ его получаетъ, подъ залогъ, или за проданное имѣніе, деньги, поручали ему дружиться съ такими людьми, и звать, ихъ къ себѣ. Въ такихъ случаяхъ, Аглаевъ представлялъ роль хозяина, а Змѣйкинъ гостя его, и на эту штуку удалось имъ обыграть многихъ.

Нечувствительно привыкъ Аглаевъ къ такому честному ремеслу. При томъ-же, онъ ѣлъ вкусно, и всякій день къ вечеру былъ пьянъ. Ему нѣкогда было одуматься, и вспомнить о несчастномъ своемъ семействѣ. Наконецъ сдѣлала эта шайка какое-то, уже слишкомъ гласное плутовство, и всѣхъ друзей — Змѣй-

кина, Шурке, Вампирова и Аглаева, выслали изъ Москвы, взявъ съ нихъ подписки — никогда не возвращаться.

Все пребываніе Аглаева въ Москвѣ продолжалось не болѣе полугода, и въ теченіи сего краткаго времени успѣлъ онъ надѣлать столько хорошихъ и похвальныхъ дѣлъ! Послѣднія чувства нравственности въ немъ истребились. Онъ сдѣлался уже совсѣмъ образованнымъ мошенникомъ и пьяницею. Съ начала писалъ онъ всякую почту къ женѣ своей, и обѣщалъ ей скоро возвратиться. Но, постепенно, часъ отъ часу сталъ писать рѣже, и послѣднія три, или четыре письма ея оставилъ вовсе безъ отвѣта. Между тѣмъ несчастная жена его плакала, худѣла, и здоровье ея совершенно разстроивалось. Послѣ высылки изъ Москвы, Аглаевъ, по необходимости, долженъ былъ возвратиться домой. Онъ выѣхалъ вмѣстѣ съ Змѣйкинымъ, который расположился поселиться въ

деревнѣ, по сосѣдству съ Агласвымъ. Этотъ покровитель Аглаева сдѣлалъ планъ, по которому положено было подвизаться въ искусствѣ ихъ на ярмаркахъ, и въ губернскихъ городахъ. Аглаевъ, по векселю своему, былъ въ полной зависимости у Змѣйкина, и согласился вездѣ ему сопутствовать.

Возвращеніе Аглаева домой было прискорбно и ужасно. Жена его, отъ слезъ и отъ горя, потеряла всю прежнюю красоту свою. Блѣдная, худая, желтая, слабая, встрѣтила она его на крыльцѣ, и отъ разстройства нервъ упала въ обморокъ. Дѣти не узнали своего отца, и, когда онъ хотѣлъ приласкать и поцѣловать ихъ, они заревѣли, и прижались къ нянямъ. Старая Холмская не дѣлала никакихъ упрековъ, но лицо ея показывало явное негодованіе и презрѣніе къ Аглаеву. Въ домѣ нашелъ онъ совершенный безпорядокъ, и большую часть строеній въ упадкѣ. Все это,

совокупно, навело на него такое уныніе, и такую тоску, что онъ кое-какъ пробылъ дома одинъ сутки, и ускакалъ къ Змѣйкину.

Тамъ ожидало его совсѣмъ противное — вкусный и роскошный столъ, веселое общество (Шурке и Вампировъ вскорѣ туда пріѣхали), шутки, разнаго рода распутныя увеселенія, и все, что только развращеніе и безнравственность представляютъ привлекательнаго. Аглаевъ проводилъ большую часть времени у Змѣйкина; домой ѣздилъ изрѣдка; бранился на жену, которую всегда заставалъ въ слезахъ, и съ мрачнымъ лицомъ возвращался опять къ Змѣйкину. Это бывало поводомъ къ *остроумнымъ* шуткамъ и насмѣшкамъ друзей. Они успѣли уже совершить нѣсколько удачныхъ путешествій, на ярмарки, въ близъ лежащіе города, работали тамъ со славою и успѣхомъ, пили, ѣли, веселились, и не видали, какъ летѣло время.

Въ такомъ положеніи былъ Аглаевъ, когда Свіяжская и Софья пріѣхали въ Пріютово. Въ этотъ день было рожденіе Змѣйкина. Посланный съ запискою о пріѣздѣ ихъ, нашелъ Аглаева въ пьяномъ видѣ. Онъ только что передъ тѣмъ окончилъ разсказъ о наставленіяхъ, которыя дѣлала ему Софья, при первомъ отъѣздѣ его въ Москву, и передражнивалъ обѣихъ старухъ, Свіяжскую, и тещу свою Холмскую, какъ онѣ ходятъ, говорятъ, и изъясняются въ дружбѣ. Всѣ помирали со смѣху, и Аглаевъ еще болѣе отличался послѣ такого одобренія, лгалъ, выдумывалъ то, чего никогда не бывало. Въ это время подали ему записку отъ жены.

»Вотъ, что называется, сонъ въ руку!« сказалъ онъ. »Вообразите: сама *Императрица Екатерины первой*, тетушка Свіяжская, и Профессоръ премудрости Софья, воспитанница ея, пріѣхали къ намъ! — Хорошъ я

буду, когда покажусь имъ въ теперешнемъ моемъ видѣ!« прибавилъ онъ, допивая свой стаканъ пуншу. — Нѣтъ! мы тебя не пустимъ; тебѣ надобно протрезвиться; не прежде, какъ послѣ ужина, почью, поѣзжай домой. Ты найдешь всѣхъ спящими, а къ утру успѣешь совсѣмъ поправиться — сказалъ Змѣйкинъ. — Тогда начинай свою ролю раскаявающагося грѣшника. Да, смотри: вели вычистить свой фракъ, и разчеши волосы. Ты такой сталъ неряха, что ни на что не похоже! Смотри-же: не ударь лицомъ въ грязь, разжалобь старуху, и вымани у нея побольше денегъ! Пора, братъ, и давно пора, расплатиться тебѣ со мною по твоему векселю! —

Однакожъ, весь вечеръ Аглаевъ продолжалъ пить. Въ самое короткое время, онъ до такой степени перемѣнился и унизился, что не стыдился уже, особенно въ пьяномъ видѣ, представлять роль шута и забавника въ домѣ Змѣйкина.

Онъ пѣлъ, и плясалъ съ крестьянскими бабами, которыя. были въ тотъ вечеръ собраны у добраго своего помѣщика. Къ довершенію всего, Аглаевъ, уже мертвецки пьяный, вздумалъ позабавить все почтенное общество, и сдѣлать имъ сюрпризъ, нарядившись въ крестьянское платье. Его дурачили, смѣялись надъ нимъ, подносили ему безпрестанно пуншъ. Вечеръ кончился тѣмъ, что онъ упалъ безъ чувствъ на полъ, и его отнесли въ постелю....

ГЛАВА V.

Да, будетъ съ неба миръ тебѣ,
Раскаянія плодъ!
Желаніямъ чистымъ и мольбѣ
Богъ щедро подаетъ.
Неизвѣстный.

Но возвратимся опять въ Пріютово. Бѣдная Катерина почти всю ночь проплакала, и посылала нѣсколько разъ справляться: не пріѣхалъ-ли ея мужъ? Софья также рано проснулась, и съ горестію услышала, что Аглаевъ еще не пріѣзжалъ. Горничная дѣвушка, одѣвая ее, успѣла сообщить, что посланный къ нему возвратился, и разсказывалъ, что засталъ барина пьянымъ; что онъ всю

ночь проплясалъ съ бабами, и наконецъ упалъ безъ чувствъ на полъ... »Бѣдная, бѣдная Катинька!« думала Софья — »нѣтъ никакой надежды помочь тебѣ! Ты погибла безвозвратно, и одна смерть только можетъ прекратить страдальческую жизнь твою!«

Свіяжская долго проговорила съ другомъ своимъ, Холмскою, о бѣдственномъ положеніи Катерины. Она узнала, что Аглаевъ, кромѣ того, что никогда почти не бываетъ дома, но и во время кратковременныхъ возвращеній своихъ пріѣзжаетъ не на радость, а на новое горе Катерины; что онъ обходится съ нею весьма дурно, безпрестанно придирается, говоритъ грубости, и увозитъ послѣднія деньги, которыя она, кое-какъ, собираетъ, для содержанія себя и дѣтей.

Въ мрачномъ расположеніи, и съ печальными лицами, собрались всѣ пить чай. Однакожъ каждая изъ присутствовавшихъ, по возможности, старалась

притвориться, и казаться спокойною, чтобы не увеличить горести бѣдной Катерины. Съ распухшими отъ слезъ глазами, безмолвная, она сидѣла уже, съ дѣтьми, въ гостиной.

Софья сдѣлала еще новое, весьма непріятное открытіе, что впрочемъ было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ разстройства семейной жизни Аглаевыхъ. Она замѣтила, что дѣти были чрезвычайно избалованы; въ особенности-же крестница ея, Сонечка, была самая своевольная, капризная дѣвчонка; при малѣйшемъ противорѣчіи кричала, ревѣла во все горло, топала ногами, и приходила въ какое-то изступленіе. Мать, по слабости своего здоровья, и чтобы поскорѣе только унять дочь свою, дѣлала все, что ей хотѣлось. Въ продолженіе утра Софья видѣла неоднократные опыты своевольства крестницы своей, и слабости ея матери. Замѣтивъ все это, она рѣшилась, во время

пребыванія у сестры, заняться особенно исправленіемъ крестницы.

Несчастный Аглаевъ проснулся уже на другой день утромъ, съ сильною головною болью. Хотя онъ пилъ разсолъ и квасъ, но ничто ему не помогало; всю внутренность жгло у него отъ пуншa и ерофеича. Шампанскаго, и другихъ хорошихъ винъ, уже давно не давалъ ему хозяинъ его.

По обыкновенному примѣру пьяницъ, Аглаевъ просилъ убѣдительнѣйше, чтобы ему дали, на похмѣлье, чаю съ ромомъ. »Вотъ еще — давать тебѣ рому!« сказалъ Вампировъ. »Стбишь-ли ты того? Всякая дрянь лѣзетъ нынѣ въ порядочные люди, всякому давай лучшаго и дорогаго; можешь и съ простою водкою напиться, да и то — ежели дадутъ!« — »Правда, правда!« — подтвердилъ Шуркс. — »Однакожъ, такъ и быть, ежели пропляшешь по вчерашнему, то я выпрошу тебѣ рому.« —

До пляски-ли мнѣ теперь! Такъ болитъ голова, что мочи нѣтъ! Но, полно шутить; пожалуста, велите дать мнѣ рому! — »Вотъ еще! Сталъ умничать! Говорятъ тебѣ попляши, а то и ничего не дадутъ.« — Что за вздоръ! Эй, человѣкъ! подай мнѣ рому! — »Не подавай!« сказалъ Вампировъ. — Да, что братецъ, за глупыя шутки? — »Нѣтъ никакихъ шутокъ, а просто ничего не дадутъ, покамѣстъ не будешь плясать.« — Чортъ васъ возьми! Вѣдь въ самомъ дѣлѣ не дадите ничего, а моей мочи нѣтъ! — »Точно не дадимъ; графинъ съ ромомъ сей часъ сюда принесутъ, но ты будешь смотрѣть, а не пить, покамѣстъ не попляшешь.« Страсть къ пьянству до такой степени усилилась въ Аглаевѣ, что онъ готовъ былъ на все. — Нѣчего дѣлать! — сказалъ онъ — Отъ васъ видно не отдѣлаешься! — Послѣ сего пустился онъ въ присядку, по вчерашнему. Шурке и Вампировъ снова пожи-

рали со смѣху. Въ это время вошелъ Змѣйкинъ. »Что это? Ужъ ты, пьяница, успѣлъ нарѣзаться съ позарашку?« сказалъ онъ. — Какое: *нарѣзаться!* Моей мочи нѣтъ — надобно опохмѣлиться, а вотъ эти злодѣи не хотѣли дать мнѣ рому, покамѣстъ я не буду плясать. — »Да, братецъ, теперь ему можно дать,« отвѣчалъ Шурке — »онъ выплясалъ, и мы ему обѣщали.« — Полно, что вы господа! Онъ опять напьется пьянъ, а ему надобно сей часъ ѣхать, представлять комедію. Одѣвайся, братецъ—продолжалъ Змѣйкинъ, обращаясь къ Аглаеву. — Дрожки тебѣ готовы. Да смотри-же, поправься, разжалобь старуху, выхлопочи денегъ, для заплаты мнѣ по векселю, а не то смотри, худо будетъ: я тебя, и съ плаксою, женою твоею, выгоню изъ деревни! И то, кажется, довольно долго жду я. Ты самъ знаешь, что срокъ прошелъ.«

Вексель, по счетамъ Змѣйкина съ Вампировымъ, перешелъ къ сему послѣд-

нему, и онъ уже давно представилъ его ко взысканію. По личному уваженію Исправника къ Катеринѣ, и по жалости къ несчастному ея семейству, Прiютово тайно отъ нея было описано, и скоро наступалъ уже послѣдній срокъ къ продажѣ его съ аукціона. Но она ничего этого не знала....

»Воля твоя,« отвѣчалъ Аглаевъ, »а моей мочи нѣтъ: дай опохмѣлиться, хоть чашки двѣ выпить съ ромомъ! — Не дамъ, говоритъ тебѣ, не дамъ; ты опять напьешся, а тебѣ давно пора ѣхать! — »Да, полно, братецъ, шутишь, и такъ чай простылъ!« — Какая шутка! Я тебѣ серьезно говорю: *не дамъ!* — »Чортъ васъ всѣхъ возьми!« сказалъ съ сердцемъ Аглаевъ, и вышелъ вонъ. Паспалу, почти на колѣняхъ, выпросилъ онъ у буфетчика стаканъ ерофеичу, и потомъ возвратился одѣваться.

»Ахъ! пьяница! Ужъ онъ успѣлъ нарѣзаться!« вскричалъ, съ досадою, Змѣй-

кинъ. »Кто тебѣ поднесъ? Отъ тебя такъ и несетъ простымъ виномъ!« — Выпилъ, таки выпилъ! — отвѣчалъ Аглаевъ. — Я говорилъ тебѣ, что моей мочи нѣтъ, и что мнѣ надобно опохмѣлиться. — »Принесите этому скотинѣ крупы« — продолжалъ Змѣйкинъ — »чтобы онъ забылъ запахъ отъ вина. Экая пьяница! съ глазъ спустить нельзя! Да, одѣвайся, по крайней мѣрѣ, поскорѣе — провались ты отсюда!« —

Аглаевъ началъ одѣваться. Платье его и безъ того изношенное, было замарано, не вычищено, борода не брита, волосы всѣ въ пуху, бѣлой галстукъ его былъ запачканъ, и жилетъ во многихъ мѣстахъ изодранъ... »Какъ отпустить его такою чучелою?« — сказалъ Змѣйкинъ. — »Нѣчего дѣлать! Принесите ему старый мой фракъ, и бѣлое бѣлье! Садись, пьяница, садись уродъ! Надобно тебя выбрить, и разчесать волосы!« Каммердинеръ Змѣйкина все это

сдѣлалъ. Хотя принесенное платье не совсѣмъ было впору, но, покрайней мѣрѣ, Аглаевъ походилъ въ немъ на человѣка. »Посмотри-ка: да онъ препорядочный сдѣлался молодецъ!« сказалъ Шуркс. — И въ самомъ дѣлѣ! — прибавилъ Змѣйкинъ — парень хоть куда! Ну, оберись, пройди по комнатѣ! Какъ-же ты будешь кланяться? Что будешь ты говорить?—

У Аглаева отъ ерофеича опять кружилась голова; онъ забавлялъ почтенныхъ собесѣдниковъ своихъ, представляя въ лицахъ, какъ будетъ подходить къ ручкѣ дамъ, принимая на себя смиренный видъ. Часа два продолжалась вся эта комедія. Наконецъ Змѣйкинъ вынулъ часы. »Посмотрите, какъ мы заболтались съ этимъ дуракомъ — скоро 11 часовъ! Ну, пошелъ, пошелъ, пора тебѣ ѣхать! — Ахъ, да! Постой-ка, постой, молодецъ — вѣдь чего добраго! Ты, пожалуй, готовъ дорогою заѣхать въ кабакъ. Надобно освидѣтельствовать,

нѣтъ-ли у тебя денегъ?« говорилъ Змѣйкинъ, осматривая его карманы. — Какія деньги! Ужь я, по милости вашей, давно въ глаза ихъ не видалъ — возразилъ, съ неудовольствіемъ, Аглаевъ, выходя изъ комнаты.—»Да, на что тебѣ дураку деньги? И безъ нихъ ты всякій день сытъ и пьянъ!« — Постой, постой — закричалъ Вампировъ въ окно, въ то время, когда Аглаевъ садился на дрожки — вернись назадъ — я дамъ тебѣ стаканъ рому! — Аглаевъ слѣзъ съ дрожекъ. »Попробуй-ка вернуться, ежели хочешь быть битымъ!« закричалъ Змѣйкинъ. — Однакожъ Аглаевъ вошелъ опять въ комнату; но Змѣйкинъ выполкнулъ его въ шею, велѣлъ служителямъ посадить его насильно на дрожки, и кучеру тотчасъ ѣхать.

Увы! точно справедливо: ce n'est, que le premier pas, qui coûte (только первый шагъ трудень)! Какъ скоро, и какъ ужасно усовершенствовался Аглаевъ на

поприщѣ разврата! Человѣкъ хорошаго рода, дворянинъ, мужъ прелестной женщины, отецъ семейства, не глупый, и довольно образованный, имѣя вѣрный кусокъ хлѣба, какъ быстро прошелъ онъ всѣ степени порока! Все промоталъ, повергнулъ свое семейство въ самое бѣдственное положеніе, и къ довершенію всего сдѣлался пьяницею, поступилъ въ званіе шута — къ разбойникамъ, которые его ограбили!

Всякій тотъ близокъ къ паденію, кто не имѣетъ душевной силы, съ первымъ движеніемъ возникающей страсти, преодолѣть и подавить въ себѣ гибельное стремленіе, при самомъ началѣ.

Аглаевъ образумился дорогою. Дѣйствіе ерофеича понемногу прошло, и ужасное, во всѣхъ отношеніяхъ, положеніе его представилось ему въ настоящемъ видѣ! Слезы невольно потекли изъ глазъ его; онъ не зналъ, какъ показаться домой, что ему дѣлать, и чѣмъ оправдаться

въ медленности своей, когда уже безъ малаго сушки зналъ онъ о пріѣздѣ своей благодѣтельницы? Хотѣлъ было онъ во всемъ признаться, и рѣшительно перемѣнить образъ жизни, но думалъ, что нельзя ему не только надѣяться, но и желать даже, чтобы заплатили за него около сорока тысячъ рублей, должныхъ имъ Змѣйкину. Разсуждая далѣе, онъ принялъ *рѣшительное намѣреніе* отдать деревню за долгъ свой, поручить жену и дѣтей великодушію родныхъ ея, а самому вступить въ службу, хотя въ должность у частныхъ людей, отказывать себѣ во всемъ, и *совершенно* исправиться въ своемъ поведеніи. Мысль эта воспламенила его. Въ немъ оставались еще нѣкоторыя искры добра, и въ это время онъ точно готовъ былъ на всякія пожертвованія и усилія. Но изъ всѣхъ страстей самая тяжелая къ преодолѣнію есть пьянство. Страсть сія уже непреоборимо вкоре-

нилась въ немъ, и самыми быстрыми шагами привела его къ погибели.

Передъ обѣдомъ пріѣхалъ онъ домой; засталъ жену и дѣтей, также и Софью къ гостиной; старушки, объ, чувствуя себя не очень здоровыми, ушли въ свою комнату полежать. Съ робостію, и весь покраснѣвъ, подошелъ Аглаевъ къ рукѣ Софьи; потомъ поцѣловалъ онъ съ нѣжностію свою жену. »Что ты, мой другъ, такъ блѣдна?« сказалъ онъ ей. »Видно не очень здорова. Я самъ себя не весьма хорошо чувствую, и отъ того вчера никакъ не могъ пріѣхать.» Софьѣ извѣстна была причина его медленности; притомъ-же и самое лицо Аглаева, багровое, развратное, и помутившіеся глаза, изобличали его. Она не могла скрыть своего негодованія, и съ презрѣніемъ посмотрѣла на него. Аглаевъ догадался; желая скрыть смущеніе свое, подошелъ онъ къ дѣтямъ, поцѣловать и приласкать ихъ; но отвыкнувъ со-

всѣмъ отъ него, и видая его очень рѣдко, они испугались, и заревѣли во все горло. Катерина велѣла нянѣ поскорѣе вынесть ихъ изъ комнаты, и отправляться гулять. Въ это время Холмская и Свіяжская вошли въ гостиную. Аглаевъ, опять весь покрасившъ, подошелъ къ нимъ. Холмская съ видомъ упрека, а Свіяжская съ состраданіемъ смотрѣли на него, и онъ еще болѣе смѣшался, нечаянно увидѣвъ себя въ зеркалѣ. Фракъ Змѣйкина былъ ему узокъ и коротокъ; вообще прежняго Аглаева узнать было невозможно. Софья, не видавъ его очень давно, смотрѣла на него съ неописаннымъ отвращеніемъ — такъ пьянство его *преобразило*. Все лицо Аглаева было покрыто, какъ будто какимъ-то багровымъ лакомъ; на лбу и на носу были у него прыщики; передніе зубы выпали; онъ такъ постарѣлъ и подурѣлъ, что самъ ужасался, когда глядѣлъ на себя въ зеркало.

Передъ обѣдомъ, по обыкновенію, подавали водку, которой Аглаевъ прежде никогда не пилъ, и слуга прошелъ было мимо его. Онъ хотѣлъ и теперь, по крайней мѣрѣ при гостяхъ своихъ, не пить, но никакъ не могъ преодолѣть себя, воротилъ слугу, и выпилъ большую рюмку. Прежде всегда наблюдалъ онъ вѣжливость, подавалъ руку дамамъ, и велъ ихъ за столъ, но теперь не отважился подойдти къ Свіяжской, и въ то время, когда всѣ пошли въ залу, садиться за столъ, онъ догналъ слугу, и выпилъ еще рюмку водки. Послѣ сихъ *пріемовъ*, Аглаевъ нѣсколько ободрился, и началъ было говорить, но всѣ замѣтили послѣдній его подвигъ, и это всѣхъ поразило. Жена его насилу удерживала слезы свои; грустно было смотрѣть на нее, и никто не имѣлъ духу отвѣчать на его слова. Разговоръ перервался, и Аглаевъ смѣшался еще болѣе. Однакожъ Саштурпское вино, ко-

тораго онъ прежде не любилъ, и не *могъ пить*, подвинулъ Аглаевъ къ себѣ, и осушилъ цѣлую бутылку.

Грустный и молчаливый обѣдъ продолжался недолго; никто почти ничего не ѣлъ, кромѣ Аглаева, который, въ замѣшательствѣ, не зная самъ что дѣлать, накладывалъ себѣ полныя тарелки. Общее молчаніе нарушалось иногда крикомъ и своевольствомъ маленькой Сонички, которая просила то того, то другаго, и не слушалась матери; только строгій взглядъ Софьи укрощалъ ее.

»Дурно, очень дурно!« сказала Свіяжская, войдя, вмѣстѣ съ Холмскою, въ свою комнату, послѣ обѣда. »Плохая надежда на исправленіе его; онъ предался пьянству, и послѣ этого ничего добраго ожидать нельзя.« — Злодѣй! Извергъ! — отвѣчала ей Холмская, заливаясь слезами. — Можно-ли было предвидѣть такое ужасное несчастіе для бѣдной моей

Катинькн? Она не долго проживетъ, и что будетъ съ несчастными ея сиротами! — »Сиротамъ Богъ помощникъ,« отвѣчала Свіяжская. »Но, другъ мой, не должно отчаяваться, а надобно дѣйствовать. Ежели мы не успѣемъ отвратить его совсѣмъ отъ пьянства, то, можетъ быть, съ помощію Божіею, хотя нѣсколько удержимъ его отъ гласнаго посрамленія. Можетъ быть, отведемъ его отъ шайки гнусныхъ разбойниковъ, въ которую онъ теперь попалъ. Словомъ — надобно дѣйствовать до послѣдней крайности, и не унывать.« — Нѣтъ! я не имѣю никакой надежды, и ничего хорошаго не предвижу — продолжала Холмская. — За что страдаетъ эта невинная мученица? Одна только смерть можетъ прекратить ея несчастія. — »Послушай, мой другъ: не надобно гнѣвить Бога своимъ роптаніемъ. Будемъ ожидать всего хорошаго отъ неизреченной Его милости. Несчастія,

въ здѣшней жизни переносимыя безъ ропота и съ терпѣніемъ, открываютъ намъ путь къ вѣчному блаженству. Впрочемъ, ежели говорить всю правду,« прибавила Свіяжская, »то не совсѣмъ оправдываю я и Катерину. Она завлечена была страстною и слѣпою привязанностью своею къ ребенку, и забыла, что у нея есть другія обязанности. Разумѣется, такого страшнаго несчастія я не ожидала; но въ первый пріѣздъ мой, когда они жили такъ спокойно и благополучно, что сердце радовалось смотря на нихъ, я предупреждала Катерину, говорила, что страсть ея къ ребенку, хотя весьма извинительная, будетъ имѣть дурныя послѣдствія. Ежели-бы она не предалась совершенно этой привязанности, и не забывала, что мать, въ тоже время и супруга, ежели-бы она умѣла раздѣлять чувства и любовь свою, уравнительно къ двумъ равно драгоцѣннымъ для нея предметамъ, мужу и дочери, то

предупредила-бы большія бѣдствія. Притомъ-же, ежели-бы она была въ полной мѣрѣ разсудительна, то зная легкомысліе, безхарактерность, и вѣтренность своего мужа, не отпустила-бы его одного въ Москву, и сама вошла-бы въ устройство его дѣлъ; слѣдовательно, не допустила-бы мошенника-стрянчаго такъ нагло обмануть его, отвела-бы отъ шайки другаго рода разбойниковъ, которые такъ безсовѣстно ограбили его, и довершили тѣмъ, что сломили его съ кругу. Но что дѣлать! Прошедшаго не воротишь; надобно теперь дѣйствовать, соображаясь съ настоящими обстоятельствами. Сего-же дня, вечеромъ, буду я говорить съ нимъ откровенно. Онъ еще не совсѣмъ потерялъ стыдъ. Это подаетъ хотя нѣкоторую надежду на исправленіе его.«

Софья и Катерина остались въ гостиной съ Аглаевымъ. Онъ курилъ трубку, и не зналъ, съ чего начать разго-

воръ. Софья не могла преодолѣть своего уныніи; она вязала, въ подарокъ жениху своему, кошелекъ; нѣсколько разъ хотѣла положить работу свою, и начать разговоръ, но — никакъ не могла собраться съ духомъ. Слезы Катерины текли крупными каплями на ея шитье въ пяльцахъ. Аглаевъ все это видѣлъ, тяжело вздыхалъ, и также не находилъ что говорить. Подобное положеніе было слишкомъ тяжело. Катерина сказала наконецъ, что чувствуетъ себя дурно, и отправилась въ спальню. Софья послѣдовала за нею.

Оставшись одинъ, Аглаевъ не зналъ что̀ ему дѣлать, съ тоски пошелъ въ чайную, велѣлъ экономкѣ подать наливки, выпилъ съ горя двѣ большія рюмки, и отправился къ себѣ въ кабинетъ, спать.

Въ шесть часовъ разбудилъ его камердинеръ, объявляя, что тетушка Прасковья Васильевна хочетъ говорить съ нимъ, и ожидаетъ его въ саду, въ бе-

сѣдкѣ. Онъ поспѣшилъ одѣться, и съ трепетомъ, съ сильнымъ біеніемъ сердца, отправился, какъ будто на страшный судъ.

»Садись, любезный Петръ Ѳедоровичъ,« сказала Свіяжская. »Я все знаю, и не буду упрекать тебя. Угрызеніе совѣсти и раскаяніе твое очень замѣтны. Но Богъ милосердъ, и прощаетъ тѣхъ, кто относится къ нему съ чистымъ покаяніемъ, и твердымъ намѣреніемъ исправиться.« — Я извергъ, я не заслуживаю милостей Божіихъ — отвѣчалъ, съ горькими слезами, Аглаевъ — я погубилъ себя, и все невинное мое семейство! — »Все это правда, но не должно предаваться отчаянію,« продолжала Свіяжская. »Я съ тѣмъ пріѣхала, чтобы помочь вамъ, и устроить по возможности ваши дѣла. Будь откровенъ со мною, любезный другъ, и разскажи мнѣ все чистосердечно: кому, и сколько ты долженъ? Когда сроки уплаты? Сло-

вомъ — не скрывай отъ меня ничего.« — Что заниматься мною! Я человѣкъ совершенно погибшій — отвѣчалъ Аглаевъ, рыдая, и задыхаясь отъ слезъ. — Но будьте великодушны — продолжалъ онъ, бросаясь передъ Свіяжскою на колѣни — успокойте несчастной жены моей, и дѣтей. Мнѣ лично уже рѣшительно ничѣмъ помочь не льзя! — »Опять говорю тебѣ, любезный другъ: не предавайся отчаянію, и надѣйся на милость Божію. Будь откровенъ со мною. Можетъ быть, тебѣ тягостно и совѣстно на словахъ объяснить мнѣ въ настоящемъ видѣ твое положеніе. Напиши, сдѣлай реэстръ долгамъ твоимъ, и отдай его мнѣ, завтра утромъ, здѣсь-же наединѣ. Но интересъ дѣло послѣднее. Положеніе ваше устроить съ этой стороны я беру на себя. Будемъ говорить о другомъ, гораздо важнѣйшемъ. Вспомни, любезный Петръ Ѳедоровичъ, что у тебя жена и дѣти, и что ты под-

вергаешься величайшей отвѣтственности передъ Богомъ, въ томъ, что они несчастливы. Сдѣлай усиліе надъ собою, слѣдствія котораго будутъ благотворны, собственно для тебя, и для всего семейства твоего. Оставь шайку разбойниковъ, которые, кромѣ того, что совсѣмъ тебя ограбили, но и нравственно ведутъ къ совершенной погибели. Разсмотри самъ хладнокровно, что это за люди, и чѣмъ должна окончиться безразсудная связь твоя съ ними.« — Очень чувствую всю справедливость сужденій вашихъ — отвѣчалъ Аглаевъ, продолжая горько плакать — самъ вижу, что они погубили меня! — »Ежели самъ видишь, то сдѣлай надъ собою усиліе, оставь общество этихъ мерзавцевъ, возвратись къ своему семейству, и ты оживишь жену свою. Еще ты имѣешь всю возможность жить спокойно и счастливо. Повѣрь, мой другъ, что исполненіе обязанностей ведетъ насъ, самымъ

ближайшимъ и благонадежнымъ путемъ, къ истинному благополучію, а совращеніе съ этого пути влечетъ къ непремѣнной погибели.« — Клянусь вамъ всѣмъ, что есть свято — вскричалъ Аглаевъ, тронутый до глубины души, и убѣжденный кротостію, нѣжностію, и справедливостію сужденій Свіяжской — призываю самаго Бога во свидѣтели, что вѣкъ нога моя не будетъ у этихъ злодѣевъ! Я прерываю навсегда знакомство, и всякія сношенія съ ними, и никуда изъ дома отлучаться не буду. Богъ милостивъ. Онъ подкрѣпитъ меня въ твердомъ моемъ намѣреніи исправиться, и заслужить передъ доброю, несчастною женою моею всѣ причиненныя ей огорченія! — »Да укрѣпитъ тебя милосердый Создатель въ благихъ намѣреніяхъ твоихъ!« отвѣчала Свіяжская, утирая слезы свои. »Пойдемъ, пойдемъ поскорѣе всѣхъ обрадовать твоими хорошими чувствами. Ты распространишь

общую радость.« Она подала ему руку, и повторила, чтобы онъ къ завтрашнему утру приготовилъ реэстръ долгамъ своимъ. »А что касается до починокъ въ домѣ вашемъ, и исправленія прочихъ строеній,« прибавила Свіяжская, »объ этомъ не безпокойся. Я сегодня утромъ уже послала въ городъ за подрядчикомъ, и все это устрою. Говорю тебѣ, что все будетъ хорошо, ежели только ты твердо исполнишь свое намѣреніе, и рѣшительно оставишь шайку этихъ развратныхъ людей.«

При входѣ въ гостиную, куда собрались всѣ пить чай, не было надобности разсказывать о слѣдствіяхъ разговора. На лицѣ Свіяжской сіяла радость, и она безъ словъ все объяснила. Аглаевъ бросился со слезами цѣловать руки жены своей, просилъ у нея прощенія, и повторялъ клятву исправиться, оставить общество Змѣйкина, и посвятить всю жизнь свою на то, чтобы

изгладить прежніе проступки свои. Съ тѣмъ-же обратился онъ къ старой Холмской и Софьѣ, и имъ повторялъ тоже. У него самого спало тягостное бремя съ сердца. Онъ имѣлъ точно всѣ наклонности къ добру, и въ продолженіе жизни своей нѣсколько уже разъ раскаивался, и принималъ *рѣшительное, непоколебимое* намѣреніе быть хорошимъ супругомъ, отцомъ семейства, и честнымъ человѣкомъ. Къ несчастію, по безхарактерности и недостатку силы душевной, не могъ онъ преодолѣть влеченія страстей, и безпрестанно совращался съ истиннаго пути. Но главнѣйшее — онъ не имѣлъ подкрѣпленія отъ самаго близкаго къ нему человѣка. Жена его способна была только страстно любить, и не имѣла никакой твердости душевной. При самомъ малѣйшемъ неудовольствіи, ничѣмъ болѣе не могла она пособить горю своему, кромѣ слезъ. Всякая, иногда самая

ничтожная, не стоящая вниманія бездѣлица, заставляла ее плакать. Притомъ-же она предалась совершенно и исключительно страстной привязанности своей къ старшей дочери, забыла, что у нея есть другія обязанности, и чрезъ то нечувствительно потеряла уваженіе и любовь мужа, который, самъ того не замѣчая, становился постепенно всякій день къ ней холоднѣе. Заключимъ: Катерина имѣла доброе, нѣжное, чувствительное сердце, но весьма мало разсудительности. Впрочемъ, это такое качество, которымъ одарены очень немногія женщины.

Скорое, и столь неожиданное раскаяніе Аглаева всѣхъ оживило, и распространило общую радость. Жена, съ восторгомъ и слезами, цѣловала его; сестра и мать съ неизъяснимымъ удовольствіемъ смотрѣли на примиреніе ихъ; но всѣхъ счастливѣе была Свіяжская. Ей всѣмъ были обязаны, и Холмская,

схвативъ насильно руку ея, цѣловала со слезами, называя ее благодѣтельницею и Ангеломъ хранителемъ всего семейства.

Вечеръ прошелъ нечувствительно, съ большою для всѣхъ пріятностію, а къ довершенію всего и Сонечка не капризничала, и согласилась плясать подъ разстроенное форте-піано, на которомъ кое-какъ играла Софья. Аглаевъ наслаждался-бы въ полной мѣрѣ счастіемъ своимъ, ежели-бы воспоминаніе прошедшей жизни не отравляло его радости. Онъ горько раскаявался, что не умѣлъ устроить себя, поддался такъ глупо обману, и лишилъ себя истиннаго, достойнаго человѣка благополучія въ здѣшнемъ мірѣ — семейственной, спокойной, независимой жизни. Онъ проклиналъ виновниковъ своего бѣдствія — Фрипоненкова, Лукавину, Удушьева, Змѣйкина, и прочихъ; сожалѣлъ, что не послушался Радушина, и не уѣхалъ тотчасъ

изъ Москвы, съ остававшимся у него капиталомъ. Тяжело вздыхалъ онъ, но — поправить ничѣмъ уже было невозможно! Передъ ужиномъ слуга подалъ ему водку, и онъ отказался. »Напрасно отказываешься,« сказала Свіяжская — »одна только неумѣренность пагубна, а передъ обѣдомъ и ужиномъ выпивать по рюмкѣ, тому, кто привыкъ, не можетъ быть вредно.«

На другой день, Аглаевъ всталъ рано, чтобы сдѣлать реэстръ долгамъ своимъ. Онъ написалъ, сколько былъ долженъ въ уѣздный городъ купцамъ, за взятые у нихъ товары и припасы, помѣстилъ другіе мѣлочные долги свои, всего тысячь до шести, но не имѣлъ духу объявить, что онъ долженъ еще Змѣйкину около сорока тысячъ. Онъ думалъ, что это поразитъ Свіяжскую, и опять нарушитъ общую радость. Долго размышлялъ онъ, и наконецъ рѣшился подождать, не сказывать Свіяжской, въ надеждѣ убѣдить

Змѣйкина на значительную уступку. Ему неизвѣстно было, что вексель его перешелъ уже въ руки Вампирова, и представленъ ко взысканію. Аглаевъ предполагалъ, уладивъ съ Змѣйкинымъ письменно, тогда увѣдомить Свіяжскую, и просить ея пособія. Съ сими мыслями одѣлся онъ, и пошелъ въ садъ, гдѣ благодѣтельница ихъ семейства, по вчерашнему условію, ожидала его.

»Ну, что? Готова-ли твоя записка?« спросила она. — »Какъ? Только всего ты долженъ?« — продолжала Свіяжская, прочитавъ реэстръ, и бросивъ на Аглаева проницательный взглядъ. »Я просила тебя быть откровеннымъ — пожалуста, скажи мнѣ всю правду!« — Я все написалъ — отвѣчалъ Аглаевъ, покраснѣвъ. Свіяжская догадалась, и не желая еще болѣе усплывать его замѣшательства удовольствовалась на первый случаі симъ признаніемъ.

»Все будетъ заплачено« — сказала она

положивъ записку въ свой ридикюль. »Пойдемъ пить чай — насъ дожидаются.«

У всѣхъ были спокойныя и веселыя лица, и тѣмъ болѣе еще, что Софья получила, съ нарочнымъ изъ Москвы, другое письмо отъ жениха своего, въ которомъ онъ увѣдомлялъ, что мачиха его, отъ нетерпѣнія уѣхать поскорѣе изъ Петербурга, вновь занемогла; но что теперь ей опять гораздо лучше, и, рѣшительно, черезъ нѣсколько дней они выѣзжаютъ. Письмо это было наполнено изъясненіемъ страстной любви, повтореніемъ прежняго, что нѣтъ человѣка счастливѣе Пронскаго во всемъ мірѣ, и клятвами посвятить Софьѣ всю жизнь. Разумѣется, такого рода письма пріятно получать невѣстѣ, а къ довершенію радости, и пламенная Пронская, въ длинномъ письмѣ своемъ къ Софьѣ, называла ее Ангеломъ, милою дочерью, единственнымъ другомъ; описывала ей, что она сначала занемогла очень лег-

ко, но болѣзнь ея усилилась болѣе отъ нетерпѣнія поскорѣе увидѣть Софью, и довершить благополучіе сына. Софья была въ полной мѣрѣ счастлива, прочитавъ сіи письма. Холмская также, съ душевнымъ удовольствіемъ, получила милое и почтительное письмо отъ будущаго своего зятя. Онъ приписывалъ и къ Свіяжской, и къ Аглаевымъ, очень умно, вѣжливо, и по родственному. Всѣ были довольны имъ, хвалили его, и поздравляли Софью. Она сердечно благодарила всѣхъ, въ особенности-же Свіяжскую, со слезами цѣлуя ея руку.

Вскорѣ послѣ того подали Аглаеву записку отъ Змѣйкина. Онъ съ негодованіемъ прочиталъ, и, въ первомъ движеніи, кинулъ записку на полъ, потомъ поднялъ, и хотѣлъ разорвать. — »Постой, постой, любезный Петръ Ѳедоровичъ!« сказала Свіяжская. »Поступай съ нами по родственному, и будь чистосердеченъ. Ты видишь, что мы тебя лю-

бимъ, желаемъ тебѣ добра, и принимаемъ истинное въ тебѣ участіе. Имѣй полную къ намъ довѣренность, и, для собственнаго твоего блага, ничего безъ совѣта нашего не дѣлай. Дай сюда полученную тобою записку.« — Право, матушка, мнѣ совѣстно показать вамъ, что эти мерзавцы осмѣлились написать. Но, я самъ кругомъ виноватъ, войдя въ связь съ ними! Впрочемъ, это такая глупость, что отвѣчать нѣчего. — »Ежели нѣтъ никакой неблагопристойности, то дай — мы прочтемъ въ слухъ.« — Неблагопристойностей нѣтъ никакихъ, но, еще повторяю вамъ, въ высшей степени глупость! — отвѣчалъ Аглаевъ, подавъ записку, которую Свіяжская прочитала въ слухъ. Вотъ эта записка: »Дьяволъ! долго-ли ты будешь возиться »съ твоею старухою? Ты вѣдь такъ »глупъ, что ежели не научить тебя, то »въ вѣкъ не поймешь, какъ тебѣ надобно говорить съ нею. Просто, подойди

»къ ней, и скажи: Je vous aime, je vous »adore—que voulez vous encore (я люблю, я »обожаю васъ — чего-жъ вы еще хоти»те?) Она отъ роду не слыхивала такого »объясненія, и, вѣрно, на первый случай »отщипаетъ тебѣ, покрайней мѣрѣ, сто »тысячь. А ежели она хоть немного за»умничаетъ, то знаешь-ли что сдѣлай? »Отступи нѣсколько шаговъ назадъ, по»томъ подойди, съ молодецкою, что на»зывается, закачкою, и воскликни ей: »Коли любишь, такъ скажи, а не лю»бишь, откажи! Послѣ этого тотчасъ »получишь деньги. Впрочемъ, дѣлай, что »хочешь, только пріѣзжай къ намъ по»скорѣе; да, смотри, не съ пустыми »руками, а то да будетъ тебѣ стыдно! »Одна тетушка надула тебя, какъ по»шлаго дурака; отмсти за нашъ полъ, »обмани молодецки хоть эту старуху. »Мы соскучились безъ тебя; отъ ѣды »насъ всѣхъ отбило, бражка въ гор»лышко нейдетъ! На что такъ милымъ

»быть? Безъ шутокъ: пріѣзжай, братъ, »поскорѣе; я ужъ не буду отказывать те»бѣ въ ромѣ — пей, сколько душѣ угодно! »Преданный тебѣ, *Змѣйкинъ съ ком»паніею.*«

»Мерзавцы! бездѣльники!« сказалъ Аглаевъ, съ негодованіемъ. »До какой степени унизился я, войдя въ сношенія съ такими людьми!« Онъ изорвалъ записку въ мѣлкіе куски, и отдалъ человѣку, приказывая возвратить присланному отъ Змѣйкина, и сказать ему, чтобы онъ впредь никогда не осмѣливался писать къ нему такихъ гадостей.

»Это до такой степени глупо,« сказала Свіяжская, взявъ у человѣка лоскутки изодранной записки, и бросивъ ихъ въ каминъ, что сердиться невозможно. Скажи просто посланному, что отвѣта не будетъ. Этотъ случай можетъ и долженъ послужить тебѣ въ пользу« — прибавила она, обращаясь къ Аглаеву. »Онъ доказываетъ тебѣ, что закоренѣ-

лые развратники неспособны понимать никакого благороднаго и хорошаго чувства... А ты, любезный другъ, ты, мужъ, отецъ семейства — вступилъ съ ними въ такую коротку связь!«...

Въ тотъ-же день, къ вечеру, явился подрядчикъ изъ города. На Аглаева возложено было осмотрѣть, вмѣстѣ съ нимъ, и записать все, что нужно было гдѣ починить и поправить. Дня два осматривалъ онъ, и торговался съ подрядчикомъ; потомъ, когда приступили къ дѣлу, онъ взялъ на себя надзоръ за работою, былъ занятъ, и время шло нечувствительно. Пить онъ почти совсѣмъ пересталъ; прежняя веселость его возвратилась; здоровье жены поправилось, и дѣти привыкли къ нему. Онъ былъ-бы совершенно счастливъ, еслибы долгъ Змѣйкину, и воспоминаніе о прошедшихъ дурныхъ поступкахъ не тяготили его.

ГЛАВА VI.

Oh! voi, che della natura otteneste cuor tenere, lungi, lungi di questa terra.

Torquato Tasso.

О вы, получившіе отъ природы нѣжное и чувствительное сердце! стремитесь, стремитесь изъ здѣшняго міра...

Тассъ.

Но здоровье старой Холмской было очень разстроено; у ней начиналась весьма опасная, хроническая болѣзнь: должно было принять самыя скорыя мѣры, чтобы предупредить дурныя послѣдствія. Свіяжская чувствовала себя также весьма нехорошо. Софья и Катерина убѣждали ихъ обѣихъ посѣтить въ Москву,

чтобы не дать усилиться болѣзнямъ. Онѣ поѣхали, съ твердою увѣренностью, что Аглаевъ уже совсѣмъ исправился, и бояться за него нѣчего. Онъ еще повторилъ имъ клятву, что всѣ сношенія его съ Змѣйкинымъ, и обществомъ его, на вѣки прерваны.

Свіяжская, кромѣ того, что заплатила долги по реэстру Аглаева, оставила еще Катеринѣ, сколько было нужно для разсчета съ подрядчикомъ, и на прожитокъ. Аглаевъ обидился такою недовѣрчивостію къ нему; однакожъ не показалъ никакого неудовольствія. Всѣ поѣхали провожать старушекъ до уѣзднаго города.

По возвращеніи домой, Аглаевъ нашелъ записку, присланную отъ Змѣйкина, который увѣдомлялъ его, что вся компанія ихъ разрушилась, и что они перессорились, и разстались навѣкъ съ Шурке и Вампировымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, признавался онъ, что вексель Аглаева

перешелъ въ руки Вампирова, который уже давно представилъ его ко взысканію; что имѣніе Аглаева, тайно отъ жены его, описано, и продается съ аукціона; что два срока торговъ прошли, и скоро наступаетъ третій, *окончательный*, то, чтобы въ слѣдствіе сего Аглаевъ принялъ свои мѣры. Змѣйкинъ просилъ извиненія, и крайне совѣстился, что такъ дурно поступилъ противъ него. По желая заслужить вину, предлагалъ онъ Аглаеву способъ поправить свои дѣла, приглашая его ѣхать, вмѣстѣ съ нимъ, на ярмарку, гдѣ, какъ увѣдомляли его Московскіе друзья и корреспонденты, будетъ одинъ ремонтёръ, молодой человѣкъ, богатый, и страстный охотникъ играть въ карты. Змѣйкинъ бралъ на себя *потрудиться* для Аглаева, и предлагалъ взять въ половину, безъ проигрыша. Наконецъ объяснялъ, что это единственное средство выпутаться Аглаеву изъ бѣды.

Аглаевъ получилъ эту записку въ присутствіи жены своей и Софьи, побледнѣлъ, и въ отчаяніи выбѣжалъ изъ комнаты. Жена съ ужасомъ смотрѣла въ слѣдъ за нимъ. — »Ахъ! Боже мой! что такое случилось! Такъ было все хорошо уладилось, а теперь новое горе! Что это за записка? Отъ кого?« — сказала она, залившись горькими слезами. Узнали, что записка была отъ Змѣйкина. »Мы погибли, и нѣтъ никакой надежды! Отъ Змѣйкина!... Чему быть тутъ доброму!« Она рыдала, и Софья не знала, что ей теперь дѣлать хотѣла было послать поскорѣе, и воротить Свіяжскую, но боялась, по слабости здоровья матери, что это убьетъ ее. По возможности, старалась она утѣшить сестру, успокоивала ее, говорила, что отчаяваться не должно, что она мать семейства, обязана беречь себя для дѣтей — но, все было безполезно! Катерина рыдала, и восклицала:

»Ахъ, Боже мой! Боже мой! что съ нами будетъ!«

Софья послала отыскивать Аглаева, но его нигдѣ не могли найдти. Люди видѣли, что онъ скорыми шагами ходилъ по́ саду; потомъ вышелъ въ калитку, и отправился въ лѣсъ. Послали туда, но и тамъ его не отыскали. Поздно вечеромъ возвратился онъ домой, блѣдный, съ растрепанными волосами, но довольно спокойный. Видно было, что онъ принялъ какое нибудь отчаянное намѣреніе. Тщетно Софья убѣждала его откровенно сказать, какую онъ получилъ записку отъ Змѣйкина, и отъ чего въ такомъ горѣ. — »Ничего, ничего, сущій вздоръ!« отвѣчалъ онъ, прерывающимся голосомъ. »Мнѣ надобно только отлучиться на нѣкоторое время изъ дома; я все это дѣло улажу, и скоро возвращусь къ вамъ.« Женѣ своей онъ повторялъ тоже, прощаясь съ нею съ вечера. Она безпрестанно плакала, и

уже ничего говорить не могла. На другой день, рано утромъ, уѣхалъ Аглаевъ къ Змѣйкину, и вмѣстѣ съ нимъ отправился на ярмарку.

Аглаевъ былъ пораженъ извѣстіемъ, что онъ и семейство его останутся безъ куска хлѣба. Въ первомъ движеніи, хотѣлъ было онъ откровенно признаться во всемъ Софьѣ; но потомъ, размышляя далѣе о предложеніи Змѣйкина, долго колебался. Слабость характера, и развратный образъ мыслей, вкоренившійся въ немъ отъ общества разбойниковъ, въ которомъ такъ долго жилъ онъ, рѣшили его сомнѣнія, и заглушили послѣдній голосъ совѣсти.

»Почемужъ,« думалъ онъ, »не воспользоваться мнѣ предложеніемъ Змѣйкина? Онъ беретъ меня въ половину, *безъ проигрыша*; обманывать меня нѣтъ для него никакой выгоды; онъ знаетъ что я ничего не имѣю! Да, что-же, въ самомъ дѣлѣ? Меня обыграли навѣрное;

что-же я за дуракъ? Почему и мнѣ не поправить себя такими-же средствами? Судьба посылаетъ такого-же глупца, какимъ былъ я самъ прежде. Воспользуюсь совершенно неожиданнымъ случаемъ. Но лишь только выиграю то, что я самъ долженъ по векселю — *кончено:* вѣкъ никогда уже больше не стану играть!« Онъ оправдывалъ себя потомъ *философическими правилами,* слышанными имъ неоднократно отъ Змѣйкина, и ему подобныхъ, и утвердился въ томъ мнѣніи, что если его ограбили навѣрное, то и онъ имѣетъ все право употребить тѣ-же самыя средства для поправленія своихъ обстоятельствъ, т. е., ежели одинъ воръ и мошенникъ, то почему и другому не причислить себя къ тому-же сословію. Такъ рѣшился Аглаевъ ѣхать съ Змѣйкинымъ на ярмарку, и въ послѣдній разъ попробовать своего счастія.

Съ самаго полученія записки, Като-

рина не переставала плакать, и наконецъ такъ ослабѣла отъ слезъ, что слегла въ постелю. По на другой день послѣ отъѣзда мужа, принесли ей письмо отъ него, писанное съ дороги. Онъ увѣдомлялъ, что, слава Богу, здоровъ и отправляется, по одному, не весьма важному дѣлу, на ярмарку, а въ доказательство, что дѣло не такъ важно, и онъ не очень спѣшитъ, то, чтобы не тратить по пустому денегъ, отправляется на своихъ лошадяхъ, и надѣется черезъ нѣсколько дней возвратиться къ ней, съ весьма пріятнымъ извѣстіемъ. Письмо это успокоило Катерину. Она встала съ постели, и начала выходить въ гостиную. Потомъ, черезъ нѣсколько днєй, еще получила она отъ мужа извѣстіе, уже съ ярмарки. Онъ сообщалъ ей, что дѣла его идутъ хорошо, и повторялъ снова обѣщаніе скоро возвратиться. Хотя и непріятно было Катеринѣ, что мужъ ея опять въ

обществѣ съ Змѣйкинымъ, однакожъ, страстно любя его, она не хотѣла думать, что онъ способенъ нарушить данную имъ клятву — никогда не участвовать въ плутовствахъ Змѣйкина. Софья, скрѣпя сердце, молчала.

Черезъ нѣсколько дней послѣ сего письма, однажды вечеромъ, напившись чаю, Софья пошла, съ дѣтьми и съ нянею, гулять въ садъ, а Катерина осталась одна въ гостиной, доканчивать свою работу: она вышивала по канвѣ экранъ, въ кабинетъ своего мужа, и спѣшила кончить къ его пріѣзду. Издали увидѣла она кучера, поѣхавшаго съ Аглаевымъ. Этотъ кучеръ скакалъ верхомъ, и прямо къ людскимъ избамъ. Сердце у нея сильно забилось; она выскочила на встрѣчу къ нему. »Постой, постой! Куда и зачѣмъ ты скачешь?« — спросила у него Катерина, съ торопливостію. — Ничего-съ, такъ-съ: меня послалъ каммердинеръ барскій, Фи-

лапъ Карповичъ, съ письмомъ къ своей хозяйкѣ — отвѣчалъ кучеръ. »Съ какимъ письмомъ? Да, гдѣ же баринъ?« — Гдѣ баринъ. . . . — »Да, отвѣчай скорѣе!« — Баринъ-съ. . . . Онъ ничего. . . . такъ-съ. — »Говори скорѣе!« — вскричала на него Катерина — »Гдѣ баринъ?« — Да, я не смѣю сказать-съ. — »Говори, я тебѣ приказываю,« повторяла съ нетерпѣніемъ Катерина. — Ежели приказываете, то, дѣлать нѣчего: барина посадили въ острогъ. — »Какъ, въ острогъ?« вскричала она, оцѣпенѣвъ отъ ужаса — »Ты врешь! Подай письмо, съ которымъ ты посланъ!«

Каммердинеръ увѣдомлялъ жену свою, что баринъ его, вмѣстѣ съ Змѣйкинымъ, обыгрывали *на вѣрное* одного офицера; что онъ уже много проигралъ, но вдругъ, замѣтивъ, что его обманываютъ, ударилъ по щекѣ Змѣйкина. Изъ этого вышла ужасная драка, и кончилась тѣмъ, что баринъ и Змѣй-

кинъ, бывши мертвецки пьяны, убили до смерти этого Офицера; что ихъ потомъ схватили, и посадили въ острогъ, и что хотя и его вмѣстѣ съ ними взяли, но чтобы она объ немъ не безпокоилась, потому, что онъ не виноватъ въ этомъ смертоубійствѣ, и его обѣщаютъ скоро выпустить.

Катерина не дочитала письма до конца. Она упала безъ чувствъ на землю....

Перепугавшійся кучеръ кричалъ во все горло, что *барыня умерла.* Софья изъ сада, слуги и служанки изъ дома — всѣ сбѣжались, подняли ее, и понесли въ постелю. Насилу, насилу могли привесть ее въ чувство. Она открыла глаза, но не узнавала никого, звала къ себѣ мужа, кричала, что онъ невиненъ, что онъ не можетъ быть смертоубійцею, что Змѣйкинъ оклеветалъ его. Надобно было полагать, видя все это, что она, или въ сильной горячкѣ, или совсѣмъ сошла съ ума....

Легко вообразить себѣ, въ какомъ ужасномъ положеніи была тогда Софья! Однакожъ, она не потеряла присутствія духа. Лошадей господскихъ не было ни одной. Тотчасъ призвала она старосту, и велѣла ему, какъ можно скорѣе, нарядить три тройки крестьянскихъ: на одной послала въ городъ за Лекаремъ, а на другихъ отправила къ брату Алексѣю, и къ сестрѣ Елисаветѣ, увѣдомляя ихъ, короткими записками, о случившемся несчастіи, и о болѣзни Катерины. Потомъ возвратилась она въ комнату къ больной. Изступленіе Катерины продолжалось: она вскакивала съ постели, хотѣла бѣжать въ тюрьму къ своему мужу; едва могли удерживать ее.

Въ полночь, пріѣхалъ Докторъ, тотчасъ пустилъ кровь, сталъ давать лекарства, употребляемыя въ горячкахъ. Но ничто не помогало; изступленіе не уменьшалось. — »Что? Ска-

жите, ради Бога?« спросила у Доктора Софья — »Что вы находите? Ежели сильную нервическую горячку, то она еще молода — авось, дастъ Богъ, выдержитъ эту болѣзнь!« — Не знаю еще, что отвѣчать вамъ — сказалъ Докторъ — кажется, не горячка, а полное разстройство умственныхъ способностей. — »Ахъ, Боже мой! неуже-ли она сошла съ ума!« — Что тамъ опъ васъ, сударыня: она, кажется, точно помѣшалась; но рѣшительно еще ничего сказать нельзя. Подождемъ, что будетъ къ сутькамъ.

Софья не выходила всю ночь изъ комнаты сестры. Изступленіе нисколько не уменьшалось; Катерина, то рыдала, то смѣялась, звала безпрестанно мужа, и ни на минуту не умолкала. На другой день, утромъ, посланный къ Алексѣю возвратился, съ отвѣтомъ его, что онъ *быть не можетъ*, потому, что Катерина больна горячкою, и онъ бо-

ится, чтобы не завезти болѣзни отъ нихъ къ себѣ въ домъ, ибо, можетъ быть, что горячка прилипчивая. Софья съ негодованіемъ разорвала письмо его. Но Елисавета, вмѣсто отвѣта письменнаго, сама прискакала, въ тотъ-же день къ обѣду. Она со слезами разцѣловалась съ Софьею; но какую пользу могло принесть ея присутствіе? Она только плакала, не впопадъ во все вступалась, и только что мѣшала Софьѣ.

Уже нѣсколько дней продолжалась болѣзнь Катерины. Она была все въ одинаковомъ положеніи. Обѣ сестры почти не выходили изъ ея комнаты. Въ сумерки сидѣли онѣ однажды подлѣ ея постели. Софья плакала, смотря на Катерину, и не имѣя никакой надежды на выздоровленіе этой несчастной матери погибшаго семейства. Ей доложили, что какой-то пріѣзжій дожидается ее въ гостиной. Сердце у ней сильно забилось. Она догадывалась, кто этотъ пріѣз-

жій, спѣшила выйдти, и — Пронскій бросился цѣловать ея руки!

Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, Пронскій сказалъ, что ему уже извѣстно несчастіе Катерины; что въ Москвѣ происшествіе это сдѣлалось предметомъ общихъ разговоровъ; но что старая Холмская ничего еще не знаетъ, и мачиха его, не смотря на нетерпѣніе свое видѣть Софью, осталась въ Москвѣ, нарочно за тѣмъ, чтобы, вмѣстѣ съ Свіяжскою, стараться не допустить этого слуха до Холмской, которая, слава Богу, чувствуетъ себя гораздо лучше. Но ежели она, какъ нибудь нечаянно, узнаетъ о случившемся бѣдствіи, то болѣзнь ея можетъ усилиться.

»Однакожъ, по всѣмъ разсказамъ въ Москвѣ, которые потомъ подтверждались тѣмъ, что я слышалъ дорогою,« продолжалъ Пронскій, »открывается, что Петръ Ѳедоровичъ совсѣмъ въ этомъ

дѣлѣ не участникъ. Не только онъ не убилъ, но и не билъ несчастнаго, обыграннаго Офицера, а виноватъ только въ томъ, что былъ пьянъ, и игралъ на вѣрное въ карты, вмѣстѣ съ Змѣйкинымъ. Слѣдовательно, онъ не можетъ быть подвергнутъ наказанію, какъ смертоубійца. Сколь ни тяжело мнѣ разстаться съ вами, милая Софья Васильевна,« прибавилъ Пронскій, »но я уже принадлежу къ вашему семейству; несчастный Аглаевъ братъ мнѣ, жена его сестра моя — я ѣду къ нему, буду хлопотать — можетъ быть, Богъ дастъ, и успѣю помочь!«

»Милый, добрый, настоящій родной братъ нашъ!« вскричала Елисавета, которая, узнавъ о пріѣздѣ Пронскаго, тотчасъ вышла въ гостиную. — »Помогите, помогите ему! Мнѣ кажется, единственное средство къ спасенію сестры Катиньки есть возвращеніе ея мужа.«

Пронскій долго просидѣлъ съ обѣими

сестрами, которыя по очереди выходили провѣдывать Катерину. Онъ разспрашивалъ, и входилъ во всѣ подробности, не только о болѣзни ея, но и о дѣлахъ сего несчастнаго семейства, и со всевозможною вѣжливостью спросилъ у Софьи: не нужно-ли денежное пособіе? Софья поблагодарила его, умѣла отдать должную справедливость его заботливости и вниманію, но сказала, что въ деньгахъ недостатка не имѣетъ. Прокій простился съ вечера, и на другой день, рано утромъ, отправился въ городъ, гдѣ Аглаевъ содержался въ тюрьмѣ.

ГЛАВА VII.

Of heaven's protection, who can be so
confident to ulter this:
To morrow J will pass in bless. . .
Pope.

Кто можешъ сказать сего дня, что онъ и завтра будешъ счастливъ!
Попе.

Пропскій вскорѣ увѣрился, что не было уже никакой возможности помочь Аглаеву. Слѣдствіе производилось весьма недолго: преступленіе было явно; никакихъ продолжительныхъ справокъ дѣлать было непужно; смертоубійцы находились на лицо, и тотчасъ на мѣстѣ убійства схвачены. Змѣйкинъ не

имѣлъ никакой возможности запираться: онъ самъ во время драки былъ избитъ и изранень; ему хотѣлось взять все на себя, и избавить Аглаева; но свидѣтели изобличили его, да и самъ Аглаевъ во всемъ признался, и обвинилъ себя. Рѣшительно: Пронскій не имѣлъ никакой надежды спасти его, и съ стѣсненнымъ сердцемъ отправился къ нему въ тюрьму.

Онъ нашелъ Змѣйкина, съ подвязанным еще отъ побоевъ лицомъ, сидящаго подлѣ стола, съ трубкою. Передъ нимъ стояли стаканъ и бутылка вина; въ глазахъ его замѣтно было какое-то отвратительное равнодушіе. Напротивъ того, Аглаева нашелъ онъ лежащимъ въ койкѣ, въ мрачной и глубокой задумчивости. Поблекшіе глаза, блѣдность лица, худоба — все показывало, что онъ былъ снѣдаемъ внутреннимъ раскаяніемъ и горестію.

»Великодушный, добрый, почтенный человѣкъ! вы не погнушались провѣдать

злодѣя и смертоубійцу!« — сказалъ Аглаевъ, вскочивъ съ своей койки. И заливаясь горькими слезами, схватилъ онъ руки Пронскаго, прижимая ихъ къ своему сердцу. »Я извергъ, отвергнутый природою! Нѣтъ того ужаснаго наказанія, котораго не былъ-бы я достоинъ — нѣтъ выраженій для изъясненія злодѣйства моего! Я вовлекъ въ погибель столько невинныхъ, я.« . . . Но онъ не могъ продолжать далѣе; сильныя рыданія захватывали дыханіе его. Слезы градомъ текли изъ глазъ Пронскаго; онъ держалъ Аглаева за руку, и не въ силахъ былъ ничего говорить. — »Скажите,« продолжалъ Аглаевъ, отдыхая нѣсколько отъ рыданій, »что моя жена? Ея уже нѣтъ болѣе на свѣтѣ? Она вѣрно не перенесла моего злодѣйства?« — Нѣтъ, она еще жива; но не скрою отъ васъ, что она въ ужасномъ положеніи. — »Кто желаетъ ей добра, тотъ долженъ молить Бога, чтобы Онъ скорѣе

прекратилъ ея страданія смертію. Какое существованіе можетъ предстоять ей! Жена смертоубійцы, мать дѣтей отца-преступника — это неизгладимое пятно для моего семейства, это вѣчное мученіе, котораго ничѣмъ облегчить не возможно! И я, извергъ, я, злодѣй, повергнулъ ихъ въ такое бѣдственное положеніе!«.... Рыданія Аглаева снова возобновились, до такой степени, что съ нимъ сдѣлались судороги. Пронскій испугался, и просилъ караульнаго офицера послать поскорѣе за Лекаремъ; но Аглаевъ понемногу успокоился; его положили на койку, и Пронскій сѣлъ подлѣ него.

Въ уныніи, и въ совершенномъ изнеможеніи, Аглаевъ смотрѣлъ на Пронскаго, молчалъ, и, какъ видно было, собирался съ духомъ продолжать разговоръ. »Я догадываюсь,« сказалъ онъ, прерывающимся слабымъ голосомъ — горесть и душевное волненіе истощили его силы

—»что если точно еще жена моя жива, но она должна лишиться разсудка, при ея чрезвычайной чувствительности и разстроенномъ здоровьи. Ей невозможно перенесть такого удара. Я предвидѣлъ, что она должна, или внезапно умереть, или сойдти съ ума. Послѣднее еще ужаснѣе для меня, нежели самая смерть ея. Признаюсь, я познакомился было съ мыслію, что страданія ея прекратились, и что она уже не существуетъ. Мнѣ представлялась она передъ престоломъ Божіимъ, испрашивающею милосердія кающемуся грѣшнику. Наказаніе мое началось уже въ здѣшнемъ мірѣ. Весь адъ въ моей душѣ, и мученія мои неизъяснимы; но, за всѣмъ тѣмъ, я боюсь умереть... Что ожидаетъ меня въ будущей жизни? Мысль о вѣчномъ мученіи на томъ свѣтѣ удерживаетъ меня отъ самоубійства! Лишить себя жизни всегда можно. Не смотря ни на какой надзоръ, есть множество средствъ къ

тому. Но меня останавливаетъ мысль, что, можетъ быть, Богъ, за здѣшнія мои страданія, умилостивится, и проститъ мое преступленіе!« Такъ говорилъ Аглаевъ, и тихія слезы раскаянія текли по блѣдному лицу его.

»Не унывайте, любезный Петръ Ѳедоровичъ« — отвѣчалъ Пронскій — »Надѣйтесь на милосердіе Божіе, переносите съ терпѣніемъ, и безъ ропота, несчастіе ваше, и будьте спокойны въ разсужденіи вашего семейства.« — Такъ! На васъ, великодушнѣйшій человѣкъ, и на вашу Софью Васильевну — этого Ангела во плоти, возлагаю всю мою надежду — сказалъ Аглаевъ, схватилъ руку Пронскаго, и противъ воли его сталъ цѣловать ее. — Вамъ поручаю ихъ! Заступите имъ мѣсто отца! Эта надежда услаждаетъ мою горесть. Самъ Богъ заплатитъ вамъ за благодѣянія къ моимъ, совершенно несчастнымъ сиротамъ. Ежели-бы я просто умеръ, не совер-

нивъ столько злодѣйствъ, то это обыкновенная участь всѣхъ людей; но судьба сиротъ, дѣтей преступника, ужасна! Всякій гнушается ими. »*Вотъ это дѣти смертоубійцы Аглаева!*« будутъ говорить многіе. »*Смотрите, какія у нихъ звѣрскія лица! Они вѣрно пойдутъ по отцѣ!...* Внушите въ нихъ твердость духа, и покорность Провидѣнію; убѣдите ихъ, чтобы они простили меня—продолжалъ Аглаевъ—и рыданія его опять начались жестоко.—Умоляйте ихъ, почтенный, добродѣтельнѣйшій Николай Дмитріевичъ, чтобы они не проклинали памяти моей! Я слишкомъ много, слишкомъ жестоко наказанъ! Мысль о будущей судьбѣ несчастныхъ дѣтей моихъ есть настоящее адское мученіе. Сердце мое раздирается на части, помышляя о нихъ! О Боже мой, Боже мой! недостоинъ я твоихъ милостей; но несчастная жена моя, но невинныя мои дѣти.... Я покрылъ вѣчнымъ посрамле-

ніемъ всю жизнь ихъ....« Онъ задыхался отъ рыданій, и не могъ болѣе говорить ничего.

»Самъ-же ты во всемъ виноватъ« — сказалъ равнодушно Змѣйкинъ, допивая стаканъ вина — »я хотѣлъ взять все на себя. Свидѣтели не могли представить ясныхъ доказательствъ къ изобличенію твоему, и ты, могъ-бы оправдаться. Со временемъ, все было-бы забыто: посидѣлъ-бы ты можетъ быть, нѣсколько времени въ смирительномъ домѣ, за пьянство и буянство. Такъ, вотъ нѣтъ! Какъ дуракъ, все выболталъ, во всемъ признался — теперь самъ на себя пѣняй!«—

Но Аглаевъ ничего уже не могъ, ни слышать, ни отвѣчать ему. Судороги возобновились, и за ними послѣдовалъ жестокій обморокъ. Лекарь, за которымъ давно посылалъ Прокій, пришелъ въ это время. Онъ развязалъ Аглаеву галстукъ, теръ ему виски, давалъ

нюхать спирть, и кое-какъ привелъ его въ чувства. Но Аглаевъ былъ въ такой слабости, что ни рукой, ни ногой не могъ пошевелиться. Съ большимъ усиліемъ, самымъ тихимъ голосомъ, могъ онъ только попросить Происка́го, чтобы сдѣлать ему величайшее благодѣяніе, исходатайствовавъ у Начальства позволеніе — перемѣстить его куда нибудь отъ Змѣйкина. »Одинъ видъ этого изверга, виновника всѣхъ бѣдствій моего семейства, раздираетъ мою душу и приводитъ меня въ отчаяніе!« говорилъ Аглаевъ.

Лекарь совѣтовалъ ему успокоиться, а Происка́го просилъ оставить его, чтобы не произвесть опять новаго душевнаго волненія, которое, въ несчастномъ положеніи Аглаева, могло быть для него пагубно. Лекарь сказалъ Происку, что судороги уже нѣсколько разъ съ нимъ были, и часъ отъ часу усиливаются, что долго выдержать такой

болѣзни ему невозможно, и, навѣрное онъ скоро умретъ. »Я думаю, не лучше-ли, и не легче-ли для него будетъ, если мученія его разомъ прекратятся. Что за жизнь!« отвѣчалъ Пронскій, утирая слезы свои. Онъ оставилъ Агласва, и спѣшилъ выйдти; но проходя черезъ тюремный дворъ, Пронскій встрѣтился съ человѣкомъ, лицо котораго, хотя и было въ изнеможеніи отъ горести, а казалось знакомымъ. Пронскій остановился съ ужасомъ. »Не уже-ли,« думалъ онъ, »это *Инфортунатовъ*, бывшій мой начальникъ, который записалъ меня въ службу, былъ покровителемъ моей молодости, и потомъ истиннымъ моимъ другомъ?« Пронскій долго не могъ опомниться. »Не уже-ли это вы, Даніло Николаевичъ?« — вскричалъ онъ наконецъ. — Точно я — отвѣчалъ несчастный. — А это вы, Николай Димитріевичъ? Мы такъ давно не видались... я было совсѣмъ не узналъ тебя. — »Ка-

кимъ образомъ могли вы попасть сюда?« — Я тамъ, гдѣ мнѣ должно быть — продолжалъ Инфортунашовъ — въ тюрьмѣ, какъ преступникъ и смертоубійца! — »Какъ? Возможно-ли? .... Что съ вами случилось? Не уже-ли вы имѣли несчастіе убить на дуэли вашего соперника?.. Находясь въ службѣ, въ самую несчастную эпоху, когда *бретёрство* достигало до высшей степени, вы были примирителемъ многихъ дуэлистовъ, возставали такъ часто, и такъ краснорѣчиво противъ этого пагубнаго предразсудка, оставшагося отъ временъ варварства. И подъ сѣдростью лѣтъ, бывши уже въ отставкѣ, не уже-ли совершили вы преступленіе, и убили на поединкѣ соперника вашего? Должно, чтобы необыкновенное что нибудь, и ужасное, рѣшило васъ на дуэль?« — Нѣтъ, любезный другъ! я убилъ человѣка не на поединкѣ, а просто приставивъ ему къ груди, умышленно и прямо, писто-

лепъ. — »Что все это значитъ? Это какая-то ужасная загадка! Не во снѣ-ли я вижу?« отвѣчалъ Пронскій, протирая себѣ глаза, всматриваясь въ лицо Инфортунатова, и стараясь замѣтить — не сошелъ-ли онъ съ ума. — Это значитъ, любезный мой, что самый тихій, самый миролюбивый человѣкъ отвѣчать за себя не можетъ; что всякій изъ насъ близокъ къ погибели, и что иногда встрѣчаются на поприщѣ жизни такія непредвидѣнныя, такія ужасныя несчастія, которыхъ никакая человѣческая премудрость отвратить не можетъ! — продолжалъ Инфортунатовъ, и слезы градомъ полились изъ глазъ его. — Все это совершилось со мною; въ нѣсколько минутъ лишился я жены, дочери, и сдѣлался смертоубійцею, т. е. бывши самымъ счастливымъ человѣкомъ, въ одно мгновеніе, повергнутъ въ бездну погибели!

»Ахъ, Боже мой! По какимъ образомъ могло все это съ вами случиться?

Вы всегда, и всѣмъ, были извѣстны терпѣніемъ, и кроткимъ, спокойнымъ характеромъ своимъ. Не изъ любопытства, но именно по душевному участію, всегдашней привязанности, и благодарности моей къ вамъ, желалъ-бы я знать, что такое случилось съ вами? Можетъ быть, я чѣмъ нибудь, и какъ нибудь, могу быть вамъ полезнымъ,« сказалъ Пронскій.

Благодарю тебя за участіе, любезный, добрый Николай Дмитріевичъ — отвѣчалъ Инфортунатовъ, пожимая его руку. — Но помочь мнѣ ничѣмъ уже нельзя. Мѣра несчастій моихъ совершилась, дѣло мое рѣшительно окончено, и на дняхъ должна быть прислана сентенція. Но я готовъ разсказать тебѣ мою исторію. Случившееся со мною служитъ разительнымъ доказательствомъ, что бываютъ такія внезапныя, нравственныя несчастія, которыя, по всей справедливости, уподобить можно физическимъ бѣдствіямъ, какъ-то: землетрясенію, бу-

рѣ, наводненію, пожару, кораблекрушенію, т. е. что человѣкъ самый невинный можетъ вдругъ лишиться всего, что есть у него драгоцѣннаго въ мірѣ. — Прошскій съ нетерпѣніемъ желалъ знать, приключеніе своего друга.

»Пойдемъ въ мою комнату,« сказалъ Инфортунатовъ. »Недавно проѣзжалъ здѣсь благонамѣренный и почтенный, Государственный Чиновникъ. Во время путешествія своего, онъ вездѣ осматривалъ тюрьмы, и, бывъ вѣроятно извѣщенъ о моихъ несчастіяхъ, вступилъ со мною въ разговоръ. Онъ не могъ удержать слезъ сострадапія своего, и спросилъ у меня тихимъ голосомъ, пожимая мою руку: не можетъ-ли онъ мнѣ быть чѣмъ нибудь полезнымъ? Я отвѣчалъ, что онъ сдѣлаетъ величайшее благодѣяніе, ежели прикажетъ дать мнѣ особую комнату, гдѣ могъ-бы я свободно предаваться моей горести, и, сверхъ того, если позволитъ привезти изъ деревни моей нѣ-

сколько, назначенныхъ мною, духовныхъ и философическихъ книгъ. Онъ обратился къ здѣшнему Начальнику, и приказалъ ему поточасъ исполнить мое желаніе. Съ тѣхъ поръ я чувствую величайшее услажденіе въ моей горести. Одинъ, на свободѣ, могу я предаваться чтенію и размышленію; слѣдствіемъ сего бываетъ молитва къ Богу. Такъ, любезный другъ: я на опытѣ, надъ собою испыталъ, что, Религія есть единственное, и одно благопадежное утѣшеніе въ бѣдствіяхъ нашихъ! Всѣ мірскіе Философы говорятъ уму; одно Священное Писаніе дѣйствуетъ прямо на душу, распространяетъ какую-то неизъяснимую, небесную — такъ сказать — теплоту въ человѣкѣ, вселяетъ въ него мужество, покорность и довѣренность къ благости Божіей. Судьбы Провидѣнія неисповѣдимы. Я покоряюсь Его святой волѣ, и лобзаю руку, меня карающую!«

Слезы умиленія текли изъ глазъ Ин-

Фортунатова. Онъ и Прокій вошли въ его комнату. Постеля, одинъ стулъ, столъ, на которомъ стояло Распятіе, лежалъ Новый Завѣтъ, и еще нѣсколько другихъ духовныхъ книгъ, составляли все украшеніе сей комнаты. На стѣнѣ, передъ образомъ Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ, теплилась лампада. Инфортунатовъ, отдохнувъ немного, отеръ слезы, и началъ свое повѣствованіе.

»Мы уже давно разстались съ тобою, любезный Николай Дмитріевичъ. Тебѣ неизвѣстны многія обстоятельства моей жизни, но ты вѣрно помнишь, что у насъ въ полку называли меня *моралистомъ* и *философомъ патріархальныхъ временъ*. Я всегда убѣждалъ молодыхъ товарищей моихъ не шутить честію женщинъ, не стараться совращать ихъ съ истиннаго пути обязанностей, поставляя на видъ, что единая минута можетъ распространить вѣчное несчастіе, не только на жизнь

одной женщины, введенной коварствомъ и хитростію въ мгновенное заблужденіе, но и на все семейство ея, и даже на нѣсколько поколѣній! Я всегда былъ увѣренъ, что всякому честному человѣку должно жениться, и что семейственная жизнь есть настоящее наше предназначеніе. Слава, почести, богатство, все это доставляетъ намъ временное наслажденіе; душа скоро утомляется ими; но супругъ, и отецъ семейства, исполняющій въ полной мѣрѣ свои обязанности, есть истинно благополучный человѣкъ. Руководствуясь этими правилами, долго искалъ я себѣ подругу; наконецъ, Богу угодно было наградить меня: я нашелъ истиннаго Ангела. Кротость, нѣжность, безкорыстіе, благородство, возвышенность души, разсудительность — она обладала всѣми добродѣтелями, которыя служатъ залогомъ счастливой супружеской жизни. Найдя именно то, чего такъ долго

искалъ, думалъ я, что благополучіе мое утверждено навсегда, на прочномъ основаніи, вышелъ въ отставку, и ограничилъ все честолюбіе мое тѣмъ, чтобъ быть, сколько возможно, счастливымъ въ маленькомъ кругу моего семейства. Жена моя и я, страстно любили другъ друга, и Богъ благословилъ нашъ союзъ: три сына и одна дочь увеличили наше счастіе. Намъ открылось новое, неизвѣстное прежде наслажденіе — чувство любви родительской. Но совершеннаго благополучія нѣтъ на землѣ; сыновья наши, одинъ за другимъ, въ самое короткое время, всѣ умерли. Смерть ихъ поразила насъ; здоровье жены моей совершенно чрезъ то разстроилось; но, какъ Христіанка, она постепенно успокоивалась. Мы обратили всю нѣжность свою на оставшуюся намъ дочь, которая, достигнувъ пятилѣтняго возраста, была чрезвычайно слаба здоровьемъ. Мы берегли ее, какъ единственное наше сокровище.

»Всякій годъ праздновали мы день ея рожденія. Добрые родные наши собирались къ намъ, иные даже довольно издалека. Какъ нарочно, наканунѣ дня ея рожденія, которому предназначено было сдѣлаться роковымъ днемъ нашей погибели, пріѣхали родные брата моей жены, также и мой родной братъ, съ семействомъ своимъ. Всѣ мы были дружны, и любили другъ друга. Я былъ такъ веселъ, такъ счастливъ, что не хотѣлъбы въ тотъ разъ помѣняться ни съ кѣмъ въ мірѣ на мое состояніе.

»Утверждаютъ, будто-бы есть какія-то предчувствія передъ несчастіемъ. Самъ я ничего необыкновеннаго въ себѣ не ощущалъ; напротивъ, на сердцѣ моемъ было легко и весело; но я замѣтилъ, что жена моя смотрѣла на меня съ какимъ-то умиленіемъ, какъ будтобы прощалась на вѣкъ со мною. Глаза ея наполнены были слезами. Я приписывалъ это воспоминанію о сыновьяхъ, ко-

торыхъ лишились мы, утѣшалъ ее, говоря, что ей надобно беречь себя, ибо она была беременна — цѣловалъ ея руки, старался разсѣять грусть ея. »Милый другъ мой!« сказалъ я ей — »вспомни эпитафію, которую, по твоему одобренію, велѣлъ я вырѣзать на надгробномъ камнѣ нашихъ дѣтей:

О милыхъ существахъ, которыя сей свѣтъ
Собой для насъ живописворили,
Не говори съ тоской: *ихъ нѣтъ;*
А съ благодарностію: *были.*

»Эти стихи Гёте, переведенныя Жуковскимъ, вылившіяся прямо изъ возвышенной, благородной души поэта, принесли мнѣ большую пользу: они подкрѣпили меня, и внушили мнѣ мысль, что точно съ благодарностью надобно относиться ко Всевышнему Творцу, если, хотя кратковременнымъ пребываніемъ своимъ въ мірѣ, милое существо украсило нашу жизнь. Богъ милостивъ! Вотъ

теперь ты еще родишь мнѣ молодца!«— Она съ нѣжностію посмотрѣла на меня, и пожала мнѣ руку. Замѣтно было, что она старалась преодолѣть себя. »Не знаю, отъ чего мнѣ грустно« — сказала она — »досадую на самое себя, что видя кругомъ себя добрыхъ, любезныхъ мнѣ людей, я должна-бы радоваться, а вмѣсто того какая-то непонятная тоска напала на меня!« — Это отъ того, милый другъ — отвѣчалъ я — что ты сегодня мало дѣлала движенія, а въ твоемъ положеніи это вредно. — »Въ самомъ дѣлѣ,« сказала жена моего брата, »тебѣ надобно болѣе ходить; пойдемъ вмѣстѣ со мною.« Онѣ отправились, а мы вышли на балконъ. Вечеръ былъ прекрасный; мы курили трубки, шутили, смѣялись, и я не только не имѣлъ никакого мрачнаго предчувствія, а напротивъ былъ необыкновенно веселъ. Да! Счастіе осыпаетъ иногда цвѣтами обреченную жер-

тву свою, передъ самою погибелью. Къ ужину возвратились наши дамы. Мы съ женою сдѣлали всѣ распоряженія къ завтрашнему празднику. Послѣ обѣдни назначено было угощеніе дворовымъ людямъ и крестьянамъ. Нѣсколько сосѣдей хотѣли пріѣхать къ намъ обѣдать; потомъ долженъ былъ устроиться дѣтскій спектакль, составленный гувернанткою нашей дочери. Двѣ родственницы наши, воспитывавшіяся вмѣстѣ съ нею, и дочь одного нашего сосѣда, знали твердо свои роли. Наша малютка должна была также сказать нѣсколько словъ, выучила, и повторяла ихъ безпрестанно. Всѣ эти семейныя, мѣлочныя подробности, для другихъ, конечно, не интересны, но ты, любезный Николай Дмитріевичъ, поймешь, какъ драгоцѣнны для меня воспоминанія объ этихъ мѣлочахъ« — сказалъ Инфортунатовъ, и снова залился слезами. Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, онъ продолжалъ далѣе свое повѣствованіе.

»На другой день, утромъ, напившись чаю, всѣ мы пошли одѣваться къ обѣдни. Я велѣлъ запрягать экипажи. Жена моя, бывши всегда богомольна, не хотѣла пропустить начала обѣдни, т. е. часовъ, притомъ-же хотѣла она сдѣлать небольшую прогулку, и потому отправилась, съ дочерью, пѣшкомъ. Но лишь только, проводивъ ее, усѣлъ я войдти къ себѣ въ кабинетъ, вдругъ слышу ужасный шумъ и крикъ — подбѣгаю къ окну — вижу, что крестьяне мои, и бабы, собравшіяся близь господскаго дома, чтобы идти къ обѣднѣ — бѣгутъ съ воплями и стонами въ разныя стороны! Вижу также скачущихъ на лошадяхъ мужиковъ, съ дубинами, и среди ихъ одного, распоряжающаго этимъ нашествіемъ! Что можно мнѣ было подумать? Кажется, ничего другаго, что разбойники вторгнулись въ мое имѣніе. Мысль эта тѣмъ болѣе казалась вѣроятною, что въ нашей сторонѣ появи-

лось тогда много бѣглыхъ, и недалеко отъ меня, въ лѣсу, ограбили они одного моего сосѣда. Сказывали даже, что они нападаютъ открыто на нѣкоторыя деревни. Послѣ этихъ слуховъ, всегда находились у меня въ кабинетѣ, на стѣнѣ, два заряженныхъ пистолета, и сабля, чтобы въ случаѣ нападенія была какая нибудь защита. Я схватилъ пистолеты; каммердинеру моему приказалъ взять саблю, и выбѣжалъ на дворъ. Тутъ мнѣ попалась форрейторская лошадь, которую вели запрягать. Я вскочилъ на нее, и поскакалъ. Между тѣмъ на шумъ выскочили дворовые мои люди, изъ своихъ избъ. И у меня была, точно такъ-же, какъ и у всѣхъ Русскихъ помѣщиковъ, большая дворня — куча лакеевъ, кучеровъ, поваровъ, мастеровыхъ, всего человѣкъ болѣе пятидесяти. Всѣ они бросились, верхами и пѣшкомъ, съ ружьями, съ дубинами, кто съ чѣмъ попало; но я недожидался никого,

устремился прямо на Атамана, какъ мнѣ казалось, этой разбойнической шайки, мужика, который распоряжалъ нашествіемъ. »Наглый мошенникъ! нападать среди дня!.. Сей часъ сдайся, или я тебя убью!« кричалъ я, подставивъ къ нему пистолетъ. Онъ былъ мертвецки пьянъ, что-то такое началъ мнѣ говорить, и ударилъ меня, бывшею въ рукахъ его, нагайкою; я — спустилъ курокъ, и онъ повалился съ лошади на землю.... Выстрѣлъ обратилъ вниманіе прочихъ разбойниковъ, которые преслѣдовали по полю моихъ крестьянъ, и били ихъ. Всѣ бросились было на меня, но увидѣвъ, что мои люди приближаются ко мнѣ на помощь, я поскакалъ къ нимъ, а разбойники, окруживъ Атамана своего, взяли его на руки, положили въ близь стоявшую тѣлегу, запряженную тройкою, и поскакали въ лѣсъ. Между тѣмъ люди мои подоспѣли ко мнѣ, и просили позволенія преслѣдовать

разбойниковъ въ лѣсу. Но я почиталъ уже довольно достаточнымъ и то, что отражено нашествіе. Соображая притомъ, что преслѣдовать и ловить въ лѣсу, гдѣ разбойники, вѣроятно, разсыпались, было-бы опасно, велѣлъ я людямъ воротиться, и хотѣлъ тотчасъ дать знать въ городъ о такомъ, необыкновенномъ у насъ въ Россіи, происшествіи, а самъ спѣшилъ скорѣе домой, чтобы успокоить жену и гостей моихъ.

»Первый предметъ, поразившій меня при входѣ въ комнаты, былъ — дочь моя, въ ужасныхъ судорогахъ! Гувернантка, няня, и нѣкоторые изъ родныхъ, хлопотали около нея. Я спросилъ торопливо: Отъ чего сдѣлались съ нею судороги. »Отъ испуга,« отвѣчали мнѣ. — Да, гдѣ жена? Сохрани Богъ, ежели она увидитъ дочь въ такомъ положеніи — и, не дожидаясь отвѣта, пошелъ я далѣе. Въ гостиной вижу всѣхъ родныхъ моихъ, въ большомъ смущеніи.

»Гдѣ жена?« спросилъ я, испуганный ихъ видомъ. — Она въ спальнѣ—не очень здорова — сказали мнѣ — подожди, не ходи къ ней; она, кажется, уснула теперь... Въ это время выбѣжала жена моего брата, блѣдная, съ разстроенныхъ лицомъ. Она сказала что-то мужу своему, и тотъ стремглавъ побѣжалъ изъ комнаты. »Что все это значитъ? Гдѣ жена моя?« вскричалъ я въ отчаяніи.—Ничего; авось, дастъ Богъ, пройдетъ: она чрезвычайно растревожилась; въ глазахъ ея было все это нашествіе — отвѣчала жена моего брата. — Крикъ вопли, стоны крестьянъ, а болѣе всѣго поразила ее Лизанька, съ которою отъ испуга сдѣлались судороги; ихъ обѣихъ безъ чувства принесли въ комнаты. Теперь, слава Богу, она опомнилась. Только боимся мы, чтобы она не выкинула, и для того сказала я, чтобы, какъ можно поскорѣе, послали въ городъ за бабушкою, и за лекаремъ. Но,

мнѣ кажется, ты хорошо сдѣлаешь, ежели войдешь къ ней. Увидѣвъ тебя, она успокоится. —

Я нашелъ ее лежащею въ постелѣ, и чрезвычайно слабою. Но при взглядѣ на меня, она оживилась, румянецъ покрылъ ея щеки. — »Это ты, мой другъ?« сказала она. »Слава Богу, что ты живъ.« Я бросился на колѣни передъ ея постелью, и обливалъ слезами руки ея. — »Не безпокойся, мой другъ! Мнѣ, слава Богу, лучше« — продолжала она, слабымъ голосомъ. — »Что Лизанька? жива, или уже нѣтъ ея на свѣтѣ? Не скрывайте отъ меня, друзья мои: я Христіанка, и, съ Божіею помощію, перенесу и это горе; мнѣ уже не въ первый разъ хоронить дѣтей.« — Слезы потекли изъ ея глазъ. Мы призывали Бога во свидѣтели, что Лиза жива, и что ей лучше. — »Вѣрю, вѣрю вамъ,« сказала она. Между тѣмъ она чрезвычайно страдала, мученія усиливались. Потихоньку моли-

лась она, и потомъ, когда чувствовала нѣкоторое облегченіе, просила меня беречься, не предаваться отчаянію, возложить всю надежду на милосердаго нашего Создателя... Но муки ея дѣлались часъ отъ часу нестерпимѣе. »Другъ мой, другъ мой, друзья мои! молитесь, молитесь за меня! О Боже! подкрѣпи меня! Но нѣтъ, нѣтъ! силы мои ослабѣли; я чувствую, что мнѣ недолго жить! Пошлите поскорѣе за Священникомъ.« Всѣ рыдали, суетились, бѣгали; я былъ въ какомъ-то ужасномъ оцѣпенѣніи; ничего не чувствовалъ, ничего не понималъ, и самъ себя не помнилъ. Двери были отворены, домъ наполнился дворовыми, женщинами, и слугами; повсюду были слышны плачъ и рыданія. Всѣ любили ее — да и можно-ли было не любить этого Ангела!«.. Инфортушатовъ не могъ далѣе продолжать; онъ задыхался отъ рыданія, чувствовалъ, что ему дѣлается дурно, и

просилъ подать бутылку съ водою, которая стояла на окнѣ. Но и самому Прокскому нужно было такое-же пособіе. Онъ плакалъ до такой степени, что голова его кружилась, и онъ былъ также близокъ къ тому, чтобы упасть въ обморокъ. Вода освѣжила ихъ. »Несчастный, несчастный! лишиться однимъ разомъ всего, что было драгоцѣнно на свѣтѣ!« вскричалъ Прокскій, бросившись въ объятія Инфортунатова. Слезы ихъ смѣшались.

»Нѣтъ, мой другъ!« продолжалъ Инфортунатовъ, отдохнувъ немного, »чувствую, что не въ силахъ разсказать тебѣ всѣхъ ужасныхъ подробностей, и нѣсколькими словами все окончу. Жена мол родила преждевременно мертваго младенца, и черезъ нѣсколько часовъ эта праведница окончила жизнь свою! Съ дочерью моею продолжались безпрерывныя судороги. Къ вечеру пріѣхалъ Земскій Судъ; домъ мой окружили понятыми; меня, какъ смер-

моубійцу, схватили, и повезли въ городъ. Но я ничего не помнилъ, и не понималъ, что со мною дѣлаютъ. Вотъ какъ окончился тотъ день, который мы предполагали провесть столь пріятно, въ кругу ближнихъ, родныхъ, и друзей нашихъ!«

»Помилуйте! Да какой-же вы смертоубійца? — вскричалъ, съ негодованіемъ, Прокій, вскочивъ со стула. »Вы защищали жизнь свою отъ разбойниковъ, которые, внезапно, среди бѣла дня, напали на ваше имѣніе!« — Нѣтъ, другъ мой, все въ послѣдствіи объяснилось: это были не разбойники. Все произошло отъ несчастнаго недоразумѣнія. На моемъ имѣніи почиталась рекрутская недоимка, которой впрочемъ, во все не было въ существенности. Слѣдствія сей ошибки были пагубны для меня, и распространили вѣчное несчастіе на всю мою жизнь! Чиновникъ, на котораго возложено было взыскивать эту недоимку, расположился поступить по обычаю хищныхъ Лезгин-

цевъ: захвати́шь лучшихъ и богатыхъ моихъ крестьянъ, чтобы получить побо́лѣе денегъ за *выкупъ* и освобожденіе ихъ. Окружали его, и употреблены были въ нападеніе, крестьяне сосѣдственныхъ деревень. Всѣ они, начиная съ главнаго ихъ начальника, приготовлялись къ нашествію на мое имѣніе, были мертвецки пьяны. Выстрѣломъ изъ пистолета смертельно ранилъ я начальника ихъ. Словомъ: я и семейство мое сдѣлались жертвами недоразумѣнія, ошибки, пьянства, буйства и лихоимства. И вообрази, что главные виновники бѣдствій моихъ, люди, съ которыми я не имѣлъ никакого неудовольствія, ни личности, сами никакого повода, ни къ мести, ни къ преднамѣренному моему погубленію, не имѣли! Еще повторяю: все случилось по ошибкѣ, какъ въ послѣдствіи времени открылось, и несчастіе мое именно можно уподобить какому нибудь физическому бѣдствію, котораго ни предвидѣть,

ни отвратить никакая человѣческая премудрость не можетъ. Почему мы знаемъ, напримѣръ, что можетъ быть, въ сію самую минуту сдѣлается землетрясеніе, и мы съ тобою провалимся сквозь землю? Признаюсь, мнѣ гораздо-бы легче было потерять семейство мое, и самому погибнуть отъ такого физическаго бѣдствія; не тяготило-бы тогда души моей смертоубійство, хотя неумышленное, но — все смертоубійство!... Впрочемъ, я не обвиняю въ этомъ тѣхъ, кто былъ причиною моихъ несчастій!«

»Помилуйте, Данило Николаевичъ!« вскричалъ Прокскій. »Какъ можно оправдывать изверговъ, которые, чрезъ невниманіе и ошибки свои, подвергаютъ совершенной погибели цѣлое семейство невиннаго человѣка! Кто они? Ихъ имена должны быть преданы общему посрамленію! При томъ-же, почему приняты были противъ васъ такія насильственныя мѣры? Я увѣренъ, что никакимъ

предосудительнымъ поступкомъ, или неповиновеніемъ, вы не подали повода поступать съ вами такимъ образомъ!« — Никогда, рѣшительно никогда, и ни въ чемъ упрекнуть меня было нельзя! Я не только наравнѣ съ другими, но даже прежде многихъ, исполнялъ всѣ мои обязанности Но еще повторю: я не обвиняю ихъ; они *невинны*, и ты самъ согласишься, когда узнаешь ихъ имена, что они вѣрно не хотѣли мнѣ зла: это *Репетиловъ* и *Подляковъ*.

»Какъ: Репетиловъ?« сказалъ съ удивленіемъ Прокій. »Этотъ Marquis de Mascarille, этотъ Французскій *виконтъ* прошлаго столѣтія, какъ его называли у насъ! Помилуйте: онъ, кажется, неспособенъ сдѣлать зло, и имѣлъ всегда репутацію добраго человѣка! И этотъ *добрый человѣкъ* поступилъ съ вами такимъ образомъ! А Подляковъ, не уже-ли это Герасимъ Михеевичъ, съ которымъ я вмѣстѣ служилъ, вышедши изъ

вашего полка? Его называли у насъ: *médiocre et rampant*, и я очень помню, что общій нашъ съ вами пріятель, Зарницкій, прекрасно переложилъ на Русскій языкъ это, данное Подлякову названіе. Онъ увѣрялъ, что нѣтъ никакой нужды употреблять Французскіе эпитеты, когда есть равносильные тому Русскіе. *Médiocre et rampant* значитъ, говорилъ онъ, по Русски — *дворная собака шавка*. Ничего не можетъ быть гаже и подлѣе, какъ она! Мы смѣялись, и съ тѣхъ поръ этотъ Герасимъ Михеевичъ Подляковъ назывался у насъ: *дворняшка*. Можно-ли было предвидѣть, что эта дворняшка погубитъ васъ! Впрочемъ, и то сказать: какъ остеречься отъ укушенія бѣшеной собаки?« прибавилъ Пронскій, съ глубокимъ вздохомъ. »Сдѣлайте одолженіе, продолжимъ далѣе. Чѣмъ можно обвинить васъ? Вы защищали себя, и имѣніе свое, отъ разбойническаго нашествія.« — Я смертоубійца, конечно,

неумышленный; но, разсуждая въ строгомъ смыслѣ, оправдывать себя мнѣ невозможно. Я поступилъ необдуманно; мнѣ не слѣдовало бросаться самому прежде всѣхъ: я долженъ былъ узнать причину всей тревоги; словомъ — я кругомъ виноватъ, и не думалъ оправдываться. Въ сдѣланныхъ мнѣ допросахъ, не только во всемъ я признался, но желалъ, чтобы меня подвергнули наказанію, положенному за убійство. Мысль, что я потерплю наказаніе въ здѣшнемъ мірѣ, для очищенія себя въ будущей жизни, подкрѣпляетъ меня. Что-же касается до виновниковъ моимъ бѣдствій, то апелляція на нихъ поступила въ самую высшую инстанцію — въ судилище Всемогущаго Бога! Кто, чѣмъ, и какъ можетъ вознаградить меня за потерю жены, дѣтей, и за совершенное уничтоженіе всего счастія моего въ здѣшней жизни? — Онъ возвелъ глаза свои къ небу; тихія слезы умиленія потекли изъ нихъ. — О Боже,

милосердый Боже! — сказалъ онъ — покоряюсь святой Твоей волѣ! Подай мнѣ силы перенесть безъ ропота, ниспосланное отъ Тебя, тягостное испытаніе! — Пронскій схватилъ его руку, и со слезами увѣрялъ, что молитву о немъ присоединитъ къ ежедневнымъ молитвамъ своимъ.

»Богъ милостивъ!« прибавилъ Нифонтунатовъ. »Можетъ быть, скоро прекратятся мои страданія, и соединюсь я съ тою, которая составляла все блаженство мое на землѣ. Довольно долго жилъ я, и былъ счастливъ. Обращаясь на прошедшую жизнь мою, чувствую, что никакія тягостныя для совѣсти моей воспоминанія не представляются мнѣ. По всему есть конецъ; рано или поздно, всѣмъ намъ должно предстать предъ судомъ Всевышняго. Я сдѣлалъ преступленіе, хотя неумышленное, но сдѣлалъ его, и за то потерпѣлъ въ здѣшней жизни. Что касается до моей дочери — слава Богу! я имѣю добрыхъ, милыхъ родныхъ,

и друзей, которые не оставятъ сироту. Жена брата моего взяла ее къ себѣ, вмѣсто родной дочери.«

Пронскій просидѣлъ еще долго у Инфортунатова; но не для утѣшенія и подкрѣпленія его, а для собственнаго своего поученія, какъ долженъ истинный Христіанинъ переносить несчастія въ здѣшней жизни.

Въ послѣдствіе времени узналъ Пронскій, что тотъ-же, добродѣтельный, благонамѣренный Государственный Чиновникъ, который посѣтилъ Инфортунатова въ тюрьмѣ, сильно ходатайствовалъ за него, защищалъ его, представилъ дѣло въ настоящемъ видѣ, и достигъ до того, что Инфортунатовъ былъ освобожденъ отъ всякаго суда и наказанія, за неумышленное преступленіе, и только преданъ на нѣкоторое время церковному покаянію. Но Инфортунатовъ уже не возвратился въ свѣтъ. Онъ остался въ монастырѣ, постригся въ монахи, и вскорѣ послѣ

того умеръ. *Пріидите ко мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы*—были послѣднія слова сего примѣрно-несчастнаго человѣка.

А Репетиловъ? А Подляковъ? Они живутъ спокойно, весело, и благодѣйствуютъ — по наружности; внутренность душъ ихъ никому не извѣстна. Qu'il est bon, qu'il est aimable, ce Mr. Répétiloff (какъ онъ добръ, какъ онъ милъ, этотъ Репетиловъ)! восклицаютъ нѣкоторыя дамы, потому, что онъ прекрасно *любезничаетъ* съ ними на Французскомъ языкѣ, говоритъ каламбуры, и всю Біевріану знаетъ наизусть. Подляковъ, отъ обълдѣнія и пьянства, растолстѣлъ, какъ кормленный быкъ. Онъ часто даетъ прекрасные обѣды; всѣ къ нему ѣздятъ, пьютъ, ѣдятъ, веселятся у него, и, восхваляя добродѣтели хозяина, всѣ говорятъ: c'est un très-brave homme! Особенно-же, когда у него подаютъ отличный Сотернъ, лучшій Шато-Лафитъ,

Шампанское и Бургонское! Чтобы не мѣшать пищеваренію, Подляковъ постарался забыть, что погубилъ невинное семейство. Но — есть Богъ, Правосудный Судія!... Мысль эта служитъ непреоборимымъ подкрѣпленіемъ невинностраждущихъ въ здѣшней жизни.

Возвратимся къ семейству Холмскихъ. Въ эпизодѣ нашемъ, мы хотѣли только доказать, какъ правъ былъ Поне, сказавъ, что *никто не можетъ утверждать сегодня, что онъ и завтра будетъ благополученъ.* Инфортунатовъ проснулся поутру спокоенъ, счастливъ, а къ вечеру — лишился жены, дѣтей, и самъ былъ ужаснымъ преступникомъ!....

ГЛАВА VIII.

Pour celui, qui connut les misères humains, mourir n'est pas le plus grand des malheurs.

Mme Deshouilleres.

Кто испыталъ бѣдность человѣческой жизни, для того смерть не есть величайшее изъ несчастій.

Г-жа Дезульеръ.

Проскій, по возвращеніи на квартиру свою, нашелъ нарочно присланнаго изъ Пріютова. Елисавета писала къ нему, что болѣзнь Катерины усилилась въ высшей степени; что нѣтъ уже никакого сомнѣнія въ ея сумасшествіи, и что уѣздный лекарь, который пользовалъ ее, отказался, и уѣхалъ отъ нихъ.

Къ довершенію несчастія, Пріютово продано съ аукціоннаго торга, за долги Аглаева, по векселямъ, данным Змѣйкину, а отъ него дошедшимъ какому-то Вампирову, которому теперь и принадлежитъ уже Пріютово, потому, что онъ введенъ во владѣніе законнымъ порядкомъ. Елисавета присоединяла къ тому въ письмѣ своемъ, что этотъ безсовѣстный Вампировъ отобралъ всѣхъ людей, и женщинъ даже, бывшихъ въ услугѣ при домѣ. Притомъ, не смотря на ужасную болѣзнь Катерины, Вампировъ настоятельно выгоняетъ ее, и дѣтей ея изъ дома, подъ тѣмъ предлогомъ, что ему нужно многое переломать, передѣлать въ домѣ, и, по причинѣ приближающейся осени, ждать нѣкогда.

»Все это имѣлъ онъ духъ« — писала Елисавета — »высказать намъ, съ отвратительною и жестокосердою учти»востію. Не могу, и не должна я также »скрыть отъ васъ, любезный Николай

»Дмитріевичъ, почитая васъ уже род-
»нымъ братомъ, и великодушнѣйшимъ,
»благороднѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ,
»что недостойные поступки брата Алек-
»сѣя умножили нашу горесть. Я поспѣ-
»шила, съ нарочнымъ, увѣдомить его,
»что Пріютово поступило уже во вла-
»дѣніе Вампирова, который выгоняетъ
»больную нашу сестру изъ дома; что
»она съ дѣтьми не имѣетъ пристани-
»ща, и мы съ Софьею не зная, что
»дѣлать, просимъ его убѣдительнѣйше
»поспѣшить пріѣхать къ намъ, преду-
»преждая притомъ, чтобы онъ не опа-
»сался прилипчивой болѣзни Катерины,
»которая прежде его останавливала, по-
»тому, что она не въ горячкѣ, а, про-
»сто, сошла съ ума. Алексѣй пріѣхалъ,
»не такъ, какъ братъ, съ сердечнымъ
»участіемъ, и готовностію помочь; но
»началъ неумѣстныя разсужденія свои,
»что подобныхъ, дурныхъ послѣдствій
»должно было ожидать отъ моповства,

»роскоши, и дурнаго поведенія Аглаева. »Онъ вздумалъ, очень ксшати, и во вре»мя, дѣлать мнѣ упреки, что я, по вѣт»реностии моей, во всемъ виноваша, и »что я настаивала и уговаривала мамень»ку отдать сестру Катерину за это»го мерзавца и злодѣя Аглаева. Призна»юсь вамъ, такая холодность, такой не»вѣроятный эгоизмъ, вывели меня изъ »терпѣнія; я разгорячилась, наговорила »ему много тяжелыхъ истинъ, и мы съ »нимъ совершенно перессорились. Бѣдная »Софья, и безъ того разстроенная бо»лѣзнію Катиньки, и столь продолжи»тельнымъ безпокойствомъ, не могла »быть равнодушною свидѣтельницею на»шей ссоры: ей сдѣлалось дурно. Братъ »Алексѣй, изъ всѣхъ насъ, только одну »ее любитъ. Онъ бросился помогать ей, »и тѣмъ прекратилась наша сцена. По»слѣ того я молчала, боясь, что опять »завлекусь, и ссора наша возобновится. »Софья говорила съ братомъ, но все

»пособіе, предложенное имъ, заключалось
»въ двухъ стахъ рубляхъ денегъ, кото-
»рыя онъ, со вздохомъ, вынялъ изъ своей
»книжки. Софья отвѣчала, что по ми-
»лости тетушки Прасковьи Васильевны,
»мы въ деньгахъ не нуждаемся, и онъ
»съ удовольствіемъ положилъ свои двѣ-
»сти рублей опять въ карманъ. Что-
»же касается до того, что больная се-
»стра его, съ семействомъ, не имѣетъ
»пристанища, онъ сказалъ намъ, что по
»случаю приближающихся родинъ жены
»его, онъ самъ переѣхалъ въ деревню къ
»тестю, а своего дома не можетъ пред-
»ложить, потому, что недавно передѣ-
»лалъ его, выкрасилъ стѣны, и все за
»ново исправилъ. А потому боится онъ,
»чтобы чего нибудь не испортили, и
»не вымарали, но будетъ писать къ
»Вампирову, и просить его не выгонять
»насъ. Лучше всего совѣтовалъ онъ пе-
»ревезти больную, и самимъ переѣхать,
»въ деревню къ маменькѣ. А чтобы все

»это устроить, обѣщался прислать къ »намъ своего каммердинера. Вслѣдъ за »этимъ уѣхалъ онъ, объявляя, что ему »надобно поспѣшить домой, потому, что »Любинька его будетъ обезпокоена долго- »временнымъ его отсутствіемъ. Къ ве- »черу прислалъ онъ своего каммердинера, »который явился къ намъ пьяный, и до »сихъ поръ еще не проспался. И такъ, »мы въ совершенномъ отчаяніи, и сами »не знаемъ, что дѣлать! Бѣдная Софья »такъ разстроилась, что насилу на но- »гахъ ходитъ. Я уговорила ее лечь въ по- »стелю, и уснуть. Она не знаетъ, что я »пишу, и посылаю къ вамъ нарочнаго. Мо- »жетъ быть, она стала-бы совѣстишься, »и опасаться васъ обезпокоить. Но мы »имѣемъ всю надежду только на васъ од- »нихъ. Я увѣрена, что вы, по добротѣ »своей, примете душевное участіе въ »ужасномъ положеніи нашемъ. При томъ- »же, еще повторяю: я почитаю васъ »роднымъ братомъ, и смѣло отношусь къ

»вамъ. Поспѣшите, поспѣшите, любез-
»ный братъ, на помощь къ намъ!«

Прочитавъ это письмо, Проскій тот-
часъ велѣлъ укладываться, и послалъ за
лошадьми. Между тѣмъ запечаталъ онъ
тысячу рублей въ пакетъ, при запискѣ къ
Аглаеву, въ которой объяснялъ, что про-
ситъ его принять эти деньги на пер-
вый случай, для необходимыхъ его из-
держекъ, и что и впредь, всегда, можетъ
онъ надѣяться на его пособіе. Увѣще-
валъ его притомъ не унывать, и съ
чистымъ раскаяніямъ молиться Богу,
а въ разсужденіи семейства своего не
безпокоиться. Этотъ пакетъ отнесъ
Проскій самъ къ мѣстному Начальни-
ку, который былъ ему знакомъ; отда-
вая ему оный, вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ
онъ, ежели можно, исполнить желаніе
Аглаева, раздѣливъ его отъ закорен-
лаго злодѣя Змѣйкина; наконецъ пору-
чилъ засвидѣтельствовать почтеніе не-
счастному Инфортунатову, объяснивъ,

что семейныя, нетерпящія отлагательства дѣла заставляютъ его тотчасъ ѣхать, и препятствуютъ лично съ нимъ проститься; но что онъ воспользуется первою возможностію, и нарочно пріѣдетъ видѣться съ нимъ.

Пронскій скакалъ день и ночь, и очень скоро явился въ Пріютово. Онъ нашелъ Елисавету и Софью въ совершенномъ отчаяніи, и тѣмъ болѣе, что Вампировъ имѣлъ жестокосердіе еще разъ, настоятельно, повторить имъ, чтобы немедленно очистили ему домъ, далъ отсрочку только на одни сутки, и угрожалъ выгнать ихъ съ помощію Земскаго Суда, въ который подалъ уже объ этомъ просьбу.

Пріѣздъ Пронскаго оживилъ всѣхъ. Софья не стыдилась своей радости, и не находила нужнымъ скрывать ее. Тотчасъ все пошло иначе, и приняло другой видъ. Пронскій сообщилъ свое мнѣніе, что прежде всего должно заняться лечѣніемъ

Катерины. »Все другое,« говорилъ онъ, »уладится и устроится въ свое время; но если дать болѣзни усилиться, то послѣ тяжело будетъ помочь.« Для сего совѣтовалъ онъ, какъ можно скорѣе, собираться въ Москву, тотчасъ самъ приступилъ къ нужнымъ распоряженіямъ, и послалъ въ городъ нанять лошадей. Въ карету Княгини Рамирской должно было помѣстишь больную, съ прислугою; для дѣтей велѣно привезти старую карету Холмской; свою коляску Пронскій назначилъ для Софьи и Княгини Рамирской; самъ онъ хотѣлъ ѣхать въ тѣлегѣ. Между тѣмъ посланъ былъ отъ него нарочный въ Москву, съ письмомъ, къ матушкѣ, гдѣ Пронскій извѣщалъ ее обо всемъ подробно, и просилъ, чтобы она велѣла нанять домъ къ ихъ пріѣзду. Словомъ: Пронскій все придумалъ, и распорядился, какъ должно было, для успокоенія больной и сестеръ ея. Елисавета была въ восторгѣ отъ Пронскаго, не знала, какъ

благодарить его. Она безпрестанно цѣловала Софью, и поздравляла, что Богъ соединяетъ ее съ такимъ милымъ, добрымъ и нѣжнымъ человѣкомъ.

На другой-же день всѣ отправились въ путь. Большія хлопоты были Прускому все уладить, положить больную въ карету, посадить дѣтей, которые, кромѣ того, что были весьма избалованы, по пріпомъ никуда и никогда еще не ѣзжали, боялись сѣсть въ карету, начали плакать и кричать. Съ вольными пяпюшками и женщинами были также большія затрудненія: одна жаловалась, что ей безпокойно будетъ сидѣть въ каретѣ; другая кричала, что ея поклажу не такъ помѣстили. Вездѣ должно было самому Прускому посмотрѣть, уладить, уговорить, иной сказать ласковое слово, на другую прикрикнуть. Это былъ для Прускаго еще первый опытъ того, каковы сборы и ѣзда съ женщинами и дѣтьми. Но все кое-какъ устроилось, и онъ,

распорядителемъ и главнокомандующимъ всего коршежа, поѣхалъ сзади всѣхъ, въ шѣлегѣ своей.

Едва отъѣхали нѣсколько верстъ, какъ въ положеніи больной сдѣлалась совсѣмъ неожиданная перемѣна. Она была прежде въ безпрестанномъ изступленіи, звала къ себѣ мужа, кричала, что онъ невиненъ, что онъ не смертоубійца; и подъ тѣмъ только предлогомъ согласилась сѣсть въ карету, что ее повезутъ къ нему. Но движеніе привело ее въ большую слабость; она, какъ будто опомнилась, спрашивала, куда они ѣдутъ; потомъ пришла въ совершенное изнеможеніе, такъ, что сидѣвшія съ нею въ каретѣ женщины велѣли остановиться, и кричали, что она умираетъ. Сестры, въ испугѣ, выскочили изъ своей коляски. Пронскій также къ нимъ присоединился. Катерина пришла тогда въ себя, и узнала всѣхъ. Слезы ея текли градомъ. »Друзья мои!« сказала она, »везите меня, и дѣлайте

со мною, что хотите. Себя и дѣтей моихъ предаю вашему великодушію: я все потеряла«... Рыданія помѣшали ей говорить; она упала въ обморокъ. Покамѣстъ Софья и другія хлопотали, чтобы привесть ее въ чувство, Елисавета обратилась къ Пропскому. »Что намъ дѣлать?« сказала она. »Что вы присовѣтуете? Вы нашъ Ангелъ-избавитель!«— Мы теперь недалеко отъ деревни вашей мамеыки — отвѣчалъ Пропскій. — Тамъ дадимъ ей немного отдохнуть. Она, слава Богу, пришла въ себя. Слабость есть непзбѣжное слѣдствіе такой ужасной болѣзни; теперь большая надежда на ея выздоровленіе. —

Потихоньку, кое-какъ доѣхали до деревни Холмской. Съ трудомъ выняли Катерину изъ кареты; слабость ея простиралась до такой степени, что она насилу могла говорить; однакожъ она была въ памяти. Ее положили въ постелю; сестры и Пропскій хлопотали около

нел. — »Не безпокойтесь обо мнѣ, милые друзья мои« — сказала она, слабымъ голосомъ. »Я чувствую, что мнѣ недолго жить, и объ одномъ прошу васъ — пошлите поскорѣе за священникомъ!« Сестры рыдали, стоя у постели ея. »Вы напрасно огорчаетесь. Богъ милостивъ: Онъ прекращаетъ мои страданія. Чтобы за жизнь моя была! Я потеряла все, что было для меня драгоцѣннѣйшаго въ мірѣ — и какимъ ужаснымъ образомъ!« Она вновь зарыдала. »О Боже! о Боже! какое тяжкое, тяжкое испытаніе!« Глаза ея вновь сдѣлались мутны, лицо побагровѣло; боялись, чтобы опять не возобновились припадки сумасшествія. »Мой мужъ смертоубійца! Мои дѣти!« ... Она не могла продолжать далѣе; съ нею сдѣлался ужасный обморокъ, и всѣ думали, что она уже кончила жизнь. Едва могли привесть ее въ память. Между тѣмъ прибылъ Священникъ; Прокій настаивалъ, чтобы поскорѣе исповѣдать и причастить больную.

Старичокъ духовникъ, который помнилъ, какъ еще родилась Катерина, подкрѣплялъ ее Христіанскими наставленіями и бесѣдою своею. Онъ вышелъ отъ нея съ заплаканными глазами. »Ей недолго жить; она проситъ, чтобы поскорѣе привели къ ней дѣтей — проститься съ ними и благословить ихъ, проситъ также и всѣхъ васъ къ себѣ,« сказалъ духовникъ, и слезы градомъ полились изъ его глазъ. Софья и Елисавета, взявъ дѣтей, поспѣшили къ сестрѣ; но она желала, чтобы и Пронскій былъ призванъ.

Безъ слезъ, безъ отчаянія, но, какъ видно, бывъ подкрѣплена назидательною бесѣдою духовника, съ твердостію умирающей Христіанки, благословила Катерина дѣтей своихъ, желала, чтобы Пронскій съ Софьею подошли къ кровати ея, схватила ихъ за руки, и, обливаясь слезами, просила не оставить бѣдныхъ, несчастныхъ сиротъ, дѣтей ея. Она говорила, что съ твердымъ

упованіемъ на милость Божію, и на ихъ великодушіе, умретъ спокойно. Это усиліе было уже послѣднее, и вскорѣ окончились ея страданія. Слезы и рыданія въ спальнѣ возвѣстили о смерти ея; тотчасъ слухъ объ этомъ распространился по всему дому. Повсюду слышны были плачъ и стонъ; съ Елисаветою сдѣлалось дурно; Софью насилу могли отвести отъ кровати умершей. Она все еще не вѣрила, чтобы существованіе сестры ея прекратилось. Пронскій, самъ заливаясь слезами, убѣждалъ ее быть разсудительною, не предаваться отчаянію, и вспомнить, какую священную обязанность приняла она на себя при послѣднемъ вздохѣ скончавшейся матери, обѣщая замѣнить несчастнымъ сиротамъ ея мѣсто, и что теперь, болѣе, чѣмъ когда-либо, должно ей вооружиться мужествомъ.

Софья послушалась его, перекрестила покойницу, хотѣла отойдти отъ ея кро-

вати; но, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, упала безъ чувствъ на руки Пронскаго; ее вынесли въ другую комнату, и съ трудомъ привели въ память. Слезы облегчили ее.

»Я потеряла въ ней, не только сестру, но истиннаго друга, любимаго съ самой юности моей. Горесть моя извинительна« — сказала она Пронскому. — »Но, да будетъ святая воля Его!... По разсудку, конечно, это еще милость Божія, что ея страданія кончились; жалѣть о ней самой не должно; но бѣдные дѣти ея?«... — Богъ поможетъ исполнить обѣтъ, принятой нами предъ покойною ихъ матерью — отвѣчалъ Пронскій, цѣлуя руки Софьи. — Вы разсудительны и глубоко преданы Религіи: говорить вамъ обыкновенныхъ, утѣшительныхъ фразъ не надобно; мнѣ должно заняться теперь возстановленіемъ порядка, и распоряженіями къ отданію послѣдняго долга покойницѣ. — Онъ тотчасъ отправилъ нарочныхъ, одного къ Алексѣю Холмско-

му, съ извѣстіемъ о смерти его сестры, а другаго въ Москву, къ мачихѣ, которой поручалъ дѣйствовать по внушенію разсудка, и добраго ея сердца, при объявленіи матери о смерти Катерины.

Алексѣй, получивъ письмо Пропскаго, посовѣтовался съ тещею своею, что ему теперь дѣлать. »Огорчаться этимъ нѣчего« — отвѣчала она — »а, напротивъ, ты избавленъ теперь отъ заботъ и лишнихъ издержекъ, которыя потребовались-бы отъ тебя, для пособія разоренной и ограбленной твоей сестрѣ. Я всегда была увѣрена, что этотъ безстыдный Аглаевъ погубитъ свое семейство; терпѣть я его не могла, и лицо у него было какое-то злодѣйское. Но вспомни, что покойница была родная сестра тебѣ. Притомъ-же, еще и въ присутствіи знатнаго и богатаго человѣка, который вступаетъ въ ваше семейство, тебѣ надобно сдѣлать хорошія похороны, чтобы всѣ говорили,

какой ты добрый братъ, и какъ ты милостивъ къ своимъ роднымъ. На это денегъ жалѣть нѣчего.« Любинька была призвана на совѣщаніе, и подтвердила то, что говорила мать ея. Холмскій тотчасъ отправился, съ намѣреніемъ, показать себя хорошо, и блеснуть похоронами сестры отлично.

Онъ благодарилъ Прокаго за хлопоты и безпокойство, и просилъ позволить ему, какъ родному брату, заняться приготовленіями къ похоронамъ. Тотчасъ послалъ онъ купить богатую парчу на покровъ; гробъ велѣлъ обить бархатомъ, и обложить позументомъ; пригласилъ Архимандрита изъ ближняго монастыря, собралъ множество Священниковъ, выпросилъ у Сундукова нѣвчихъ его, послалъ пригласительные билеты къ сосѣдямъ. Словомъ: при всей скупости своей, Алексѣй употребилъ *болѣе трехъ тысячъ рублей*, самъ всемъ занимался, суетился, и хлопо-

талъ такъ, какъ будто на какомъ нибудь свадебномъ пиршествѣ. Всѣмъ извѣстно было, что онъ сестрѣ своей, когда она была жива, не дѣлалъ никакого пособія, и что очень кстати послѣ ея смерти вздумалъ онъ удивить всѣхъ пышными похоронами. Потихоньку говорили объ этомъ, и смѣялись надъ такимъ неумѣстнымъ тщеславіемъ; но въ глаза выхваляли его, и называли *примѣрнымъ* въ наше время родным.

Приходскій Священникъ, старичокъ, духовникъ покойницы, распространясь въ надгробномъ словѣ о добродѣтеляхъ ея, очень трогательно относился къ великодушію родныхъ, увѣщевалъ ихъ не оставить безъ призрѣнія несчастныхъ ея сиротъ. Рѣчь его дышала истиннымъ краснорѣчіемъ, потому, что онъ говорилъ прямо отъ сердца, и слезы часто прерывали его слова. Но съ тѣмъ вмѣстѣ, искусно и скромно, коснулся онъ до мірской суетности и тщеславія, на-

мѣкал, что гораздо лучше и приличнѣе помогать бѣднымъ, остающимся въ мірѣ, чѣмъ тратиться на почести умершимъ, которые уже ничего не требуютъ и не чувствуютъ. Холмскій не понялъ, на чей счетъ было это сказано, и очень былъ доволенъ порядкомъ и пышностію похоронъ. Прямо изъ церкви, пригласилъ онъ всѣхъ обѣдать. Столъ былъ роскошный. Къ довершенію своихъ *благодѣяній* покойной сестрѣ, онъ не пожалѣлъ еще нѣсколькихъ сотенъ на угощеніе гостей своихъ; но строго велѣлъ онъ прогнать нищихъ, для которыхъ было-бы достаточно и нѣсколькихъ десятковъ рублей.

Софья и, въ особенности, Елисавета были огорчены сею неприличною роскошью при похоронахъ бѣдной сестры; но Софья, по скромности своей, молчала, и съ сожалѣніемъ смотрѣла на безразсудство брата, а Елисавета не могла выдержать. Она начала упрекать

его, что при жизни Катерины, не только не хотѣлъ онъ никогда принять участія въ ея судьбѣ, но, напротивъ, оказывалъ холодность, эгоизмъ, и равнодушіе, тягостныя для нѣжнаго и добраго сердца покойницы, и вдругъ послѣ ея смерти, изъ тщеславія, вздумалъ сдѣлать ей похороны, несообразныя съ состояніемъ, ни ея, ни ея семейства. Взаимная вражда Алексѣя съ Елисаветою издавна продолжалась; почти всякій разъ свиданіе ихъ ознаменовано было ссорою. Холмскій наговорилъ ей съ своей стороны много *пѣжностей*, и въ досадѣ уѣхалъ домой.

По вскорѣ послѣ его отъѣзда, увидѣли поворотившую съ большой дороги, къ господскому дому, четверо-мѣстную карету, скачущую во весь опоръ. Софья и Елисавета не могли догадаться, кто ѣдетъ; видно было, что не сосѣди, а кто нибудь изъ дальней дороги, потому, что карета была вся въ грязи.

Онѣ знали, что Свіяжская боялась ѣздить скоро; вѣрно она не стала-бы скакать такимъ образомъ; матери не могли онѣ ожидать, зная, что она еще нездорова, и никакъ не могли придумать, кто это къ нимъ ѣдетъ. Но Прокій угадывалъ, и поспѣшно выбѣжалъ на крыльцо, встрѣчать. Софья увидѣла, что онъ бросился въ объятія высокой, худой, пожилой женщины, тотчасъ узнала ее, и спѣшила къ ней. Это была Прокскал. Съ душевною радостію обнимала Софья будущую свекровь свою, которую любила уже, какъ родную мать.

»Ну, милые друзья!« сказала Прокскал, познакомившись и поцѣловавшись съ Елисаветою, и обращаясь къ пасынку и невѣстѣ его. — »Потерпѣли вы много горя, но такіе случаи болѣе сближаютъ другъ съ другомъ. Я надѣюсь, Сонечка, что ты была довольна женихомъ своимъ?« — Какъ много мы благодарны Николаю Дмитріевичу! — отвѣчала Софья, бросивъ

на него нѣжный, выразительный взоръ. Пронскій, съ восхищеніемъ, кинулся цѣловать ея руку. »Ежели-бы не Николай Дмитріевичъ,« прибавила Елисавета — »мы совершенно не знали-бы, что дѣлать. Онъ насъ успокоивалъ, занимался нами, вниманіе и нѣжность его простирались до высшей степени. Я и такъ его любила и уважала, а теперь вдвое больше. Это время останется на вѣкъ для меня памятно, и никогда не забуду я точно истиннаго, настоящаго благодѣянія его; мы безъ него пропали-бы. . .«

— Это былъ его долгъ — сказала Пронская, обнимая и цѣлуя пасынка. — Вспомните, Княгиня, что онъ уже почти родной братъ вашъ, а, даспъ Богъ, для Сонички будетъ еще гораздо ближе родня. Пословица говоритъ: мужъ да жена, больше, чѣмъ братъ да сестра. Полно, полно стыдиться, милый другъ мой — продолжала Пронская, обнимая и цѣлуя Софью — ты обручена, и носишь на рукѣ

кольцо его. Это уже половина вѣнца. Но, покамѣстъ, полно говорить объ этомъ. Я пріѣхала за тобою, милая Сонечка. Оставаться здѣсь, послѣ сдѣланной тобою потери, слишкомъ было-бы грустно и тяжело. Поѣдемъ ко мнѣ въ Петровское. Ты найдешь тамъ добрыхъ и милыхъ тебѣ людей: матушку свою, и тетушку Прасковью Васильевну. Онѣ, я думаю, завтра, или послѣ завтра, будутъ тамъ. — »Слѣдователью, благодаря Бога, маменька хорошо себя чувствуетъ?« — спросила съ радостію Софья. — Она, къ счастію, довѣрила себя искусному Доктору — отвѣчала Пронская — который угадалъ ея болѣзнь, и совершенно вылечилъ. Слава Богу! она перенесла объявленіе о смерти дочери гораздо лучше, нежели мы ожидали. Перекрестившись, сказала она, что »уже давно знакома ей мысль о вѣчной разлукѣ съ Катериною. Невозможно было выдержать Катеринѣ столь мучительное состояніе. Богъ ми-

лостивъ, что прекратилъ страдальческую жизнь ея!« Послѣ того просила, чтобы ей заложили карету, отправилась въ церковь, и возвратилась оттуда съ заплакашными глазами. Между тѣмъ, мы посылали за Докторомъ, который, пощупавъ ея пульсъ, сказалъ, что никакой перемѣны въ ней не находитъ, и только изъ предосторожности прописалъ онъ лекарство, съ тѣмъ, чтобы она приняла, ежели почувствуетъ себя дурно. Маменька твоя говорила намъ, что смерть Катерины ее не огорчастъ, потому, что претерпѣвъ столько несчастій въ здѣшнемъ мірѣ, и окончивъ земное поприще свое, какъ должно Христіанкѣ, она вѣрно предстоитъ теперь предъ престоломъ Божіимъ, какъ праведница. При томъ-же, надобно вспомнить, какая-бы жизнь предстояла ей, послѣ преступленія, совершеннаго ея мужемъ! Но я должна признаться — продолжала твоя маменька — что Софья

меня очень безпокоить. Она была свидѣтельницею болѣзни и смерти любимой сестры и друга — каково ей бѣдной было! — Не хочу скрывать отъ тебя, милый другъ, Сонечка — прибавила Пропская — что и я не менѣе твоей маменьки безпокоилась о тебѣ. Я не люблю откладывать того до завтра, что можно сдѣлать сегодня. Въ то-же время, какъ почтенная ваша старушка поѣхала въ церковь, послала я взять подорожную, привесть лошадей, и тотчасъ велѣла укладываться. Люди мои, и старая моя Василиса, привыкли къ моему нраву. Тотчасъ все было готово. Я сообщила маменькѣ твоей планъ мой, который уже былъ одобренъ Прасковьею Васильевною; сказала ей, что сей часъ отправляюсь за тобою, и привезу къ себѣ въ Петровское, и чтобы онѣ, обѣ вмѣстѣ, ѣхали туда-же, гдѣ найдутъ общую нашу дочь, и несчастныхъ спроть Аглаева. Я увѣрена, что ты возмешь

ихъ съ собою, и заступишь имъ мѣсто матери? — »Милая, добрая маменька!« отвѣчала Софья, бросившись со слезами обнимать ее. — »Я была наперед увѣрена, что вы одобрите обѣщаніе, данное мною, и Николаемъ Дмитріевичемъ, при послѣднемъ вздохѣ покойницы, принять подъ наше покровительство бѣдныхъ ея сиротъ!« — Да, помилуй, мой другъ: кому-жъ ближе, если не тебѣ, съ будущимъ твоимъ супругомъ, принять на себя эту обязанность?

На другой день, рано утромъ, Проиской уѣхалъ впередъ, чтобы распорядиться къ пріятію милыхъ гостей. Черезъ нѣсколько часовъ, и онѣ, съ сиротами Аглаевыхъ, туда-же отправились. Проиская, уважая горесть Софьи, не говорила ей ни слова, въ томъ домѣ, гдѣ такъ недавно умерла ея сестра, что по условію и согласію съ ея матерью, предположено было совершить свадьбу Проиского, безъ всякимъ цере-

монiй, чрезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ
въ Петровское. Но Елисаветѣ сообщила
она объ этомъ тайно, отъ Софьи, и
приглашала ее, вмѣстѣ съ мужемъ, по-
спѣшить къ нимъ въ деревню; отпра-
вила также, съ нарочнымъ, письмо о
томъ-же къ Алексѣю Холмскому, отъ
его матери.

ГЛАВА IX.

Счастливы тѣ, кои соединяются неразрывными узами супружества по любви и по разсудку.

Карамзинъ.

Пронскій съ восторгомъ вспрѣтилъ будущую свою супругу. Вић себя отъ радости, цѣловалъ онъ попеременно руки, то у нея, то у своей мачихи. Обширный домъ представлялъ всю удобность къ спокойному помѣщенію ожидаемыхъ гостей. Вездѣ, все, до самой бездѣлицы, было придумано и заблаговременно прислано самою Пронскою изъ Москвы. Черезъ нѣсколько часовъ пос-

лѣ ихъ пріѣзда, прибыли Холмская и Свіяжская. Свиданіе Софьи съ матерью было очень нягостно для нихъ обѣихъ; особенно старушка горько плакала, увидѣвъ своихъ внучковъ. Но чѣмъ долѣе живемъ мы на свѣтѣ, тѣмъ болѣе знакомимся съ мыслію о смерти, и огорченіе у старыхъ людей не столь уже сильно дѣйствуетъ, какъ у молодыхъ. Холмская постепенно успокоилась.

Послѣ ужина, когда Пронскій отправился въ свою комнату, мачиха его, обнимая и цѣлуя Софью, просила не отказать ей въ одной убѣдительнѣйшей просьбѣ. »Можете-ли вы думать,« отвѣчала Софья, »чтобы я въ чѣмъ нибудь могла отказать вамъ, когда я, Богъ знаетъ, какъ васъ люблю, и неумѣю раздѣлять васъ въ моемъ сердцѣ съ моею маменькою?« — Ежели такъ, то, да будетъ тебѣ извѣстно, что маменька и родные твои согласны, чтобы мнѣ черезъ нѣсколько дней назвать

тебя настоящею дочерью. Конечно, я уважаю твою потерю; дѣлать праздники и церемонную свадьбу было-бы неприлично; но мы безъ всякой гласности, въ присутствіи только родныхъ твоихъ, обвѣнчаемъ васъ. Не отказывай, мой другъ, милая Сонечка! — продолжала Пронская, смотря ей прямо въ глаза, съ умоляющимъ видомъ. — У меня, право, какъ гора съ плечь свалится, когда я буду видѣть тебя женою моего сына. Я, по глупости и легковѣрію моему, вишовата, что ты уже давно не принадлежишь ему. Меня это мучитъ, и я тогда только успокоюсь, когда вы обвѣнчаетесь. — »Ежели маменькѣ угодно, то мнѣ говорить нѣчего,« отвѣчала Софья, съ потупленными глазами. — Ты и меня утѣшишь и успокоишь — сказала Холмская. — Мнѣ недолго остается жить на свѣтѣ, и я желаю поскорѣе нарадоваться, смотря на васъ. А что ты будешь сча-

стлива, въ этомъ и сомнѣваться нельзя. Самъ Богъ посылаетъ тебѣ такого отличнаго человѣка, а мнѣ подъ старость даетъ утѣшеніе.—Свіяжская также присоединила свои убѣжденія, и свадьбу рѣшительно назначили черезъ нѣсколько дней. Прокая расцѣловала Софью, и не могла выдержать — пошла въ комнату пасынка своего, разбудила его, и сообщила ему свою радость. Благодарность и восхищеніе его было-бы излишне описывать.

На другой день пріѣхалъ Алексѣй Холмскій, извинялся, что жена его, беременная, на сносяхъ, не могла ему сопутствовать. Вскорѣ прибылъ Князь Рамирскій, съ женою; ожидали только сестру Прокаго, Свѣтлашину. Мужъ ея былъ въ отсутствіи, въ степныхъ деревняхъ, и не могъ явиться на свадьбу. Ея Сіятельство, Графиня Наталья Васильевна Клешнина, была приглашена, но отказалась, за болѣзнію Графа, своего су-

круга, и никто не былъ огорченъ ея опказомъ.

Большое затрудненіе предстояло въ томъ: кого просить въ посаженные отцы къ Софьѣ? Алексѣй былъ родной братъ; но Князь Рамирскій былъ старѣе и почетнѣе его; боялись, что онъ обидится. Проискій разрѣшилъ это дѣло. Алексѣй назначенъ былъ въ посаженные отцы къ Софьѣ, а Елисавета въ матери. Князь Рамирскій, съ Свѣтланиною, приглашены были въ то-же званіе къ Проискому.

Наканунѣ свадьбы, Софья имѣла важный и продолжительный разговоръ, наединѣ, съ Свіяжскою. Поводомъ къ сему было сообщенное ею извѣстіе, что Князь Фольгинъ уже рѣшительно развелся съ своею женою, и предался гласному распутству, въ которое вовлекла его извѣстная, обвенчалая кокетка, Лелева, бывшая давно въ тайной связи съ нимъ. Софья очень помнила, что безстыдство ея служило поводомъ къ опъѣзду ихъ изъ подмосковной Князя Фольгина.

»Ахъ милая тетушка!« сказала со вздохомъ Софья. »Куда ни обращаюсь, повсюду вижу несчастливыя супружества. А я принимаю на себя эту тягостную обязанность! Признаюсь вамъ, сколько ни увѣрена я въ томъ, что женихъ мой добрѣйшій и почтеннѣйшій человѣкъ, и что онъ меня любитъ, но за всѣмъ тѣмъ, съ какимъ-то невольнымъ трепетомъ вступаю я на это поприще. Часто спрашиваю себя: не слишкомъ-ли я горда, и по какому праву надѣюсь, что для меня будетъ исключеніе изъ общаго правила?«

— Тяжело думать, милый другъ мой — отвѣчала Свіяжская — что несчастіе есть *общее правило* для супружества. Разсмотри сама хладнокровно и безпристрастно, и ты согласишься, что причиною несчастныхъ супружествъ бываетъ собственное невниманіе, и недостатокъ размышленія. Но ты, другъ мой, говоря безъ всякой лести, смотришь на вещи въ настоящемъ ихъ видѣ; ты при-

выкла всегда прежде обдумать, и потомъ уже дѣйствовать. Отъ того никогда не сдѣлала ты никакого неосторожнаго поступка. Ты сама знаешь, что я не большая партизанка супружества; но я говорю тебѣ прямо отъ души. Мнѣ кажется, что никто въ мірѣ не имѣешь столько способовъ наслаждаться истиннымъ семейнымъ блаженствомъ, какъ ты. Будущій супругъ твой, точно, достоинъ тебя во всѣхъ отношеніяхъ. Вы любите другъ друга. Разумѣется, страстная любовь его къ тебѣ не можетъ продолжиться весь вѣкъ; но у васъ большое сходство въ нравахъ, а это вѣрнѣйшій залогъ взаимнаго вашего благополучія. Достаточное состояніе не есть еще необходимое условіе къ счастію; однакожъ, нельзя отвергнуть, что оно много, очень много ему способствуетъ. Будущее во власти Божіей; но всѣмъ-же вѣроятностямъ, предвидѣть должно, что ваша супружеская жизнь будетъ благополучна. Еще

повторяю — большая часть несчастныхъ супружествъ происходитъ отъ недостатка *предусмотрительности*. Люди, ослѣпленные страстію, ничего *не видятъ*, ничего *не думаютъ* — и какія пагубныя послѣдствія бываютъ отъ того, что не размысливъ прежде, соединяются на вѣкъ неразрывными узами супружества!

»Мнѣ нельзя упрекнуть себя,« отвѣчала Софья, съ принужденною усмѣшкою, »что я необдумавши принимаю на себя священную обязанность супруги. Къ несчастію, мнѣ очень извѣстно, какія препятствія, какія тягостныя затрудненія предстоятъ на избираемомъ мною пути! Я выхожу за мужъ съ недовѣрчивостію къ самой себѣ, съ пламеннымъ желаніемъ способствовать благополучію моего мужа, и съ твердымъ намѣреніемъ исполнить въ полной мѣрѣ, и во всѣхъ отношеніяхъ, долгъ мой. Не смотря на то, если я даже не увижу взаимности,

отъ человѣка, который будетъ постоянным предметомъ моихъ усилій, и если Богъ поможетъ мнѣ свершить все, на что я рѣшаюсь, принимая на себя обязанность супруги, и за всѣмъ тѣмъ не достигну я моей цѣли, то, въ утѣшеніе мое останется, что не сама я буду причиною моего несчастія.«

— Съ такими чувствами, съ твердостію твоихъ правилъ, и съ тою властію, которую ты уже давно приобрѣла надъ собою, я не опасаюсь, чтобы ты могла быть несчастлива. Богъ, да благословитъ и подкрѣпитъ тебя, милый другъ мой, дочь избранная моимъ сердцемъ! — сказала Свіяжская. Она и Софья, со слезами, бросились въ объятія другъ друга.

Въ день свадьбы своей, Софья встала очень рано, долго молилась, и не выходила изъ своей комнаты. Потомъ, вмѣстѣ съ матерью, ѣздила она къ обѣдни; отслужила панихиду за упокой от-

ца и сестры Катерины, прикладывалась къ иконамъ, и со слезами, бросившись невольно на колѣни, умоляла Бога, да поддержитъ ее, и осѣнитъ святымъ покровомъ своимъ. Твердая увѣренность на благость и помощь Божію придала ей мужества. Она не находила нужнымъ, по общему обычаю невѣстъ, провести весь день въ слезахъ, и ничего не ѣсть. Обыкновенный образъ ея жизни ничѣмъ не былъ нарушенъ, и ежели за обѣдомъ она почти ничего не ѣла, то не потому, что этого требовалъ обычай, а ей, просто, не хотѣлось ѣсть. Она была въ какомъ-то неизъяснимомъ умиленіи: всякую минуту готова была плакать, и при всемъ томъ, душа ея была полна радостію и счастіемъ.

Она умѣла отдать всю справедливость жениху своему, за нѣжность и вниманіе его. Не безпрестанно подходилъ онъ къ ней, съ изъявленіями въ любви и нѣжности своей. Онъ попи-

малъ, что происходитъ въ душѣ Софьи, потому, что и самъ былъ въ такомъ-же положеніи. Какое-то небесное удовольствіе сіяло во всѣхъ чертахъ лица его, съ восторгомъ смотрѣлъ онъ на свою невѣсту, но также готовъ былъ плакать отъ радости. Въ послѣдствіи времени, часто вспоминалъ онъ день свадьбы своей, и находилъ, что Жуковскій описалъ всего лучше сердце человѣческое, сими словами: »можно-ли забыть тѣ сладкія чувства, которыми »животворится душа наша въ лучшіе »годы жизни, которыми здѣшній міръ »претворяется для насъ въ царство »небесное!«

Проскій проснулся въ день свадьбы также очень рано; онъ не могъ оставаться въ своей комнатѣ; голова его кружилась, душевное волненіе, и какое-то неизъяснимое, сладостное безпокойство, заставили его выйдти на воздухъ, и гулять. Съ вечера условился онъ съ

мачихою ѣхать также къ обѣднѣ, только не въ свой приходъ, за тѣмъ, чтобы не развлекать Софьи, и предоставить ей на свободѣ предаться чувствамъ усердной молитвы. Уже давно карета была готова, но человѣкъ, посланный отыскивать Пропскаго, не возвращался. Нетерпѣливая мачиха его, безпокоясь, не случилось-ли съ нимъ чего нибудь, отправилась сама, и нашла его въ отдаленномъ мѣстѣ сада, стоящаго на колѣняхъ, въ пламенной молитвѣ къ Богу. Она бросилась въ его объятія, увѣряя, что непремѣнно будетъ онъ счастливъ, потому, что именно съ тѣми чувствами, какъ должно, принимаетъ на себя важную обязанность супруга и отца семейства.

Послѣ обѣда всѣ разошлись по своимъ комнатамъ. Дамы занялись туалетомъ невѣсты, которая была въ глубокой задумчивости, ничего не чувствовала, и не понимала, что съ нею дѣлаютъ. Княгиня Рамирская имѣла всю свободу показать

отличныя познанія свои въ томъ, какъ должно одѣваться; нѣсколько разъ примѣривала она Софьѣ подвѣнечное платье; велѣла иное подшить, другое распустить; прическа невѣсты также нѣсколько разъ перемѣнялась: то казалось Елисаветѣ, что лучше такъ, то иначе. Софья безмолвно повиновалась ея распоряженіямъ.

Наконецъ, все было готово, и кареты подвезены къ крыльцу. Дѣло стало за однимъ только Княземъ Рамирскимъ, который долго не являлся въ гостиную, гдѣ всѣ уже собрались. Не смотря на то, что свадьба назначена была безъ всѣхъ церемоній, Князь думалъ, что поступитъ весьма невѣжливо противъ Его Превосходительства, Николая Дмитріевича, сдѣлавшаго ему честь приглашеніемъ въ посаженные отцы, если не надѣнетъ своего драгунскаго мундира, съ которымъ былъ отставленъ. Камердинеръ его забылъ что-то необходимонужное для драгун-

скаго туалета, и съ вечера посланъ былъ нарочный. Князь Рампрскій приходилъ въ отчаяніе, что онъ не возвращается, и думалъ даже сказаться больнымъ. Наконецъ, прискакалъ посланный, и Князь, въ полномъ парадѣ, явился въ гостиную, восхищаясь тѣмъ, что судьба доставила ему совсѣмъ неожиданную честь, быть у двухъ Генераловъ посаженымъ отцомъ.

Жениха повела къ себѣ комнату мачиха его, благословлять Образомъ. Съ чувствомъ сердечнымъ, съ глазами, полными слезъ, приложился онъ къ Образу, и хотѣлъ было изъяснять мачихѣ, сколь много душа его преисполнена благодарности къ ней. Но она не дала ему окончить, бросилась цѣловать его, увѣряя, что родной сынъ не могъ-бы ей быть лучше и милѣе его. »Но, полно изъясняться,« прибавила она, »мы понимаемъ другъ друга; пора ѣхать въ церковь!« Пронскій, вмѣстѣ съ нею, и посаженными отцомъ и матерью, отправились впередъ.

Гораздо трогательнѣе сцена происходила въ гостиной, гдѣ благословляли Софью. Съ ея матерью сдѣлалась дурнота, когда Софья, приложась къ Образу, стала цѣловать ея руку, и просила присоединить свои молитвы о благословеніи союза. Старушкѣ дали понюхать спирту, и она скоро опомнилась. »Другъ мой, единственное утѣшеніе мое въ жизни! Богъ видитъ мое сердце,« сказала Холмская. »Оно преисполнено благодарностію, за то, что онъ далъ мнѣ тебя, въ услажденіе горестей моихъ! Ты будешь счастлива, непремѣнно будешь! Родительскія, душевныя, усердныя молитвы доходятъ до престола Божія. Почтительная дочь, добрая родная, хорошая Христіанка — несчастлива быть не можетъ!« Послѣ того просила Софья, чтобы и Свіяжская, бывшая сей всю жизнь ея второю матерью, также ее благословила. Старушка взяла Образъ, но отъ слезъ ничего сказать не могла; Елисавета рыдала; самъ хладнокровный Алексѣй прослезился

Старая Холмская очень желала находиться въ церкви, во время вѣнчанья Софьи, но не рѣшалась, зная, что никогда въ такихъ случаяхъ матери не бываютъ въ церквахъ. Пронская возставала противъ сего предразсудка, утверждая, что никакими церковными постановленіями не запрещено матери присутствовать при самой торжественной эпохѣ жизни дочерней. Холмская, съ ея одобренія, поѣхала, вмѣстѣ съ Свіяжскою, стала въ отдаленномъ углу церкви, и во все время вѣнчанія молилась Богу, стоя на колѣняхъ, и со слезами. Она представляла собою въ это время олицетворенное благочестіе.

Церковь была освѣщена, и наполнена сосѣдними помѣщиками, съ женами ихъ и дочерьми. Приходъ былъ большой, и сверхъ того, иные верстъ за 10-ть пріѣзжали смотрѣть Генеральскую свадьбу. Насилу могъ женихъ, съ провожатыми своими, продраться въ тѣснотѣ.

Князь Рамирскій кстати надѣлъ мундиръ. Онъ пошелъ впередъ, очищать дорогу, увѣряя, что ежели не дадутъ мѣста женихну, то ничего и не увидятъ. Архіерейскіе пѣвчіе (за которыми Прокская нарочно посылала въ губернскій городъ, зная, что ничто столько не внушаетъ благочестія, и не располагаетъ души къ молитвѣ, какъ хорошее и согласное пѣніе), по прибытіи жениха, запѣли концертъ. Вскорѣ послѣ того объявили о пріѣздѣ невѣсты. Всѣ бросились на встрѣчу къ ней, и чуть было не сбили съ ногъ жениха и не повалили налоя. Князь Рамирскій опять вступилъ въ должность церемоніймейстера, очищалъ дорогу, и вывелъ жениха на паперть, на встрѣчу невѣстѣ, которую велъ за руку посаженный отецъ ея, братъ Алексѣй. Пѣвчіе запѣли: *Гряди, гряди во имя Господне*, и церковный обрядъ бракосочетанія начался.

Софья не помнила себя, и не знала,

что съ нею происходитъ. Послѣ того разсказывала она, что такъ углубилась въ самое себя, устремивъ глаза свои на икону Спасителя, въ иконостасѣ, что Онъ казался ей живой и благословляющій ее. Между тѣмъ, хладнокровные зрительницы толпились кругомъ налоя, разсуждали о платьѣ и прическѣ невѣсты; иныя находили, что она гораздо лучше жениха своего; другія утверждали противное. Одна, сзади стоявшая барышня, сама давно имѣвшая виды на Пронскаго, говорила, что удивляется, какъ съ такимъ состояніемъ, съ Генеральскимъ чиномъ, въ звѣздѣ, и съ прекрасною наружностію, могъ онъ выбрать подобнаго урода, и притомъ еще безъ приданаго! Алексѣй Холмскій, близь котораго эта дувушка, такъ благоразумно, и такъ кстати, разсуждала, имѣлъ глупость разсердиться на нее, и наговорить ей грубостей. Она, съ своей стороны, не осталась въ накладѣ, и угрожала ему, что

братъ ея пріѣдетъ объясниться съ нимъ, вмѣсто ея. Насилу Холмскій опомнился, и сказалъ ей, что въ церкви неприлично браниться, и что онъ готовъ видѣться съ ея братомъ, а теперь ничего уже болѣе отвѣчать ей не станетъ. Но никакого брата у этой разсудительной барышни не было, и все кончилось ничѣмъ. Еще нѣсколько дамъ перессорилось между собою за то, что всякая лѣзла впередъ, и въ тѣснотѣ онѣ толкали другъ друга. Но все это весьма обыкновенно, и почти всегда бываетъ, и въ городахъ и въ деревняхъ, на свадьбахъ, хотъ нѣсколько извѣстныхъ людей.

Общее вниманіе обращено было на то, кто прежде ступитъ на подножіе — женихъ, или невѣста. Этотъ предразсудокъ былъ за нѣсколько дней до свадьбы предметомъ шутки Пронской. Она уговаривала Софью стать прежде жениха, а Холмская очень важно убѣждала

ее отнюдь этого не дѣлать, потому, что и въ Апостолѣ сказано: *А жена, да боится своего мужа.* Пронскій самъ рѣшилъ сей *важный* предметъ спора, тѣмъ, что имъ должно обоимъ стать въ одно время, въ ознаменованіе того, что въ супружествѣ должны быть равныя права; повелителемъ же обоихъ долженъ быть здравый разсудокъ: кто лучше придумаетъ, того и слушаться.

По совершеніи обряда бракосочетанія, внѣ себя отъ радости, Пронская требовала, чтобы прежде всего поцѣловала Софья своего *мужа.* Вся покраснѣвъ, но безъ отговорокъ и принужденія, исполнила она это приказаніе, хотя *мужъ* смѣшался еще болѣе *жены.* Она была для него какимъ-то Ангеломъ, какимъ-то эфирнымъ существомъ — онъ самъ не вѣрилъ своему счастію. Потомъ Пронская схватила пасынка своего, и начала цѣловать его въ глаза, щеки, губы,

говоря, что, слава Богу, наконецъ она успокоилась, и можетъ свободно вздохнуть, потому, что заслужила передъ нимъ вину свою. Софью обнимали и цѣловали мать ея, Свіяжская, сестра, братъ; всѣ были въ полной радости, и *молодые* поперемѣнно переходили изъ рукъ въ руки. Сама разсудительная Свіяжская предалась влеченію своего сердца, цѣловала Прокаго, и называла его другомъ и сыномъ своимъ.

Между тѣмъ кареты были готовы; молодая осталась, по обыкновенію, служить молебенъ, а супругъ ея, съ мачихою своею, сестрою, и съ Княземъ Рамирскимъ, спѣшили домой, чтобы встрѣтить новую хозяйку съ хлѣбомъ и солью.

Домъ былъ весь освѣщенъ. У подъѣзда стояло множество крестьянъ Прокой, и изъ другихъ деревень, собравшихся, посмотрѣть на молодыхъ, какъ они пріѣдутъ. Нѣкоторыя дамы и барышни для того-же спѣшили изъ церкви послѣ вѣ-

чанья. Ихъ любопытство завлекло даже, черезъ дѣвичье крыльцо, въ домъ, гдѣ онѣ убѣдили старую служанку и экономку Пронской, Василису, пустить ихъ въ спальню новобрачныхъ, посмотрѣть, какова кровать, и прочее приданое. Все недавно было привезено изъ Москвы, и носился слухъ, что съ одной стороны Пронская, а съ другой Свіяжская, не пожалѣли денегъ. Въ самомъ дѣлѣ, все было прелестно, и отдѣлано по послѣдней модѣ. Обозрѣть такія чудеса совсѣмъ не шутка, и любопытство дамъ въ семъ случаѣ было весьма позволительно, тѣмъ болѣе, что обозрѣніе спальни могло послужить имъ предметомъ разговоровъ на нѣсколько дней.

Когда всѣ усѣлись въ гостиной, и начали подавать чай, Пронская, увидѣвъ въ спальнѣ много незнакомыхъ ей дамъ, разсматривающихъ приданое, сама вышла къ нимъ, сказала имъ нѣсколько привѣтствій, и подчивала ихъ чаемъ. Ме-

жду тѣмъ Свіяжская подошла къ Софьѣ. »Милый другъ мой!« сказала она. »Я хочу сообщишь тебѣ еще одно старинное правило, которое часто повторялъ покойный мой батюшка, а ему передано было оно отъ его отца: »Мужъ съ женою должны съ перваго дня начать »жить между собою такъ, какъ они рас»полагаютъ провести весь вѣкъ.« Размысли хорошенько объ этомъ правилѣ, во всѣхъ его отношеніяхъ. Оно заключаетъ въ себѣ глубокую истину.« — Вамъ извѣстны, тетушка, всѣ сокровенныя чувства моего сердца. Вы знаете, что я призываю ежедневно Бога на помощь твердому намѣренію моему составить счастіе того, кому я ввѣрила навсегда судьбу мою — отвѣчала Софья, посмотрѣвъ съ нѣжностію на своего мужа. Ироскій прежде не вслушался въ слова Свіяжской; но когда она повторила ихъ, онъ бросился цѣловать руки Софьи, говоря, что любовь его, довѣренность,

уваженіе, привязанность къ ней, окончался только съ послѣднимъ его вздохомъ. »Вѣрю, и отъ души вѣрю тебѣ, любезный другъ мой!« продолжала Свіяжская. »Вы оба собственные мои, настоящіе, истинные *красавцы*. Вамъ извѣстно, въ чемъ именно почитаю я красоту.« Въ это время подошла къ нимъ Пронская. »Смотри только Сонечька,« прибавила съ усмѣшкой Свіяжская — »берегись свекрови своей. Это сварливая, неугомонная, злая интриганка. Старайся ей угодить!« Софья начала цѣловать ея руки, увѣряя, что она умѣетъ отдать ей всю цѣну. »А ты, милая, добрая, почтеннѣйшая женщина,« сказала отъ души Пронская, обращаясь къ Свіяжской, и взявъ ее за руку — »повѣрь, что я чувствую все, что ты для насъ сдѣлала!« Онѣ обѣ, отъ всего сердца, поцѣловали другъ друга.

ГЛАВА X.

Самая главнѣйшая наука для человѣка есть познаніе того, въ чемъ состоятъ истинныя обязанности его въ здѣшней жизни, въ отношеніи къ себѣ и къ другимъ.

* * *

»Несколько дней послѣ свадьбы пробыли родные Софьи у молодой. Князь Рамирскій забылъ свое хозяйство, и домашнее горе; Алексѣй, увлеченный ласковостію *Его Превосходительства*, новаго родни, остался долѣе, чѣмъ предполагалъ, а объ Елисаветѣ и говорить нѣчего: она страстно любила Софью, притомъ-же дома была ей несносна

скука. Чичисбей ея, Кокондовъ, находился въ отлучкѣ, и по дѣламъ своимъ жилъ въ Москвѣ.

Наконецъ всѣ разъѣхались; остались молодые только съ мачихою, и съ сестрою Пропскаго, Свѣтланиною. Старая Холмская собиралась было также домой, но никакъ не могла рѣшиться разстаться съ внуками, сиротами Катерины. Она охотно согласилась на предложеніе новаго зятя, который просилъ ее совсѣмъ переселиться къ нему. Свіяжская хотѣла-бы подолѣе прожить у *душевныхъ дѣтей своихъ* (такъ она называла Пропскихъ), но положеніе несчастной воспитанницы ея, Княгини Фольгиной, которая совсѣмъ развелась съ мужемъ, и жила, съ дѣтьми своими, въ домѣ Свіяжской, въ Москвѣ, заставило ее поспѣшить отъѣздомъ, чтобы утѣшить и подкрѣпить Фольгину совѣтами и пособіемъ своимъ.

Софья скоро привыкла къ новому своему состоянію. Въ твердомъ намѣреніи

устроить благополучіе жизни на прочномъ основаніи, она поставила себѣ обязанностію узнать въ полной мѣрѣ характеръ своего мужа. Въ женихахъ былъ онъ влюбленъ; всякое желаніе Софьи почиталъ для себя закономъ; слѣдовательно, нельзя было сдѣлать настоящаго заключенія объ его характерѣ. Но Софья знала, что *обожаніе* не можетъ и не должно быть въ мужьяхъ, и что въ домашней, семейственной жизни, первый долгъ жены стараться угодливостію, и предупрежденіемъ желаній мужа, отвратить даже малѣйшій поводъ къ непріятностямъ. Конечно, непрерывное вниманіе и безпрестанныя усилія надъ собою, были сначала довольно тягостны для Софьи, потому, что она привыкла къ независимой жизни, и пользуясь общимъ уваженіемъ въ семействѣ, имѣла надъ всѣми поверхность; теперь-же ей слѣдовало смиряться, и почитать волю другихъ себѣ закономъ. Но она была готова на всѣ

возможныя пожертвованія для достиженія цѣли своей — успокоить и составить счастіе любезныхъ для нея людей, мужа и доброй свекрови.

Она вскорѣ увѣрилась, что мужъ ея былъ великодушенъ, добръ, имѣлъ душу благородную и возвышенную; но при всемъ томъ былъ онъ нѣсколько вспыльчиваго и нетерпѣливаго характера. Сверхъ того, живши въ молодости на свободѣ и независимо, имѣлъ нѣкоторыя странныя привычки, хотя, по добротѣ своей, всякое снисхожденіе къ его слабостямъ принималъ съ величайшею благодарностію, и готовъ былъ за то самъ въ десятеро болѣе угождать тѣмъ, кто оказывалъ къ нему вниманіе. Софья все это видѣла, и сообразно съ этимъ дѣйствовала. Должно было однакожъ имѣть ея благоразуміе и предусмотрительность, чтобы не употребить во зло власти и поверхности, которыя пріобрѣла она надъ мужемъ и свекровью своею, особенно въ первые мѣ-

сяца супружества. Она знала, что властолюбіе можетъ усилиться, ослѣпить, и завлечь весьма далеко, и что послѣдствія сего порока бываютъ весьма пагубны. Рано или поздно, иго будетъ свергнуто, а уваженіе и любовь мужа, уже навсегда и невозвратно, потеряны.

Послѣднее правило, сообщенное Софьѣ Свіяжскою, чтобы жена начинала съ перваго дня супружества жить точно такимъ образомъ, какъ располагаетъ провесть весь свой вѣкъ, сдѣлало на нее сильное впечатлѣніе. Обдумавъ правило это, во всѣхъ его отношеніяхъ, увѣрилась Софья, что точно заключаетъ оно въ себѣ глубокую истину. Рѣшившись посвятить всю жизнь на счастіе мужа, и будущаго своего семейства, съ перваго дня расположилась Софья постоянно стремиться къ одной цѣли. Но не низкую лесть, слабость, и безусловную услужливость, вознамѣрилась она употребить орудіями своими, а здравый

разсудокъ, и настоятельность въ томъ, что умъ ея и сердце одобряли. Отъ природы имѣла она тихій, преклонный, мягкій характеръ, но признала нужнымъ вооружиться твердостію, чтобъ не быть подвластною капризамъ другихъ, наблюдая однакожъ безпрерывно за собою, и отдавая ежедневно отчетъ самой себѣ, чтобы всѣ сіи, самыя ближайшія средства къ пріобрѣтенію общаго уваженія, не обратились въ упрямство и своевольство. Впрочемъ, никогда не настаивала она, и не спорила о бездѣлицахъ, не имѣла никакихъ *претензій*, и не требовала отъ другихъ никакой угодливости, но всегда принимала съ благодарностію знаки вниманія къ ней. Софья соблюдала величайшій порядокъ въ своемъ домѣ, утверждая, что порядокъ есть первое основаніе спокойствія и счастія въ семейственной жизни. Но ежели мужъ ея хотѣлъ какой нибудь перемѣны въ обыкновенныхъ занятіяхъ дня, она тот-

часъ соглашалась съ нимъ, имѣла все-возможное вниманіе, какъ угодить ему даже въ малѣйшихъ бездѣлкахъ, охотно слушала разсказы и анекдоты объ его молодости. Онъ былъ добръ и готовъ на помощь; она утверждала въ немъ сіе чувствіе, и сама помогала ему дѣлать добро. Впрочемъ, Софья имѣла всѣ дарованія, которыя столь много способствуютъ къ украшенію уединенной, домашней жизни, пѣла превосходно, играла на фортепіано, рисовала, была мастерица во многихъ женскихъ рукодѣльяхъ. Вышедши замужъ, она не кинула всего этого, по примѣру всѣхъ молодыхъ женщинъ, но продолжала совершенствовать себя, тѣмъ болѣе потому, что мужъ ея былъ охотникъ до музыки, и съ большимъ удовольствіемъ слушалъ ее. Прокій умѣлъ отдать ей должную справедливость; уваженіе, довѣренность и привязанность его къ ней, день отодня увеличивались. Софья была счастлива въ

полной мѣрѣ, и внутренно сознавалась въ ложномъ своемъ заключеніи, что благополучныя супружества существовать не могутъ. Однакожъ увѣрилась она и въ томъ, что безъ душевныхъ усилій и внимательнѣйшаго наблюденія за собою, счастливою быть нельзя.

Обращаясь къ другимъ особамъ, отъ которыхъ зависѣло нѣкоторымъ образомъ благополучіе семейственной жизни, то есть, къ роднымъ своего мужа, увидѣла Софья, что хотя мачиха ея, такъ сказать, *составлена была вся изъ добра*, готова была всѣмъ пожертвовать для другихъ, однакожъ имѣла также свои *фантазіи*, была довольно вспыльчива, скора и исодумчива; всякая бездѣлица могла ее привесть въ восторгъ, или повергнуть въ уныніе. Но Софьѣ легко было поладить съ нею, потому, что она отъ души любила ее; да и невозможно было не любить, за необыкновенную доброту, и, можно да-

же сказать, за самоотверженіе себя для другихъ. Впрочемъ, и угодить старушкѣ было совсѣмъ не мудрено, ибо она имѣла самыя умѣренныя желанія. Она любила, напримѣръ, чтобы къ кофе подавали ей густыя, свѣжія сливки; чтобы за столомъ былъ хорошо уваренный квасъ; чтобы карета ея была поутчасъ готова, когда она спроситъ, и прочія такія-же мѣлочи. Софья занималась всемъ этимъ вздоромъ, и Пропская съ благодарностію принимала ея услуги. Притомъ-же она видѣла, что милый *Николушка* ея счастливъ, а этого одного достаточно было для боготворенія Софьи.

Что касается до сестры Пропскаго, Свѣтланиной, Софья скоро увѣрилась, что очень ошиблась въ первомъ заключеніи своемъ о добротѣ и превосходныхъ ея качествахъ. Она вскорѣ увидѣла, что Свѣтланина — хитрая, властолюбивая женщина, и большая интри-

гашка. Съ какою цѣлью, и для чего нужно ей было интриговать, и искать случая ссорить брата съ женою, Софья не могла постигнуть. Но, увы! многіе, очень многія женщины, не имѣя никакой цѣли, хлопочутъ изъ одного только удовольствія ссорить, а иныя, не имѣя въ виду даже и этого удовольствія, просто, отъ неосторожности, отъ недостатка размышленія, отъ болтовства, посѣваютъ вражду между супругами! Впрочемъ, это не могло относиться до Свѣтланиной: она имѣла цѣлью, возбудить неудовольствіе между новобрачными для того, чтобы къ ней, какъ женщинѣ опытной, отнеслись они оба, и чтобы приняв роль посредницы и примирительницы, можно ей было пріобрѣсть поверхность надъ ними, и забрать ихъ въ свои руки. Опять повторимъ: на что-бы, кажется, употреблять такія хитрости? Не лучше-ли, идя прямою дорогою, снискать

ихъ уваженіе и довѣренность? — Но разсудительность есть *великая и необыкновенная добродѣтель во женщинѣ* — немногія, и весьма немногія одарены ею! Софья тотчасъ прошикла планъ нападенія Свѣтланиной, и очень искусно отразила его.

»Мнѣ никогда не удавалось долго жить вмѣстѣ съ братомъ,« сказала однажды Свѣтланина, оставшись съ Софьею наединѣ — »Я даже не подозрѣвала, что у него не совсѣмъ хорошій характеръ, и что онъ также изволитъ имѣть свои собственныя *фантазіи* и *капризы*. Я совѣтовала-бы тебѣ, любезная сестра, взять свои мѣры.«

— Какъ? Мой Николай Дмитріевичъ имѣетъ капризы, и характеръ не совсѣмъ хорошій? — возразила Софья. — Помилуй сестрица! Да объ немъ-ли ты говоришь? Можно-ли во всемъ мірѣ найдти человѣка добрѣе и снисходительнѣе его? Онъ всемъ доволенъ, всегда веселъ

и капризовъ рѣшительно никакихъ не имѣетъ, такъ, что ничего нѣтъ легче угодить ему, и ужиться съ нимъ! —

»Да развѣ не капризъ странная привязанность его къ своему старому, гадкому пуделю, которому позволяетъ онъ вездѣ ложиться, даже и въ гостиной, на креслахъ и на диванѣ? А въ кабинетѣ положена для этой собаки особая подушка, и онъ самъ кормитъ эту тварь! Какъ ты назовешь также и то, что онъ не можетъ разстаться съ своимъ замаранымъ и изодраннымъ шлафрокомъ, и желтыми, изношенными сафьянными сапогами, является по утру къ завтраку вмѣсто, какъ въ этомъ прелестномъ костюмѣ, требуетъ, чтобы ему подавали чай не въ чашкѣ, а въ стаканѣ — какъ ты все это назовешь? Это, просто, капризы, доказывающіе, что у него своевольный характеръ! Кажется, можно-бы, въ угодность молодой женѣ, преодолѣть себя.«

— Да на что-жъ ему преодолѣвать себя? Я увѣрена, что ежели-бы онъ замѣтилъ, что это дѣлаетъ мнѣ хотя малѣйшее неудовольствіе, тотчасъ-бы прогналъ собаку, перемѣнилъ шлафрокъ, и сталъ пить чай изъ чашки, а не изъ стакана. Но на что мнѣ требовать отъ него такого вздора, который ни сколько не способствуетъ моему благополучію? Очень-бы безразсудно было съ моей стороны огорчаться, и настаивать, чтобы онъ оставилъ столь маловажныя привычки. Мы твердо увѣрены во взаимной готовности на всякія пожертвованія другъ для друга! —

»Я очень рада, что ты такимъ образомъ разсуждаешь, но, повѣрь мнѣ, гораздо лучше заблаговременно принимать свои мѣры, и не допускать усиливаться его капризамъ. Послѣ тяжело будетъ искоренять ихъ. Я говорю тебѣ, какъ другъ, по опыту.«

— Воля твоя, любезная сестра, а я не вижу шутъ никакихъ его капризовъ и своевольства. Впрочемъ, ежели-бы онъ и въ самомъ дѣлѣ ихъ имѣлъ, то обязанность моя спосить все съ терпѣніемъ — сказала Софья улыбаясь, и преодолѣвъ справедливое негодованіе свое, потому, что она проникла цѣль разговора Свѣтланиной.

Свѣтланина, съ внутреннею досадою, увѣрилась, что нападеніе не имѣло успѣха. Она думала, что Софья тотчасъ послушается, и будетъ просить у нея совѣта, какъ дѣйствовать; потомъ предполагала, что братъ съ неудовольствіемъ примется замѣчанія жены своей, отнесется къ ней, и что оба изберутъ ее посредницею; она хотѣла воспользоваться этимъ случаемъ, и утвердить, власть свою надъ ними. Но она ошиблась въ разсчетѣ и предположеніяхъ. Однакожъ не показавъ никакого неудовольствія, обратила она разговоръ на другіе предметы.

Покушенія на брата, и стараніе возстановить его противъ Софьи, не только были также неудачны, но Пронскій не сохранилъ еще и хладнокровія жены своей, наговорилъ сестрѣ много непріятностей, и просилъ ее не вмѣшиваться въ семейныя его дѣла. Софья знала и видѣла всѣ штуки Свѣтланиной, но показывала видъ, будто ничего не замѣчаетъ, и не перемѣняла обращенія своего съ нею. Разумѣется, дружбы къ ней имѣть она не могла, но была по прежнему ласкова и предупредительна, и даже уговаривала мужа, который, не скрывая отъ ней никакихъ секретовъ, сообщилъ ей свою непріятность, примириться съ сестрою.

Послѣ первыхъ неудачныхъ опытовъ, Свѣтланина прекратила дальнѣйшія непріязненныя дѣйствія, и внутренно отдала всю справедливость незлобивому и Ангельскому характеру Софьи. Впрочемъ, онѣ и не могли часто видать-

сл; у Свѣтланиной было свое большое семейство.

По отъѣздѣ сестры Пронскаго, спокойствіе и счастіе Софьи ничемъ уже не было нарушаемо. Ежели иногда, какое нибудь мѣлочное невниманіе, или необдуманное слово, было поводомъ къ маловажнымъ неудовольствіямъ между супругами, то, слѣдуя правиламъ, сообщеннымъ Свіяжскою, они не показывали даже вида непріятности при свидѣтеляхъ, но оставшись наединѣ тотчасъ объяснялись, безъ всякихъ колкостей; виноватый просилъ прощенія, и все заключалось поцѣлуемъ. Они исполняли въ полной мѣрѣ Христіанское правило: *Да не зайдетъ солнце во гнѣвѣ вашемъ.*

Софья имѣла еще весьма затруднительную и тягостную обязанность: воспитаніе дѣтей покойной сестры своей. Съ неудовольствіемъ видѣла Софья, что бабушка безсовѣстно балуетъ ихъ, и безпрестанно порчитъ все, что она

для исправленія ихъ дѣлаетъ. Нѣсколько разъ, съ должною почтительностію, говорила Софья матери своей объ этомъ и доказывала, какія несчастныя послѣдствія могутъ быть отъ ея баловства. Старушка соглашалась, находила доказательства Софьи весьма справедливыми, сама совѣтовала ей заняться исправленіемъ, и обѣщала съ своей стороны помогать. »Бѣдные, несчастные сироты!« говорила она, со слезами. »Что-бы съ ними было, ежели-бы самъ Богъ не послалъ имъ Ангеловъ-хранителей! Богъ наградитъ тебя, милая моя Сонечка, за то, что ты не отказалась быть матерью ихъ, и ты точно исполняешь эту обязанность. Я вижу, что ты приняла прекрасную методу для ихъ воспитанія.« — Ежели вы все это видите, милая маменька — отвѣчала Софья — и сами одобряете, то, сдѣлайте милость, не мѣшайте мнѣ! — »Да, сохрани меня Богъ: я не только не мѣшаю, а, напротивъ,

готова помогать тебѣ всѣми силами« — продолжала старушка. И послѣ этого разговора, въ тотъ-же день, когда Софья должна была, по необходимости, употребить нѣкоторыя мѣры строгости, противъ своевольства крестницы своей Сонички, бабушка завела ее къ себѣ въ комнату, утѣшала, цѣловала, и дала конфектовъ.

Такая слабость старушки, конечно, была нѣсколько извинительна; но Софья, принявъ на себя священную обязанность печься о счастіи дѣтей, ввѣренныхъ ей умирающею ихъ матерью, рѣшилась настоятельно преодолѣть препятствія, поставляемыя баловствомъ бабушки. По совѣщанію съ мужемъ своимъ, который готовъ былъ содѣйствовать ей въ благонамѣренномъ ея предпріятіи, вознамѣрилась она употребить сильныя мѣры, и отдалить отъ бабушки дѣтей, хотя со всею нѣжностію, чтобы не оскорбить ее. Предлогомъ къ этому избрала

она то, что будто-бы надобно было передѣлать комнаты, гдѣ жили дѣти. Притомъ-же, будто-бы крикъ и шумъ ихъ иногда безпокоили свекровь ея. По симъ причинамъ, Софья *совѣтовалась* съ матерью: не лучше-ли перевести дѣтей въ особый флигель, который между тѣмъ нарочно былъ отдѣланъ, и приготовленъ для ихъ помѣщенія? Сама старушка нашла намѣреніе Софьи весьма дѣльнымъ, и одобрила его.

Софья не ограничилась только однимъ тѣмъ, что отдалила дѣтей отъ баловства бабушки, перемѣщеніемъ ихъ изъ дома, но, подъ разными предлогами, перемѣнила она бывшихъ при нихъ нянюшекъ, опредѣлила другихъ, дала имъ свои наставленія, выписала изъ Москвы молодую дѣвушку, только что выпущенную изъ Института, которая нигдѣ еще не жила, не была избалована, и во всемъ руководствовалась совѣтами и волею Софьи. Она сама часто бывала

съ дѣтьми, и наблюдала, чтобы ея распоряженія и приказанія исполнялись въ точности. Къ бабушкѣ приводили дѣтей одинъ только разъ въ день, и то на короткое время, и въ присутствіи Софьи, которая искусно предупреждала всѣ способы къ баловству. Иногда сама старушка, собравшись съ силами, ходила къ нимъ во флигель; но, или Софья, или мужъ ея, тотчасъ являлись туда-же, и при нихъ совѣстилась бабушка предаться слабости своей. Отъ всего этого, въ самое короткое время, произошла чудесная перемѣна въ нравахъ и обращеніи дѣтей: они не кричали, не упрямились, не своевольничали по прежнему. Сонечка не приходила отъ капризовъ въ изступленіе, какъ бывало это при матери; она сдѣлалась милою, послушною дѣвочкою, показывала природный умъ, остроту, и большія способности къ ученью. Софья, мужъ ея, и Прокая, чрезвычайно ее полюбили,

а о бабушкѣ и говоритъ нѣчего: она была въ полномъ восторгѣ.

»Какую скорую и необыкновенную перемѣну вижу я въ дѣтяхъ!« сказала однажды старая Холмская Софьѣ, цѣлуя и лаская каждаго попеременно. »Узнать ихъ нельзя; особенно-же Сонечку: она такъ сдѣлалась мила, что всѣ ее полюбили. Подлинно, Богъ покровитель сиротамъ! Только, послушай, милая Софья, не во гнѣвъ тебѣ будь сказано: мнѣ кажется, что ты уже слишкомъ строга, особенно-же къ меньшому, Ѳединькѣ; онъ еще такъ малъ, что ничего не понимаетъ. Впрочемъ, я только такъ говорю, и ни во что не вмѣшиваюсь. По опыту вижу, что ты избрала прекрасную методу.« — Послушайте, милая маменька — отвѣчала Софья, — позвольте мнѣ сказать вамъ, что не должно говорить этого при дѣтяхъ. Они гораздо понятливѣе и смышленѣе, нежели мы думаемъ. Но въ доказательство того, что

дѣти гораздо больше привязаны къ тѣмъ, кто съ ними безпристрастенъ и строгъ по справедливости, нежели къ тѣмъ, которые, по слабости, балуютъ ихъ, сдѣлаемъ опытъ: спросите сами у Ѳеди, кого онъ болѣе любитъ — бабушку, или тётеньку? — Старушка держала его въ это время на колѣняхъ, и въ твердой увѣренности, что Софья ошиблась въ своемъ мнѣніи, спросила, цѣлуя Ѳедю: кого онъ больше любитъ? — »Тётеньку« — отвѣчалъ ребенокъ.—Какъ, тётеньку, негодный мальчишка? — продолжала Холмская, со смѣхомъ. — Она тебя наказываетъ, а я только ласкаю. — »Вотъ видите, милая маменька: не правду-ли я вамъ сказала?« — Да, что съ тобою дѣлать! Ты какая-то колдунья, и всѣхъ умѣла приворожить къ себѣ — отвѣчала старушка, обнимая и цѣлуя Софью, отъ души.

ГЛАВА XI.

Quel avantage en résulterat-il pour moi? Quel dérangement cela peût-il me causer? A quoi cela peut-il me servir? Voila les questions, qu'un égoïst s'adresse sans cesse.

Jouy.

Какая выгода послѣдуетъ изъ этого для меня? Не причинишъ-ли мнѣ это какого нибудь разстройства? Къ чему можетъ мнѣ это послужить? Вотъ вопросы, безпрестанно дѣлаемые эгоистомъ самому себѣ.

Жуи.

Устроивъ такимъ образомъ домашнюю жизнь свою, и обезпечивъ себя въ разсужденіи нравственности и воспитанія сиротъ, ввѣренныхъ покойною сестрою,

Софья стала дѣлать визиты сосѣдямъ, которые, наслышавшись о ней много хорошаго, старались сами познакомиться съ нею, и были у нея. Потомъ надлежало молодымъ, по обыкновенію, съѣздить къ родимымъ, лично благодарить ихъ за то, что они были на свадьбѣ. Свѣтлана, съ мужемъ, и со всемъ семействомъ, отправилась тогда въ дальное степное имѣніе, и наши молодые начали посѣщенія свои съ Алексѣя Холмскаго, который все еще жилъ, съ женою своею, у Фамусовыхъ. Старая Холмская поѣхала, въ одно время съ молодыми, по обѣщанію, на богомолье въ Ростовъ. Осталась въ домѣ одна мачиха Пропскаго, принявшая на себя наблюденіе за дѣтьми.

У Фамусовыхъ приняли ихъ, какъ нельзя лучше. Софья сдѣлала блистательную партію; мужъ ея былъ знатной фамиліи, богатъ, притомъ-же и Генералъ, слѣдовательно, имѣлъ всѣ права на ува-

женіе Каролины Карловны. Она бѣгала, суетилась, и не знала, какъ лучше успокоить и угостить знаменитыхъ посѣтителей. Милая Любинька, при всей глупости своей, имѣла доброе сердце. Гнѣвъ ея на Софью, за Пронскаго, уже давно прошелъ. Она была такъ счастлива съ своимъ Алёшею, а притомъ Софья была *Ваше Превосходительство*, и, не смотря на то, что Любинька, по беременности своей, едва ходила, *съ восхищеніемъ* бросилась она въ объятія Софьи, называла ее Ангеломъ, милою, доброю, почтенною сестрою, просила полюбить ее, наконецъ сказала, что отъ радости чувствуетъ себя дурно. Тотчасъ мужъ и мать побѣжали за водою и спиртами; но никакой дурноты Любинька не чувствовала, и имѣла только намѣреніе показать, какъ дорожитъ и занимаются ею. Алексѣй также очень обрадовался пріѣзду гостей; онъ любилъ Софью больше всѣхъ сестеръ; притомъ-

же онъ былъ совершенно обласканъ мужемъ ея. О старомъ Фамусовѣ говорить нѣчего: онъ сидѣлъ неподвижно, на старомъ мѣстѣ, у окна, нюхалъ табакъ, и пилъ въ назначенное время водку, по-прежнему. Курить трубку было ему однакожъ запрещено, потому, что табачный запахъ безпокоилъ Любиньку.

Послѣ первыхъ привѣтствій и изъясненій съ пріѣзжими гостями, все пришло въ прежній порядокъ. Общее вниманіе обращено было на Любиньку. За обѣдомъ не было другаго разговора, какъ о томъ только, что ей можно позволить кушать, и чего нельзя. Бабушка, *Нѣмка*, за дорогую цѣну привезена была изъ Москвы, и уже болѣе мѣсяца жила, въ ожиданіи благополучнаго разрѣшенія. Аккушеръ, изъ Губернскаго города, также почти безотлучно былъ у Фамусовыхъ. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали критической минуты.

Прошкій любилъ послѣ обѣда курить

трубку, пивши кофе, но Любинька не могла сносить табачнаго запаха. Алексѣй отвелъ его въ самую отдаленную въ домѣ комнату, и заперъ всѣ двери, чтобы какъ нибудь запахъ табаку не дошелъ до Любиньки. Изъ вѣжливости, долженъ былъ онъ остаться съ Прокскимъ, но безпрестанно бѣгалъ провѣдывать жену. Безпокойство его было такъ явно, что Прокскій, изъ жалости къ нему, сказалъ, что очень усталъ съ дороги, и хочетъ уснуть. Потому просилъ онъ Алексѣя идти къ женѣ его, и прислать, ежели есть у нихъ, какія нибудь газеты. »Всѣ утверждаютъ, что онъ эгоистъ,« думалъ Прокскій, оставшись одинъ, »а такое вниманіе и привязанность къ женѣ доказываютъ совсѣмъ противное.« Но вскорѣ открылось Прокскому, что чрезмѣрная заботливость Алексѣя о женѣ была самымъ разительнымъ доказательствомъ утонченнаго эгоизма.

Вечеромъ вздумалось Любинькѣ предсказавшій для Софьи новую сцену, и новое доказательство, какъ всѣ любятъ ее, и какъ дорожатъ ея спокойствіемъ. На дворѣ громко залаяла собака. Любинька *ужасно испугалась*, и до такой степени *растревожилась*, что съ нею *сдѣлался обморокъ*. Тотчасъ бросились мать, мужъ, и нѣсколько — уже всегда на такіе случаи готовыхъ — дѣвокъ; всѣ суетились, бѣгали, принесли воды, разныхъ спиртовъ, солей, эфиру, капель, и по всему дому сдѣлалась страшная суматоха! Пронскій побѣжалъ за аккушеромъ, который спокойно курилъ трубку въ своей комнатѣ. Ему извѣстны уже были подобные фарсы Любиньки, и онъ не спѣшилъ къ ней, увѣрял Пронскаго, что это ничего не значитъ, и само по себѣ, весьма скоро, пройдетъ. Дѣйствительно, они нашли Любиньку, какъ ни въ чемъ не бывало; на лицѣ ея не замѣтно было никакой перемѣны. Аккушеръ

пощупалъ пульсъ, и, съ усмѣшкою, не сказавъ ни слова, отошелъ отъ нея. Но Алексѣй уже сдѣлалъ свои распоряженія: собаку, которая осмѣлилась обезпокоить его супругу, велѣлъ поймать и повѣсить; призвалъ караульщика, и изъ господскихъ рукъ своихъ далъ ему нѣсколько пощечинъ, за то, какъ смѣлъ онъ позволить собакѣ громко лаять!

Оставшись наединѣ съ женою, Пронскій долго смѣялся фарсамъ Любиньки; однакожъ, и онъ и она находили, что этотъ глупый образъ жизни очень скученъ, и потому расположились, непремѣнно на другой день, послѣ обѣда, уѣхать. Но въ ту-же ночь сдѣлалась въ домѣ настоящая *кутерьма*. Шумъ и бѣготня по лѣстницамъ разбудили ихъ; они узнали, что Любинька въ самомъ дѣлѣ мучится родами. Софья тотчасъ одѣлась, и пошла къ родильницѣ, съ тѣмъ, что ежели не для нея, то для матери быть чѣмъ нибудь полезною. Пронскій,

съ такимъ-же намѣреніемъ, отправился въ гостиную, гдѣ нашелъ Алексѣя въ совершенномъ отчаяніи. Онъ ревѣлъ, какъ ребенокъ, и рвалъ на себѣ волосы.

Роды были несчастливы. Любинька часто позволяла себѣ фарсы, подобные вчерашнимъ, притворялась слабою и больною, и дѣлала мало движенія. Ей пріятно было, что всѣ за нею ухаживаютъ, всѣ объ ней безпокоятся, и она имѣла умори тельныя фантазіи, которыя свято исполнялись. Такъ, напримѣръ: она *не могла* иначе пить, какъ прямо изъ графина, или бутылки, требовала себѣ самыхъ густыхъ сливокъ, жареныхъ въ маслѣ и смешанѣ грибовъ, ко всему жирному имѣла страстную охоту, все ѣла, и во время беременности своей растолстѣла. Кромѣ того, не могла она равнодушно смотрѣть, ежели у мужа ея было хотя нѣсколько волосовъ на бородѣ; онъ принужденъ былъ бриться по два раза въ день, и пожертвовалъ для ея успо-

косил густыми своими баккенбардами, которыми прежде, всегда долго и съ большимъ почтеніемъ, занимался.

Милая и умная Любинька такъ хорошо себя устроила, что жизнь ея при родахъ была въ опасности. Бабушка и Аккушеръ находили необходимымъ сдѣлать операцію. Но мужъ ея, ревѣньемъ своимъ и малодушіемъ, все портилъ, и тревожилъ безпрестанно, не только ихъ, но и самую родильницу, для которой всякое душевное потрясеніе могло быть пагубно. Аккушеръ былъ Нѣмецъ, отважный, и не слишкомъ церемонный; онъ просто вывелъ Алексѣя за руку изъ спальни, и заперъ за нимъ дверь, а съ другой стороны, изъ дѣвичей, поставилъ служанокъ на часы, и не велѣлъ пускать его.

Въ этомъ положеніи нашелъ Алексѣя Прокій, и хотѣлъ было утѣшать; но тотъ, въ отчаяніи, не помня самъ себя, обнаружилъ истинную болзнь свою, не столько о потерѣ жены, какъ о томъ,

что ежели она умретъ, не оставивъ ему наслѣдника, то надобно будетъ навсегда распрощаться съ милльономъ, и большимъ имѣніемъ, долженствовавшимъ достаться въ его распоряженіе по смерти Фамусовыхъ. Послѣ сего, увѣрясь въ настоящей причинѣ прежней необыкновенной заботливости Алексѣя о женѣ, Проискій, съ негодованіемъ и презрѣніемъ, отвернулся отъ него.

По вскорѣ Фамусова прибѣжала, внѣ себя отъ радости, объявить, что все благополучно кончилось, и поздравляла Алексѣя съ сыномъ *Максимушкою*. Тутъ сдѣлалъ Алексѣй совсѣмъ противоположный переходъ — отъ горести къ радости. Имѣя опять надежду получить милльонъ, и большое имѣніе, онъ всѣхъ обнималъ, цѣловалъ, и почти прыгалъ отъ восхищенія. »Что-же будетъ тогда,« думалъ Проискій, »когда умрутъ старики, и онъ получитъ въ свое распоряженіе *настоящіе предметы ра-*

дости своей?« — Такой отвратительный эгоизмъ совершенно возстановилъ его противъ Алексѣя. Онъ съ досадою оставилъ его, и тотчасъ ушелъ къ себѣ въ комнату.

Вскорѣ въ домѣ все успокоилось, и жена его пришла къ нему. Она не была свидѣтельницею сцены, какую имѣлъ Пронскій съ Алексѣемъ, напротивъ видѣла истинную, душевную радость хотя и дуры, но матери, при миновавшей опасности единственной ея дочери. Удовольствіе Фамусовой простиралось до такой степени, что она, не смотря на свою скупость, отдала женщинамъ, которыя поздравляли ее со внучкомъ, всѣ деньги, бывшія у ней въ ридикюлѣ. Софья разсказала мужу, что родильница велѣла позвать ее къ своей кровати, и слабымъ голосомъ благодаря за поздравленіе, просила быть крестною матерью новорожденнаго. »Я не рѣшилась дать слова безъ твоего согласія, милый другъ

мой,« прибавила Софья, »сказавъ, что ей надобно теперь успокоиться, и мы поговоримъ объ этомъ послѣ. Но, ты какъ думаешь? Кажется, нельзя отказаться.« — И конечно, какъ можно отказываться отъ такого приглашенія — отвѣчалъ Пронскій. — »Да, что ты такъ не веселъ?« продолжала Софья, цѣлуя его. »Ужь не виновата-ли я въ чемъ нибудь передъ тобою? Ради Бога, прости меня!« — Можешь-ли ты, чѣмъ нибудь, и какъ нибудь, быть виновата передо мною! — отвѣчалъ Пронскій, обнимая ее. — Признаюсь: я взбѣшенъ на твоего братца! — Онъ разсказалъ ей всю сцену свою съ нимъ. »Что дѣлать!« отвѣчала со вздохомъ Софья. »Эгоизмъ и корыстолюбіе точно такія-же страсти, какъ пьянство, картежная игра, и любовь. Ежели человѣкъ, съ самаго начала, не умѣетъ положить преграды всякой возникающей въ немъ слабости, то слѣдствія одинаковыя. Стра-

сти могутъ уничтожить всѣ хорошія чувства, и сдѣлать насъ способными, не только къ жестокосердію, но ко всѣмъ возможнымъ преступленіямъ.«

По слабости ребенка должно было поспѣшить крещеніемъ его; но Фамусова думала, что вѣчное посрамленіе распространится на всю ея жизнь, ежели крестины перваго ея внучка будутъ безъ церемоній. Опять приглашены были всѣ сосѣди и Чиновники изъ Уѣзднаго городав — сѣ безъ разбора. Намъ извѣстны уже обѣды и угощенія, Фамусовой. Все шло своимъ порядкомъ. Опять подавали множество блюдъ, и нѣсколько часовъ сидѣли за столомъ. Фамусова разсказывала всѣмъ и всякому, что воспріемницею у ея внучка была, *Ея Превосходительство*, Софья Васильевна Ирпская, родная сестра зятя ея, а крестнымъ отцемъ, заочно, потому, что за болѣзнію самъ пріѣхать не могъ, *Его Сіятельство*, Князь Борисъ Матвѣевичъ Рамирскій.

Въ числѣ гостей былъ и знаменитый Сундуковъ. Въ продолженіе сего времени, онъ уже успѣлъ пристроить двухъ дочекъ своихъ. Одну изъ нихъ выдалъ онъ за промотавшагося и пожилаго Князя Буасекова. Молодецъ сей не имѣлъ ничего, былъ часто боленъ, глухъ до крайности, и жилъ на хлѣбахъ у тестя, который, въ вознагражденіе убытковъ своихъ, имѣлъ удовольствіе говорить: »Дочь моя, Княгиня Прасковья Тимоѳеевна.« Другая, извѣстная намъ Глафира, вышла за-мужъ за извѣстнаго-же намъ Чадскаго; но онъ успѣлъ уже поссориться съ тестемъ и кинуть жену свою: она возвратилась по прежнему въ родительскій домъ.

Сундуковъ былъ Предводителемъ Дворянства, и готовился черезъ два дня принимать у себя въ деревнѣ и угощать одного знатнаго вельможу, начальника своего, который ѣздилъ ревизовать ввѣренный ему край. Всѣ великолѣпныя при-

готовленія къ пріятію и угощенію уже были сдѣланы; но Сундукову хотѣлось, чтобы болѣе украсить свой праздникъ, пригласить къ себѣ поболѣе людей, что называется, *вальяжныхъ*. Пропскій былъ Превосходительный, имѣлъ звѣзду и множество орденовъ. Сундуковъ унижеиѣйше, почти до земли, кланялся, и просилъ Его Превосходительство осчастливить его своимъ посѣщеніемъ, вмѣстѣ съ Ея Превосходительствомъ Софьею Васильевною. Пропскій рѣдко живалъ въ провинціи; ему хотѣлось, изъ любопытства, видѣть, какимъ образомъ помѣщики, подобные Сундукову, угощаютъ вельможъ въ своихъ деревняхъ; онъ обѣщалъ быть у него. Въ это время подали Пропскому карту, играть въ вистъ, и Сундуковъ отправился приглашать прочихъ.

Звалъ онъ разными манерами, смотря по чинамъ и богатству. Къ иному подходилъ говоря: »Милости прошу ко мнѣ откушать;« другаго ударялъ по плечу, и

говорилъ: »А что, братъ! не хочешь-ли обѣдать у меня съ Его Высокопревосходительствомъ? Ась? — Ну, знаю, знаю, братецъ; какъ не хотѣть!« прибавлялъ онъ тѣмъ, которые благодарили его, за сдѣланную имъ честь. »А ты что смотришь на меня такъ пристально? И тебѣ хочется? Ну, Богъ съ тобой! Пріѣзжай, пріѣзжай; домъ у меня большой, всѣмъ мѣсто будетъ. Да смотри-же, не будь такимъ рохлею, какъ теперь: изволь мундиръ надѣть.« — Съ чиновниками уѣзднаго города обходился Сундуковъ совсѣмъ иначе; они были всепокорнѣйшіе его слуги, потому, что по милости его получили занимаемыя ими мѣста. »Эй, вы! смотрите: не зѣвать; пріѣзжайте всѣ въ мундирахъ и пораньше,« говорилъ онъ имъ. »Его Высокопревосходительство хотѣлъ быть ко мнѣ часу въ первомъ, за тѣмъ, чтобы передъ обѣдомъ осмотрѣть вновь выстроенную, по иностранному манеру, деревню мою. Его

Высокопревосходительство хочетъ тотчасъ послѣ обѣда ѣхать; но авось мы разными забавами кое-какъ его удержимъ; только на это надѣяться не льзя. Ежели онъ не будетъ соглашаться, то вы тотчасъ послѣ обѣда скачите стремглавъ въ городъ, да смотрите, чтобы все было чисто и подметено въ присутственныхъ мѣстахъ. Разбитыя стекла, заклеенныя бумагою, тотчасъ вставить, полы вымыть, со столовъ чернильныя пятна соскоблить осторожно, чтобы не стереть краски, и чтобы на каждомъ столѣ стояли чернильницы и песочницы, и, сохрани Богъ! чтобы не было помадныхъ банокъ, вмѣсто чернильницъ. Я тебѣ, Кузьма Петровичъ, давно говорилъ«—продолжалъ Сундуковъ, обращаясь къ Секретарю Уѣзднаго Суда — »и далъ денегъ, а ты, я думаю, пропилъ ихъ.« — Помилуйте, Ваше Высокоблагородіе, Тимоѳей Игнатьевичъ! — отвѣчалъ Секретарь. — Давно все купле-

но, но я не отдавалъ подъячимъ: боялся, что они разобьютъ, или украдутъ, а для такого торжественнаго случая чернильницы и песочницы непремѣнно будутъ поставлены. — »Того-же, братецъ, смотри ты у меня. Да, послушайте! Пожалуста займитесь подъячими, чтобы всѣ они были умыты, чтобы волосы у нихъ были разчесаны и приглажены, ногти обстрижены, бороды выбриты, и чтобы на всѣхъ были бѣлыя рубашки; подтвердите имъ также, чтобы, когда Его Высокопревосходительство войдетъ, всѣ низко ему кланялись; чтобы никто въ присутствіи его не осмѣливался сморкаться въ руку, харкать и плевать на полъ; чтобы ни у кого не было разодранныхъ на локтяхъ рукавовъ; чтобы сапоги были у всѣхъ крѣпкіе, и не замараны въ грязи. Лучше этихъ канальевъ прогнать просто изъ Суда, а то, сохрани Богъ! ежели Его Высокопревосходительство увидитъ та-

кой безпорядокъ — бѣда, да и все тутъ. Онъ не столько взыскиваетъ за упущеніе и медленность въ дѣлахъ, какъ за нечистоту и непріятность. Пожалуста, чтобы вездѣ было подметено и усыпано пескомъ; Его Высокопревосходительство вездѣ ходитъ, и самъ, лично, своими глазами, все осматриваетъ. Впрочемъ, все, что Его Высокопревосх. болѣе всего любитъ, кажется, сдѣлано. Вѣдь столы въ канцелярскихъ компатахъ уже выкрашены желтою краскою?« — Какъ-же-съ, вездѣ выкрашены — отвѣчали Судья и Секретари.

»Ну, а ты, Г-нъ Исправникъ!« продолжалъ Сундуковъ, »что дорога въ нашемъ уѣздѣ, гдѣ Его Высокопревосх. поѣдетъ?« — Ужь въ этомъ будьте спокойны! Не только всѣ мосты и гати исправлены, но и горы срыты, и дорога вся вычищена, и даже пыль метлами сметена: весь уѣздъ поголовно былъ высланъ — отвѣчалъ Исправникъ. — Го-

ворятъ, что на меня хотятъ подать много просьбъ, казенные крестьяне и однодворцы, потому, что до помѣщичьихъ имѣній, особенно-же гдѣ живутъ сами господа, я не касался; но вы, Тимоѳей Игнатьевичъ, всегдашній милостивецъ и благодѣтель, защитите меня. — »О! братецъ, въ этомъ будь увѣренъ. Просто: кто подастъ просьбу, или осмѣлится жаловаться — прямо заковать, да и въ тюрьму. Бездѣльники! да о чемъ имъ жаловаться! Теперь рабочая пора?.. Ну! что за важность? Успѣютъ еще убрать хлѣбъ и тогда, какъ Его Высокопревосходительство уѣдетъ.«

ГЛАВА XII.

Чего ожидать, ежели имѣніе настоящаго дворянина, воспитаннаго въ правилахъ хорошей нравственности, перейдетъ въ руки взяточника, или плута?

Неизвѣстный.

Но, прежде чѣмъ приступимъ мы къ описанію праздника, даннаго Сундуковымъ, исполнимъ наше обѣщаніе: разскажемъ исторію его постепеннаго возвышенія, и посмотримъ, какими средствами нажилъ онъ большое состояніе.

Въ самую блистательную эпоху его величія жили еще старики, помнившіе отца его мѣщаниномъ, и цѣловальникомъ;

даже и до сего времени двоюродные братья героя нашего, Тимоѳея Игнатьевича, осталисъ въ мѣщанствѣ. Склонность къ мошенничеству обнаружилась въ отцѣ его съ малолѣтства. Онъ искусно приворовывалъ, но не тратилъ краденыхъ денегъ на лакомство, или на какой нибудь вздоръ, а прялъ ихъ, зарывалъ въ землю, въ отдаленномъ углу родительскаго огорода, и въ лунныя ночи, потихоньку, ходилъ пересчитывать краденыя деньги. Однажды, отецъ подмѣтилъ это, выкопалъ деньги, и спряталъ къ себѣ; но увидѣвъ, что любимый сынъ его, Игнашка, въ отчаяніи, такъ, что чуть не наложилъ на себя руки, онъ поспѣшилъ показать ему деньги его, и, не спрашивая откуда досталъ онъ ихъ, увѣрялъ, что прибралъ къ себѣ только для того, чтобы другіе не украли, а у него будутъ онѣ въ сохранности, и онъ всегда можетъ смотрѣть на нихъ, и считать.

Между тѣмъ Игнашка выросъ, возмужалъ, женился на мѣщанкѣ, однакожъ съ хорошимъ приданымъ, и вступилъ въ промыселъ цѣловальника, въ одномъ богатомъ однодворческомъ селеніи. Тутъ раскрылись всѣ великія его способности: онъ безсовѣстно обиралъ несчастныхъ однодворцевъ, спаивалъ ихъ съ кругу, давалъ вино въ долгъ, причитывалъ, потомъ взыскивалъ, бралъ за безцѣнокъ домашній ихъ скотъ и хлѣбъ, а съ иныхъ просто снималъ шулупы и кафтаны; но, не ограничиваясь однимъ ремесломъ цѣловальника, онъ ссорилъ однодворцевъ между собою, научалъ ихъ подавать просьбы другъ на друга, потому, что обыкновенно при слѣдствіяхъ бываютъ сходки стариковъ, и сзываются понятые изъ другихъ деревень. Мѣсто такихъ собраній назначается обыкновенно подлѣ кабака, и потому, ежели ссора и не оканчивалась мировою, то есть, всеобщимъ опьяненіемъ стариковъ, понятыхъ,

и обоихъ соперниковъ, то и безъ этого бывала ему всегда большая пожива отъ частыхъ сходокъ: извѣстно, что оканчивать слѣдствія однимъ разомъ Земскіе Суды не любятъ.

По самый главный барышъ получилъ Игнашка цѣловальникъ отъ одного, имъ самимъ изобрѣтеннаго плутовства: онъ часто, на сходкахъ, толковалъ спарникамъ, то есть, самымъ отличнымъ и избраннымъ изъ всей деревни дуракамъ и пьяницамъ, что они зѣваки, ибо не отыскиваютъ земли, насильно захваченной сосѣдними помѣщиками у ихъ предковъ. »А что, малый? Вѣдь Нафнутьевичъ дѣльно гуторитъ? Что мы зѣваемъ?« восклицали эти велемудрые Архонты, воспламененные словами, и еще болѣе виномъ его. Онъ поддерживалъ ихъ, и наконецъ взялся доставить имъ хорошаго повѣреннаго. Нѣсколько сходокъ, то есть пьянствъ, было, чтобы слушать плута повѣреннаго, который

имъ доказывалъ и толковалъ, почему ихъ дѣло правое, обнадеживая, что они навѣрное опишутъ у помѣщиковъ землю. Мужики слушали его, ничего не понимали, и пили вино Нафнутыча. Опять были сходки, чтобы разложить, по скольку собрать съ души на хлопоты повѣренному; потомъ часто возобновлялись собранія сихъ мудрецовъ для слушанія описокъ повѣреннаго, въ какомъ положеніи ихъ дѣло. Все это умножало пьянство, и набивало карманъ Игнашки, который не оставлялъ притомъ употреблять и прочихъ, обыкновенныхъ средствъ цѣловальничьихъ, каковы: подталкиваніе подъ руку, лишній начетъ на выпившагося изъ ума человѣка, и безсовѣстное подливаніе воды въ вино. Но все это еще было ничто въ сравненіи съ тѣмъ, когда по процессу однодворцевъ пріѣхалъ къ нимъ въ село Землемѣръ, съ Земскимъ Судомъ, повѣрять землю въ натурѣ. Тутъ Игнашкѣ въ сундукъ полилась

золотая рѣка. Кромѣ того, что Землемѣръ былъ самъ знаменитая пьяница, и безъ зазрѣнія шилъ простое вино, въ видѣ ерофеича, онъ цѣлый мѣсяцъ продолжалъ повѣрку, то есть, ежедневное пьянство. Всякій день собирались понятые и рабочіе люди на межу, и сходки стариковъ всѣ, къ вечеру, бывали мертвецки пьяны. Однакожъ Землемѣръ, какъ говоритъ пословица, гулялъ, а дѣла не забывалъ: онъ мастерски бралъ взятки съ мужиковъ, увѣряя, что рѣшилъ дѣло въ ихъ пользу. Но помощникъ Землемѣрскій, который все дѣлалъ у пьянаго своего начальника, наконецъ прямо сказалъ несчастнымъ, которыхъ они грабили цѣлый мѣсяцъ, что ничего не будетъ, ежели они не дадутъ двухъ тысячъ рублей, и что безъ того они ни къ чему не приступятъ, и на другой-же день уѣдутъ. По сему важному случаю опять была сходка, разумѣется, у кабака. Старики не знали, что имъ и придумать. Деревня вся

была ограблена, такъ, что не только двухъ тысячъ, то есть, слишкомъ по рублю съ души, но и по десяти копѣекъ вновь собрать было не льзя.

Именно этого-то давно и ожидалъ Игнашка цѣловальникъ, и по его наущенію Землемѣрскій помощникъ наложилъ такую безсовѣстную дань. Игнашка предложилъ мужикамъ двѣ тысячи рублей, но съ тѣмъ, чтобы они отдали ему въ наймы, на десять лѣтъ, свои отдаленные, такъ называемые, *загончики* и *сенажки*, то есть около 500 десятинъ общей земли, которая, говорилъ онъ имъ, далеко отъ селенія и совсѣмъ имъ не къ рукамъ. Старики съ-ньяна тотчасъ согласились. Игнашка вынесъ имъ деньги, и съ ними формальную бумагу о сей отдачѣ, заблаговременно приготовленную, написанную по формѣ, и засвидѣтельствованную въ Судѣ, такъ, что отказаться и нарушить условія никакъ было невозможно.

Деньги тотчасъ были доставлены Зе-

землѣру, который обѣщалъ, не далѣе, какъ на другой-же день, отрѣзать имъ всю землю у помѣщиковъ. Съ утра собралось троекъ 20-ть, съ колокольчиками, и человѣкъ 100 понятыхъ, верхами. Землемѣръ съ-позаранку нарѣзался, съ большимъ трудомъ взлѣзъ на тѣлегу, и со всемъ кортежемъ, окруженный старостою, десятскими, и множествомъ однодворцевъ, верхами, отправился на межу.

»Вотъ это все ваше!« кричалъ Землемѣръ, насилу поворачивая языкомъ, и показывая на обѣ стороны руками. »Эй, вы, православные, сторонніе люди, понятые! слышите-ли? Вотъ это все ихъ!«—Какъ-же, батюшка, Ваше *Благородіе*, слышимъ-сша — отвѣчали понятые, сиявъ шляпы. — »Да какъ-же, Ваше *Благородіе*, тутъ господскій домъ и усадьба?«— спросилъ староста. — Все ваше, говорю я вамъ. Экой болванъ! Говорятъ тебѣ: все ваше! — продолжалъ Землемѣръ, прикладываясь къ штофу съ ерофеичемъ, ко-

торый былъ поставленъ для него въ тѣлегѣ. — Все вамъ отдаю: и господскій домъ, и усадьбу — все долой! — »Много благодарны за милость твою« — говорили простосердечные однодворцы. — »Ну, а вотъ этотъ дальній лѣсокъ: пожалуй намъ, батюшка; лѣсокъ-то больно хорошъ!«— Какой лѣсокъ? — продолжалъ Землемѣръ, который отъ чрезмѣрнаго употребленія ерофеича потерялъ равновѣсіе, и упалъ въ тѣлегѣ.—»Вонъ тотъ дальній лѣсокъ.« — Вашъ — возмите его — прибавилъ онъ, не смотря, потому, что вино совсѣмъ усыпляло его, и онъ лежалъ растянувшись въ тѣлегѣ. — Все ваше! Ну, вотъ все, что глазомъ окинешь, все вамъ отдаю! Знай меня, все ваше! Помѣщиковъ долой, все берите, бей въ мою голову, я за все отвѣчаю! Да, кто противъ меня осмѣлится спорить? Я казенный человѣкъ: отдаю вамъ, да и только! — бормоталъ онъ сквозь сонъ, и потомъ такъ сильно захрапѣлъ, что подводчикъ его остановился.

»Что-жъ намъ теперь дѣлать?« спросили однодворцы у помощника. — Онъ вамъ отвелъ землю — вотъ и дѣло кончено — отвѣчалъ помощникъ. — »Такъ мы теперьже отберемъ все у помѣщиковъ; свеземъ ихъ хлѣбъ къ себѣ, разломаемъ и раззоримъ дома ихъ и усадьбы.« — О нѣтъ! этого не могите дѣлать; подождите, и пришлите къ намъ въ городъ повѣреннаго вашего. Земля въ натурѣ осмотрѣна, а намъ все пойдетъ своимъ чередомъ. — Помощникъ, сдѣлавъ сіе наставленіе, велѣлъ везти пьянаго Землемѣра въ городъ, и самъ туда-же отправился, а однодворцы разошлись по домамъ, прославляя великодушіе *Межевого*, что отвелъ имъ такъ много земли, которую они вѣкъ никогда не получили-бы въ свое владѣніе. Остались въ барышахъ Землемѣръ, Помощникъ его, Земскій Судъ, и больше всѣхъ Игнашка цѣловальникъ. Онъ ту-же самую землю, которую взялъ у однодворцевъ за двѣ тысячи на 10-ть лѣтъ, по-

слѣ имъ-же отдавалъ въ наймы, ежегодно по 10-ти рублей за десятину.

Вотъ какъ, часто, и очень часто, поступаютъ крючкотворцы! Плуты пользуются незнаніемъ въ дѣлахъ и простосердечіемъ невинныхъ и несчастныхъ поселянъ, завлекаютъ ихъ въ пустые процессы и раззоряютъ.

Такимъ образомъ, богатство, благопріобрѣтаемое цѣловальникомъ Игнашкою средствами столь честными, ежедневно увеличивалось. Между тѣмъ отецъ его умеръ, и ему, какъ старшему въ семьѣ и смышленному сыну, поручилъ весь свой домъ, капиталъ, нажитой мѣлочною торговлею, и меньшихъ двухъ братьевъ. Одного изъ нихъ Игнашка, вскорѣ послѣ смерти отца, постарался отдать въ рекруты, а съ другимъ поссорился, завелъ тяжбу, и тотъ былъ очень радъ отдѣлаться отъ него, получивъ, можетъ быть, десятую часть того, что ему слѣдовало. Вотъ и еще умножилось богатство Иг-

нашки чрезъ погубленіе и раззореніе родныхъ братьевъ.

Хозяинъ его, уѣздный откупщикъ, велъ худо дѣла свои. Цѣловальникъ Игнашка предлагалъ ему услуги, снабжалъ его, въ крайности, деньгами, показывалъ необыкновенное усердіе, и такъ подбился, что откупщикъ совсѣмъ ввѣрился ему, и сдѣлалъ его главнымъ повѣреннымъ. Тутъ имѣлъ онъ случай еще блистательнѣе показать свои способности, поощрялъ изъподъ руки подавать на него ложные доносы о корчемствѣ въ сосѣднихъ уѣздахъ, бралъ взятки съ цѣловальниковъ, и позволялъ имъ плутовать; словомъ: обманывалъ хозяина, обворовывалъ, и въ самое короткое время, приведя его въ совершенную несостоятельность, пустилъ по міру, а самъ сдѣлался вмѣсто его хозяиномъ.

Нѣсколько сроковъ сряду держалъ онъ одинъ откупъ, и умѣлъ очень искусно вести свои дѣла; учредилъ, съ пособіемъ

друзей, непозволительныя выставки на границѣ уѣзда, и продавалъ въ нихъ вино дешевле; нашелъ нѣкоторыхъ помѣщиковъ, въ сосѣдственныхъ уѣздахъ, принявшихъ на себя благородную должность быть его агентами: они брали отъ него бочки съ виномъ, и продавали сами, въ подрывъ своимъ откупщикамъ; умѣлъ запутать многихъ винокуренныхъ заводчиковъ, и завесть съ ними несправедливыя тяжбы въ корчемствѣ; притѣснялъ сдатчиковъ, обманывалъ цѣловальниковъ, построилъ самъ огромный винокуренный заводъ изъ казеннаго лѣсу, который *былъ названъ* негоднымъ къ произрастанію; словомъ: успѣлъ такъ скоро, и такъ искусно разбогатѣть, и наворовать такую кучу денегъ, что не зналъ куда съ ними дѣваться.

Въ это время, какъ то обыкновенно водится съ такого рода богачами, пришло ему въ голову желаніе—быть дворянином. Притомъ-же, куда лучше употребить капиталъ свой, если не на пріобрѣтеніе

недвижимыхъ имѣній, которыя у знатныхъ господъ, тогдашняго и нынѣшняго времени, всегда можно покупать за безцѣнокъ? Онъ нашелъ въ одномъ отдаленномъ уѣздѣ бѣднаго дворянина одной съ нимъ фамиліи. За весьма умѣренную цѣну, согласился этотъ дворянинъ признать Игнашку Сундукова своимъ родственникомъ, и помѣстить его въ свою родословную. Съ *друзьями* все можно сдѣлать; притомъ-же доказательства Игнашки были такъ *ясны*, такъ *красноорѣчивы*, такъ *убѣдительны*, что невозможно было сомнѣваться въ его дворянствѣ. Онъ, съ потомствомъ своимъ, то есть, съ героемъ нашего повѣствованія, сыномъ Тимошкою, котораго уже давно начали величать Тимоѳеемъ Игнатьевичемъ, признанъ былъ, по всей *справедливости* происходящимъ отъ благороднаго рода Сундуковыхъ, и, не смотря на то, что родные его племянники остались мѣщанами, ему выдана была Дворянская гра-

мата. Тогда поступилъ онъ въ гражданскую службу, и, занимаясь по прежнему воровствомъ и грабительствомъ по откупамъ, столь *усердно* служилъ, что вскорѣ удостоенъ былъ повышенія въ офицерскій чинъ. Сынъ также обнаружилъ большія дарованія, достойныя его папеньки: былъ во всемъ самымъ благонадежнымъ сподвижникомъ его, и даже во многомъ превзошелъ своего отца, то есть, выдумывалъ такія мошенничества и вѣроломства, которыя тому и въ голову не приходили. Онъ также, какъ *природный* Дворянинъ, скоро вышелъ въ чины.

Давно у отца и сына было въ помышленіи купить, изобильныя землею и лучшія въ уѣздѣ, деревни, до пяти тысячъ душъ, у богатаго и знатнаго Князя Милославскаго, который никогда не выѣзжалъ изъ Петербурга, служилъ при Дворѣ, любилъ проживать деньги, однакожъ, имѣя большое состояніе, довольствовался ма-

лымъ оброкомъ. Крестьяне его были первые богачи въ уѣздѣ. Какимъ образомъ приступить къ этому дѣлу? Честь изобрѣтенія принадлежала сыну цѣловальника, Тимоѳею Игнатьевичу, и онъ взялъ на себя совершить весь подвигъ. Прежде всего, онъ отправился въ тѣ деревни, подружился съ управителемъ, поилъ его, дѣлалъ ему всякія услуги, обѣщалъ, что ежели успѣетъ купить все имѣніе, то дастъ ему купчую, безденежно, на особую деревню, триста душъ. Управитель пришелъ въ искушеніе, и, подъ руководствомъ Тимоѳея Игнатьевича, началъ дѣйствовать, сталъ грабить и притѣснять крестьянъ, объявилъ имъ, что получилъ приказаніе отъ помѣщика посадить ихъ на барщину, и вздумалъ отбирать у нихъ землю; крестьяне, подстрекаемые лазутчиками, подосланными къ нимъ отъ Сундукова, не хотѣли слушаться. Именно это и было надобно. Тотчасъ послано объявленіе въ Земскій Судъ, что крестьянъ

яне вышли изъ повиновенія. Всѣ гарпіи и вампиры явились немедленно усмирять ихъ. Началась *секуція*, какъ говорятъ въ деревняхъ, то есть, хватали и ковали правыхъ и виноватыхъ, сѣкли, дѣлали истязанія. *Ходоковъ*, отправленныхъ отъ міра въ Петербургъ, къ барину, съ челобитною на управителя, поймали на дорогѣ, и, какъ главныхъ возмутителей, сковали и посадили въ тюрьму. Въ тоже время послалъ управитель эстафету къ Князю, что въ деревняхъ его сдѣлался бунтъ, отъ того, что онъ требовалъ уплаты оброка, столь незначительнаго по ихъ состоянію, и »что они, окаянные, »забывъ всѣ отеческія милости и мило»сердіе Его Княжескаго Сіятельства, от»дались въ сѣти дьявола, который попу»талъ ихъ и заставилъ бунтовать про»тивъ милосердаго отца своего.« Вскорѣ послѣ отправленія эстафеты, и самъ Тимоѳей Игнатьевичъ Сундуковъ поскакалъ въ Петербургъ.

Онъ повезъ съ собою много наличныхъ денегъ, но не вдругъ бросился съ предложеніемъ купить имѣніе несчастнаго Князя, котораго Сундуковы въ совѣтѣ своемъ расположились обмануть. Каммердинеръ его былъ подкупленъ; онъ сообщалъ имъ, какъ и когда удобнѣе открыть баштареи. Онъ передалъ имъ, что баринъ чрезвычайно огорченъ извѣстіемъ о бунтѣ своихъ крестьянъ, и называетъ ихъ неблагодарными, потому, что онъ всегда поступалъ съ ними, какъ отецъ (отеческія милости его заключались въ томъ, что онъ никогда въ деревняхъ своихъ не бывалъ, нуждъ крестьянскихъ не зналъ, и отдалъ все на жертву управителю-мошеннику).

Дѣла Князя были уже давно разстроены; по необходимости надлежало ему продать нѣкоторую часть имѣнія, для заплаты долговъ. Онъ рѣшился сбыть эти деревни, и поспѣшилъ объявить о томъ въ Газетахъ, покамѣстъ еще слухъ, что мужи-

ки бунтуютъ, не сдѣлался гласнымъ. Но Тимоѳей Игнатьевичъ, какъ искусный ловецъ, еще все выжидалъ благопріятнаго случая. Ему извѣстно было, чрезъ камердинера, кто являлся торговать, и какую предлагали цѣну. Разными способами старался онъ отводить покупщиковъ: иному объявлялъ, что крестьяне бунтуютъ, и совершенно раззорены; другому внушалъ, что имѣніе малоземельное и невыгодное. Между тѣмъ, разглашалъ, что Князь совершенно разстроился въ дѣлахъ своихъ, онъ скупалъ за полцѣны векселя его, которые вдругъ представилъ ко взысканію, и настоятельно потребовалъ уплаты. Князь самъ долженъ былъ пригласить его, и убѣждать объ отсрочкѣ, или сдѣлкѣ, предлагал ему свои деревни; но Сундуковъ отказывался отъ покупки, отговариваясь тѣмъ, что мужики бунтовщики, и совершенно раззорены. Въ первый разъ уѣхалъ онъ, не соглашаясь ни на отсрочку, ни на покупку.

Затруднительное положеніе Князя часъ отъ часу увеличивалось. Сундукову было извѣстно, что у него совершенный недостатокъ въ деньгахъ, и онъ, въ отчаяніи, тѣмъ болѣе, что при Дворѣ назначены были по какому-то случаю праздники, и ему надобно было, чтобы не осрамиться, сшить по крайней мѣрѣ три, или четыре дорогихъ Французскихъ кафтана (въ то время еще не было придворныхъ мундировъ). Сверхъ того, обязанъ онъ былъ дать большой праздникъ на дачѣ, въ день рожденія жены своей. Въ долгъ никто не вѣрилъ; съ женою дѣлались безпрестанные спазмы и истерика, когда онъ объявилъ, что не имѣетъ возможности, за недостаткомъ денегъ, дать праздника, къ которому она уже многихъ пригласила. Словомъ: такое стеченіе бѣдственныхъ обстоятельствъ было слишкомъ тягостно для чувствительнаго сердца Князя. Сундуковъ воспользовался *стѣсненнымъ* его положеніемъ, и купилъ имѣніе за без-

цѣнокъ; а къ довершенію всего, *по ошибкѣ*, сдѣлалъ купчую не на имя своего отца, у котораго, кромѣ его, еще были дѣти, но на собственное свое имя.

По прибытіи въ пріобрѣтенное имъ, столь честнымъ образомъ, имѣніе, началъ онъ тѣмъ, что не только не отдалъ 500 душъ, обѣщанныхъ соумышленнику его, управителю Князя, но выгналъ его изъ дома, и, обвиняя въ разныхъ злоупотребленіяхъ, остановилъ всѣ его пожитки, и завелъ съ нимъ процессъ, такъ, что все, что тотъ наворовалъ во время управленія, перешло по процессу къ Сундукову. Крестьянъ онъ скоро *усмирилъ*: отобралъ кто побогаче, и, называя ихъ бунтовщиками, присвоилъ себѣ все ихъ имущество; иныхъ продалъ въ рекруты (тогда было сіе позволено); другихъ сослалъ на поселеніе; дѣтей ихъ взялъ во дворъ; отдалъ иныхъ въ разныя мастерства; изъ другихъ сформировалъ вокальную, инструментальную, и роговую му-

зыку; произвелъ нѣкоторыхъ въ пѣвчіе, акперы, танцовщики, то есть, положилъ основаніе многочисленной дворнѣ своей.

Такимъ образомъ, зажиточные крестьяне въ скоромъ времени приведены были въ нищету; большая часть земли у нихъ была отобрана; заведена значительная господская запашка; устроенъ огромный винокуренный заводъ, на которомъ крестьяне употреблены были въ работу. Имъ и прежде никогда не приходило въ голову бунтовать, а въ теперешнемъ положеніи еще менѣе: все было тихо и спокойно. Въ два или три года, имѣніе Сундукову само собою совсѣмъ окупилось. Съ отцомъ онъ скоро примирился въ томъ, что купилъ имѣніе не на его, а на свое имя: онъ показалъ ему ошибку, въ данной отъ него довѣренности, на полученіе капиталовъ изъ Опекунскихъ Совѣтовъ; однакожъ не упоминалъ о томъ, что передъ отъѣздомъ въ Петербургъ, онъ-же самъ сочинилъ и далъ

подписать отцу сію довѣренность. Тимоѳей Игнатьевичъ клялся своему родителю, и снявъ со стѣны Образъ, цѣловалъ его въ подтвержденіе своей клятвы, что онъ не воспользуется ошибкою, и раздѣлитъ все поравну съ братьями и сестрами. Отецъ не вѣрилъ его клятвамъ, видѣлъ явную злоумышленность, но онъ уже становился старъ, ему нуженъ былъ, по обширнымъ дѣламъ его и оборотамъ, такой искусный помощникъ, и по необходимости показывалъ онъ видъ, что вѣритъ. Впрочемъ, хорошее имѣніе его объ Тимоѳеѣ Игнатьевичѣ оправдалось послѣ самымъ событіемъ. Не только не раздѣлилъ онъ имѣнія поровну съ братьями и сестрами, а присвоилъ все себѣ, но и вошелъ еще по смерти отца своего, во всемъ оставшемся послѣ него, въ участіе, и получилъ наравнѣ съ прочими. Ссора и вѣчная вражда между имъ и братьями и сестрами, была слѣдствіемъ сего; но Тимоѳей Игнатьевичъ мало объ этомъ без-

покопился, и чтобы нажить побольше богатства, почиталъ всякія средства позволительными.

Вотъ Тимоѳей Игнатьевичъ сдѣлался уже богатѣйшимъ помѣщикомъ въ уѣздѣ. Желая прикрыть низкое свое происхожденіе, и войдти съ родство съ знатными, онъ старался жениться на дворянкѣ извѣстной фамиліи. Въ семействѣ Князя Развратова, который прожилъ все имѣніе, нашелъ онъ предметъ своихъ исканій. Старшая дочь его, довольно пожилая Княжна, Ольга Петровна, рѣшилась забыть знатность, и соединить судьбу свою съ богатымъ сыномъ цѣловальника. Супружество ихъ, какъ и должно было предвидѣть, не могло быть счастливымъ; но выигралъ въ этомъ случаѣ одинъ Супдуковъ. Онъ достигнулъ своей цѣли — вступилъ въ родство съ знатными, а бывшая Княжна ошиблась въ своихъ ожиданіяхъ: мужъ держалъ ее строго, и не давалъ денегъ на мотовство; слѣдствіемъ сего

были безпрестанныя ссоры; они жили какъ кошка съ собакою. Жена ненавидѣла мужа, и, раздраженная скупостію его, всѣмъ гласно жаловалась, называя себя несчастною, проклинала судьбу свою, не иначе именовала Тимоѳея Игнатьевича, какъ *цѣловальничье отродье*, и даже старалась возстановить дѣтей противъ него. Но онъ, не взирая ни на что, шествовалъ постоянно избранною имъ дорогою, обманывалъ, поступалъ вѣроломно со всѣми, не исключая рѣшительно никого, даже собственныхъ дѣтей своихъ.

Онъ богатѣлъ часъ отъ часу болѣе и болѣе, и безпрестанно покупалъ деревни, столь-же честными и благородными способами, какъ у Князя Милославскаго. Въ скоромъ времени большая часть уѣзда ему принадлежала. Оставшихся помѣщиковъ онъ притѣснялъ, или склонялъ на свою сторону. Давая имъ въ займы деньги, и потомъ угрожая взысканіемъ, онъ заставлялъ ихъ быть безмолвными,

всѣхъ завоевалъ, и, разумѣется, нѣсколько выборовъ сряду былъ безсмѣннымъ Предводителемъ; ему всегда подносили бѣлые шары. Партію имѣлъ онъ сильную, потому, что бѣдныхъ дворянъ возилъ въ губернскій городъ, къ выборамъ, на своихъ лошадяхъ; обмундировывалъ, поилъ, и кормилъ на свой счетъ, но и въ этомъ случаѣ не терялъ разсчетовъ. Ерофеичъ, для пойла ихъ, приготовлялъ у него дома, изъ своего вина; пиво было также домашнее; множество мерзлыхъ куръ, гусей, утокъ, свинины, и прочаго, доставлялось къ нему въ городъ изъ его деревень, слѣдовательно, и содержаніе партіи не дорого стоило. Порядочные и благонамѣренные дворяне, именно потому только не ѣздили на выборы, что знали напередъ безуспѣшность усилій своихъ противостать Чингисъ-Хану Супдукову. У него заблаговременно, еще передъ началомъ выборовъ, собирался въ деревнѣ сеймъ, на которомъ опредѣлялъ онъ, ко-

му быть Судьею, Исправникомъ, Засѣдателями. Никто не дерзалъ противиться ему, и назначаемые имъ самимъ чиновники, бывъ ему всѣмъ обязаны, и опасаясь навлечь на себя гнѣвъ милостивца и покровителя своего, были всегда покорнѣйшими и послушнѣйшими слугами его. Онъ дѣлалъ въ уѣздѣ все, что хотѣлъ, и горе было тому помѣщику, который не преклонялъ передъ нимъ выи своей! Въ имѣніи такого дерзновеннаго, непремѣнно, или *находили* мертвыя тѣла, или ловили бѣглыхъ, и крестьяне его были *приставодержателями*.

Распространяя далѣе свои *завоеванія*, Сундуковъ употребилъ во зло благонамѣренное постановленіе Правительства, которое назначило награды въ поощреніе благомыслящихъ, дѣлающихъ пожертвованія изъ своихъ избытковъ на богоугодныя заведенія. Сундуковъ выстроилъ огромную больницу въ уѣздномъ городѣ своемъ; по наружности, тамъ все казалось прекрасно:

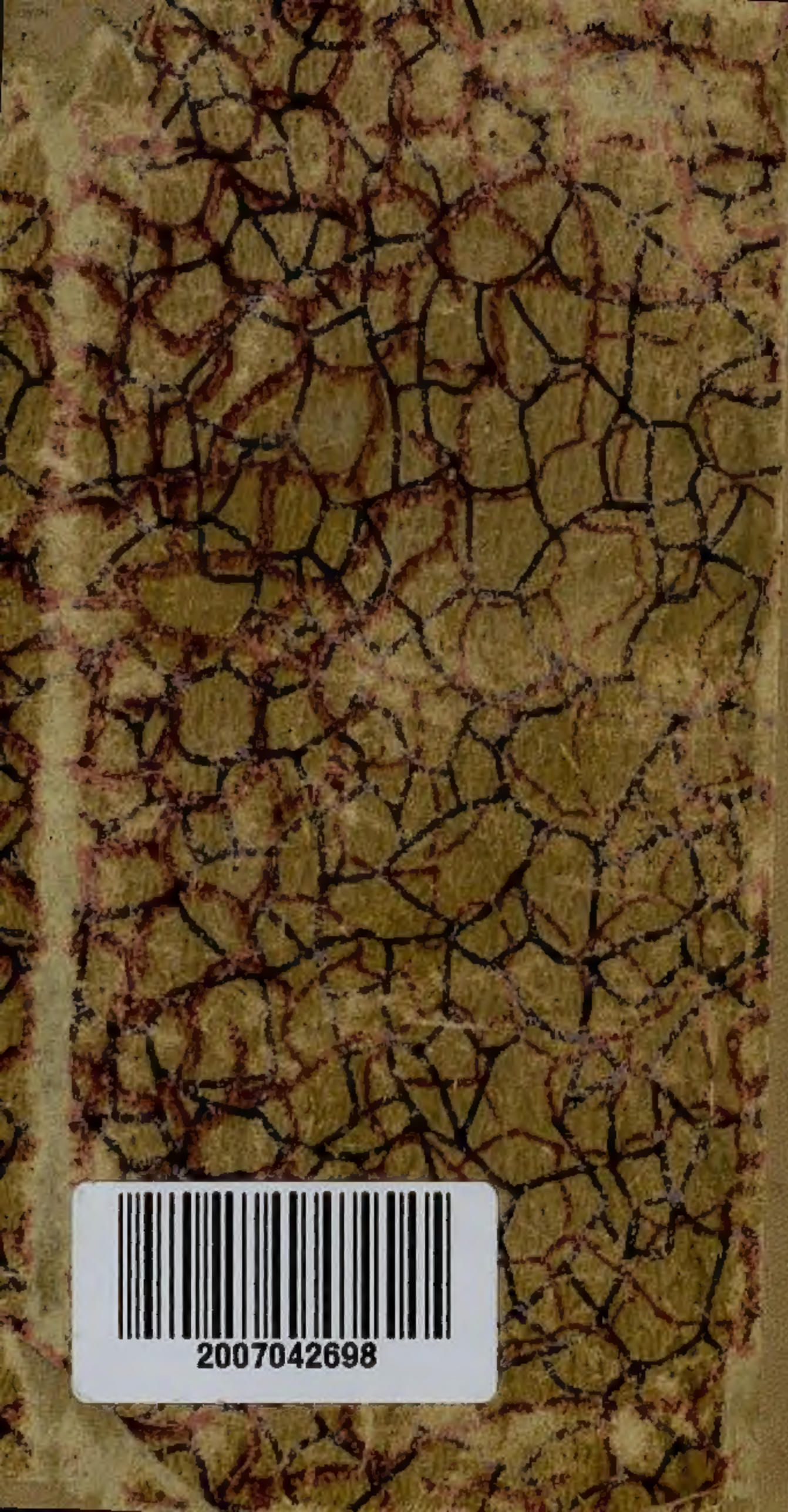
кровати были поставлены; въ аптекѣ находились банки, съ золотыми надписями; была кухня, щегольски отдѣланная; словомъ: все было чудесно—только *больные* являлись туда по наряду, изъ здоровыхъ крестьянъ, или дворовыхъ людей Сундукова, на коротkое время, когда проѣзжали начальники, или знатные чиновники черезъ городъ; послѣ они опять *выздоравливали*, и никогда ни одного въ чудесной больницѣ Сундукова не находилось.

Хотя онъ получилъ крестъ за сіе заведеніе, но честолюбіе его постепенно возрастало: ему хотѣлось еще наградъ. На большой дорогѣ, въ деревнѣ, гдѣ была всегдашняя его резиденція, онъ выстроилъ все на иностранный манеръ. Каменные, красивые крестьянскіе домы были покрыты черепицею; передъ каждымъ разведены небольшіе садики, и посажены фруктовыя деревья; внутри все было чисто и опрятно; передъ домами усыпано пескомъ; земледѣльческія орудія и пѣлеги стояли

подъ особымъ навѣсомъ. Среди деревни сдѣлана была площадь, вымощенная камнемъ, на которой выстроилъ Сундуковъ башню, съ высокою каланчею, для флага, на случай пожара. Нѣсколько заливныхъ трубъ, бочекъ съ водою, и всѣ нужные пожарные инструменты, стояли подлѣ, также подъ навѣсомъ. Въ башнѣ сей находилась главная Вотчинная Контора, и запасный магазейнъ, куда собирался мірской хлѣбъ. Тамъ-же хранились голубые и синіе крестьянскіе кафтаны, красныя рубашки, шляпы, и коты, или сапоги: все это крестьяне его обязаны были надѣвать на то только время, когда помѣщикъ показывалъ посѣтителямъ свою деревню, а потомъ все отбиралось обратно въ магазинъ. Огромная церковь стояла на возвышеніи; кругомъ ея разведенъ былъ Англійскій садъ. Домы Священника и причта были также каменные, крытые черепицею, и прекраснаго фасада. Господскій, великолѣпный домъ находился на вы-

сотъ, противоположной церкви. Службы, садъ, оранжереи — все одно другому соотвѣтствовало, и представляло блестящую наружность. Сундуковъ пригласилъ къ себѣ Его Высопревосходительство, начальника своего, и приготовилъ ему праздникъ, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы онъ самъ лично изволилъ видѣть, въ какомъ порядкѣ, и какъ чудесно устроена его деревня. Послѣ этого надѣялся онъ убѣдить Его Высокопревосходительство представить его къ наградѣ, какъ примѣрнаго помѣщика, въ поощреніе, чтобы и другіе пріучали крестьянъ своихъ, къ такому-же порядку, чистотѣ, и опрятности, какіе заведены у него.

КОНЕЦЪ ПЯТОЙ ЧАСТИ.



2007042698